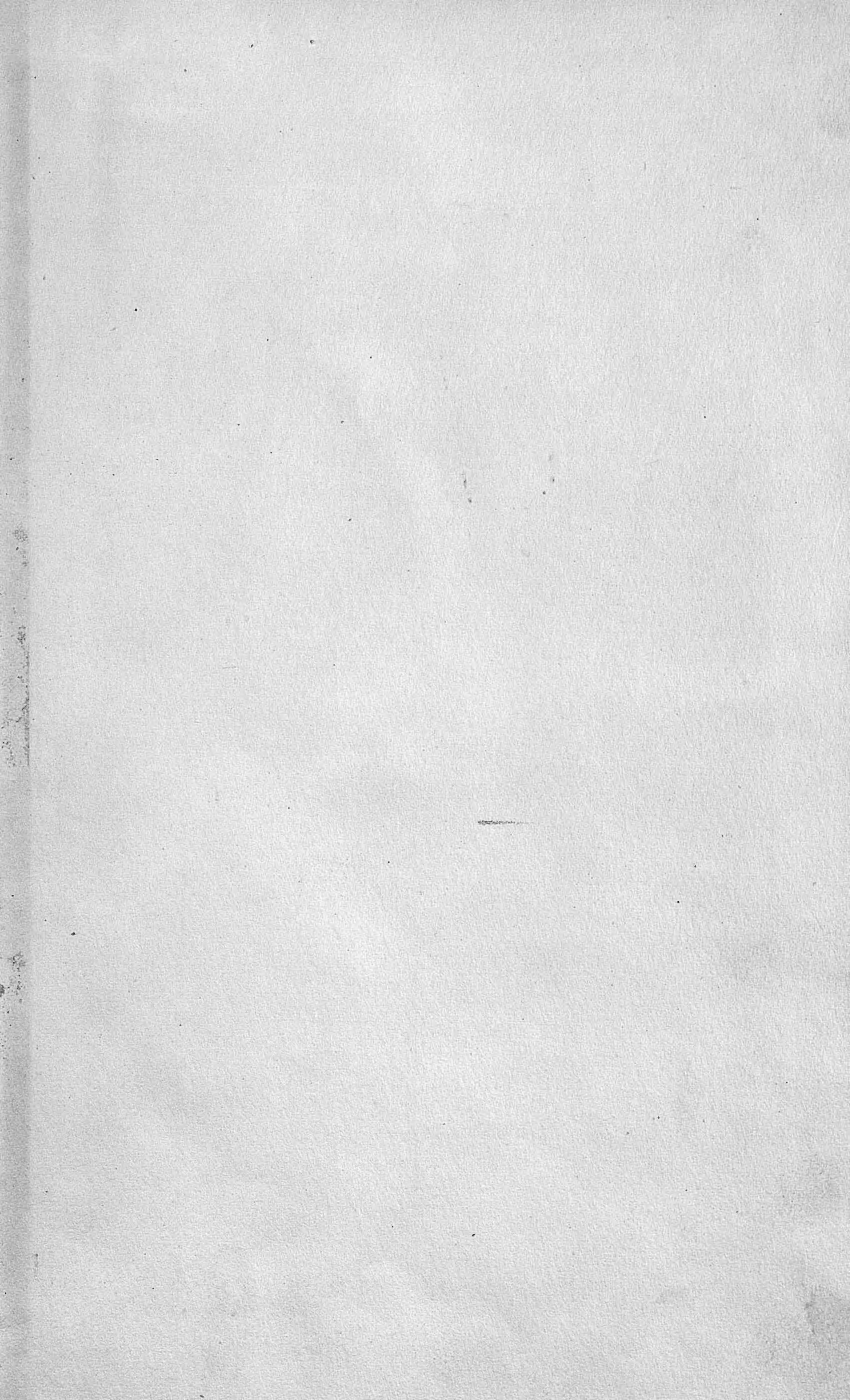
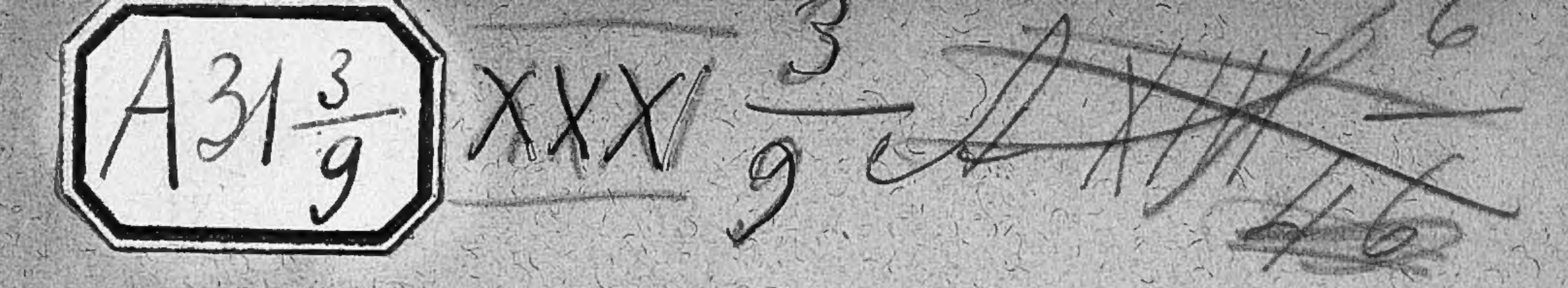

A31 3/9

А31 3/9 XXX 3/9

Изданіе Ф. И. Лобысевича.

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ

СРЕДНЮЮ АЗІЮ

ВЪ ТОРГОВОМЪ И ДИПЛОМАТИЧЕСКО-ВОЕННОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Дополнительный матеріалъ для исторіи Хивинскаго похода 1873 г.

(изъ офиціальныхъ источниковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39.
1900.

Изданіе Ф. И. Лобысевича.

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ

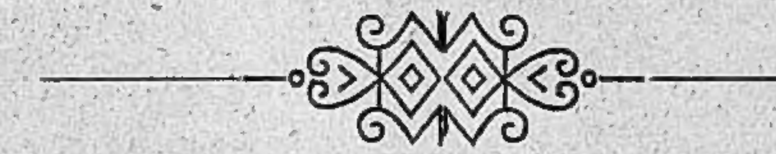
въ

СРЕДНЮЮ АЗІЮ

ВЪ ТОРГОВОМЪ И ДИПЛОМАТИЧЕСКО-ВОЕННОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

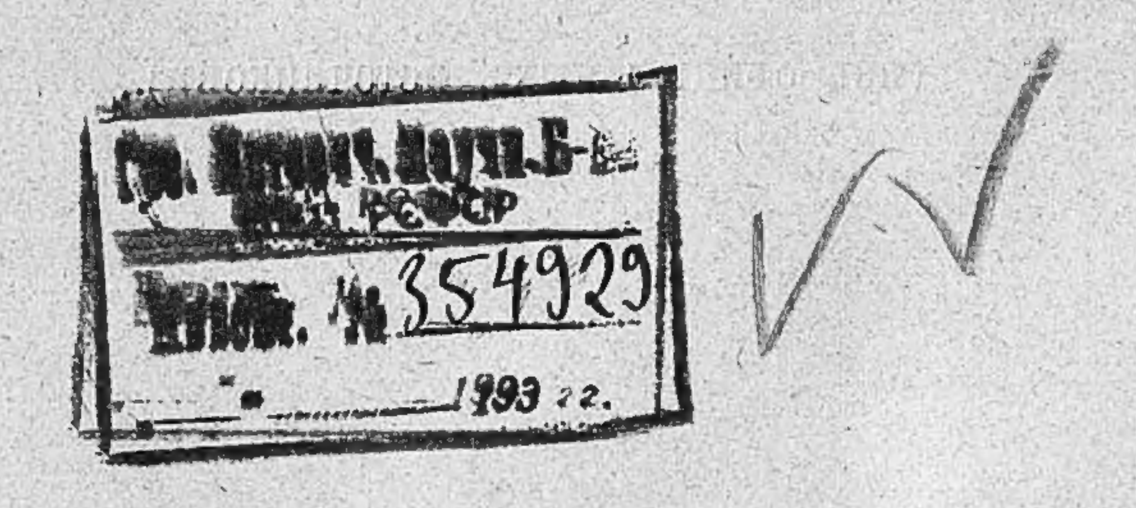
Дополнительный матеріалъ для исторіи Хивинскаго похода 1873 г.

(изъ оффиціальныхъ источниковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Октября 1899 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Приступивъ, въ прошломъ году, къ составленію «Описанія хивинскаго похода 1873 г.» въ моемъ распоряженіи была такая масса матеріала, какъ оффиціальнаго характера, такъ брошюръ, писемъ и замѣтокъ, что воспользоваться всѣмъ этимъ, хотя и имѣющимъ живой интересъ—не представлялось никакой возможности, какъ по очень обширному объему изданія, такъ и по спѣшности работы, которая должна была быть окончена къ 29 Мая прошлаго года, т. е. ко дню празднованія двадцатипятилѣтняго юбилея взятія Хивы (начата-же работа только въ концѣ Февраля). Между тѣмъ, представляемая, нынѣ на благосклонный судъ читателя, книга: «Поступательное движеніе въ Среднюю Азію», имѣетъ непосредственную связь съ исторіей взятія Хивы и, рисуя послѣдовательно, шагъ за шагомъ, поступательное наше движеніе въ глубь Азіи, даетъ читателю ясное понятіе о той необходимости какая вызывалась свойствами предыдущихъ событій, требовавшихъ окончательнаго покоренія и взятія въ 1873 г. Хивы, правительство которой, по образу дѣйствій своихъ къ Россіи, порождало, безпрестанно, разныя осложненія и тѣмъ роняло нашъ престижъ въ глазахъ киргизъ, кочующихъ въ предѣлахъ степи, граничащей съ Хивинскими владѣніями.

Командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, въ приказаніи по округу, отъ 15 Октября 1898 г. за № 174, находя трудъ мой по описанію Хивинскаго похода, который безспорно считается однимъ изъ доблестнѣйшихъ подвиговъ русской арміи,—солиднымъ и очень полезнымъ для подробнаго изученія одного изъ славнѣйшихъ событій въ Исторіи завоеванія Туркестана приказалъ выписать книгу мою для войсковыхъ библіотекъ округа.

Будучи чрезвычайно польщенъ настоящимъ лѣстнымъ отзывомъ Генералъ отъ Инфантеріи Духовскаго, я позволяю себѣ думать, что для русской арміи и русскаго общества настоящая книга тоже можетъ служить весьма полезнымъ знакомствомъ нашей политики въ средней Азіи и поступательнаго движенія въ Азію русскихъ малое знакомство которыхъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, постоянно вызывало и въ печати и въ обществѣ сѣтованіяна наши завоеванія и огромныя, при этомъ, денежныя затраты, до сего времени еще не оправдываемые доходами съ завоеваннаго края.

Ф. Лобысевичъ.

Декабрь 1899 г.
С-Петербургъ.

Часть I.

Торговое и дипломатическое сношеніе.

Географическое положеніе страны, населенной нашими предками, древними руссами, обусловило и раннее знакомство ихъ съ сосѣдними народами западной и южной Азіи. Многочисленныя племена, постепенно приливавшія, вслѣдъ за славянами, изъ внутренней Азіи въ Европу и располагавшіяся, въ своемъ этапномъ движеніи, въ юго-восточной полосѣ Россіи, неминуемо сталкивались съ руссами; отсюда возникли какъ враждебныя, такъ и мирныя, торговыя между ними сношенія.

Первыя ясныя указанія на эти сношенія встрѣчаются въ арабской литературѣ второй половины IX вѣка по Р. Х. Нѣтъ сомнѣнія, что знакомство и связи древнихъ руссовъ съ востокомъ относятся и къ болѣе раннему періоду, что̀ и подтверждается найденнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи множествомъ арабскихъ монетъ, принадлежащихъ началу VIII вѣка; но письменныя свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ жителей Руси съ странами азіятскаго материка мы впервые встрѣчаемъ въ «Книгѣ путей и государствъ» арабскаго писателя Абуль-Касима-Убэйдъ-Аллаха, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Ибна-Хордадбега[1]. Отъ него узнаемъ, между прочимъ, что русскіе купцы—«они же суть племя изъ славянъ»—вывозили разные мѣха изъ дальнѣйшихъ земель славянской страны и отправлялись съ ними на судахъ по Волгѣ до залива хазарской столицы (гор. Итиль, близь нынѣшней Астрахани), гдѣ хазарскій хаганъ взималъ съ купцовъ пошлину. Отсюда они слѣдовали далѣе по Каспійскому (Джорджанскому) морю, приставая въ пути къ любому берегу; иногда же они привозили свои товары до самаго Багдада[2]).

Изъ этого краткаго, но важнаго отрывка изъ сочиненія Ибнъ-Хордадбега можно заключить, что въ его время, т. е. когда на Руси зарождались еще первые зачатки государственнаго устрой-

---

¹) Писавшаго между 860—870 годами по Р. Х. См. *Гаркави*: «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб. 1870, стр. 44—58.

²) Тамъ же, стр. 49.

ства, русскіе люди успѣли настолько развить свои торговыя сношенія съ востокомъ, что они уже играли немаловажную роль въ балансѣ общей торговли Азіи съ Европой; иначе арабскій писатель не упоминалъ бы такъ обстоятельно о путяхъ, которыми слѣдовали русскіе торговцы. Поставленные въ соприкосновеніе на востокѣ съ хазарами, которымъ они даже платили дань, на югѣ—съ разными тюркскими племенами, какъ-то: печенѣгами, гуззами (половцами), вышедшими изъ азіятскихъ степей, предки наши знакомились съ сосѣдями не чрезъ одни торговыя сношенія: прежде всего имъ приходилось бороться съ ними изъ-за отстаиванія своей независимости, которой не разъ угрожала опасность отъ наплыва новыхъ азіятскихъ народностей; затѣмъ, благодаря устанавливавшимся связямъ, въ особенности съ хазарами,—народомъ, достигшимъ въ періодъ VII—VIII вѣковъ значительно цвѣтущаго состоянія,—руссы пріобрѣтаютъ возможность знакомиться съ произведеніями дальняго востока, проникавшими, путемъ торговли, въ Хазарію, и въ нихъ возбуждается естественное стремленіе къ добычѣ и къ обогащенію силою оружія. Отсюда возникаютъ воинственные набѣги древнихъ славянъ не только на ближайшихъ своихъ сосѣдей, но и на заморскія страны Византіи и даже халифатскихъ владѣній.

Историческихъ данныхъ объ этихъ лихихъ походахъ руссовъ до IX столѣтія, къ сожалѣнію, не имѣется; да и указанія на набѣги, совершенные ими въ періодъ этого послѣдняго вѣка, на при-каспійскія страны Азіи, приходится почерпать не изъ русскихъ древнихъ лѣтописей, а опять-таки изъ источниковъ восточной литературы. Такъ, первое свѣдѣніе о походѣ руссовъ на южное прибрежье Каспійскаго моря, въ Табаристанъ[1]), упоминается персидскими писателями и относится по времени къ 860—880 годамъ. Предпріимчивый духъ руссовъ, подстрекаемый суровостью и скудостью ихъ родины и разсказами о богатствахъ Каспійскаго побережья, манилъ ихъ на смѣлыя предпріятія въ отдаленныя страны востока, гдѣ они находили обширное поприще для обогащенія себя добычею и невольниками.

Съ призовомъ въ Русь норманскихъ витязей и ихъ дружинъ, пріобрѣвшихъ уже въ Западной Европѣ извѣстность своими удалыми разбоями, набѣги руссовъ получили, вѣроятно, еще большее развитіе. Два изъ извѣстныхъ историковъ востока: Абуль-Хасанъ-Али, прозванный *Аль-Масуди* [2]) и Ибнъ-Эль-Эсиръ-Джезери [3]) сохранили для потомства весьма обстоятельныя описанія о двухъ походахъ рус-

---

[1]) *Мельгуновъ*: «О южномъ берегѣ Каспійскаго моря», стр. 34.
[2]) Писалъ во второй четверти X вѣка.
[3]) Писалъ въ первой половинѣ XIII столѣтія.

совъ, предпринятыхъ ими въ первой половинѣ X вѣка. Оба эти набѣга имѣли, конечно, одну и ту же цѣль: пріобрѣтеніе добычи въ богатыхъ и торговыхъ странахъ юго-западнаго Каспійскаго прибрежья. О первомъ походѣ Масуди разсказываетъ слѣдующее: въ 913—914 годахъ[1]) руссы, числомъ до 50 тысячъ, на 500 судахъ, вошли изъ Чернаго въ Азовское море и, испросивъ себѣ разрѣшеніе у хазарскаго хагана пройти чрезъ его владѣнія, поднялись вверхъ по Дону, затѣмъ перетащили свои ладьи волокомъ къ Волгѣ, и по этой рѣкѣ. мимо хазарской столицы Итиля, спустились въ Каспійское море.

Отсюда смѣлые удальцы разбрелись по морю и производили свои набѣги на прибрежья нынѣшней бакинской области (нефтяная страна) и провинцій Гиляна и Табаристана, опустошая села и города, захватывая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, увозя съ собою все цѣнное имущество. Вдосталь насытившись грабежами и отдохнувъ отъ своихъ набѣговъ на лежащихъ вблизи Баку островахъ, руссы двинулись въ обратный путь къ Итилю, гдѣ и вручили хазарскому хагану заранѣе условленную часть награбленной добычи. Но тутъ противъ руссовъ составилось ополченіе изъ хазарскихъ мусульманъ, желавшихъ отомстить за опустошенія, причиненныя ихъ единовѣрцамъ, и преградить обратный путь дерзкимъ разбойникамъ. Близь устья Волги произошла трехдневная битва на сушѣ между хазарами и руссами; послѣдніе были совершенно разбиты, большая часть изъ нихъ погибла, а остатки руссовъ, спасшіеся-было на судахъ вверхъ по Волгѣ, были истреблены мордвою и булгарами.

Неудачный исходъ этого морского набѣга не охладилъ, однако, предпріимчиваго духа нашихъ предковъ, и черезъ 30 лѣтъ послѣ того, мы опять видимъ ихъ отважно пускающимися въ далекіе набѣги на востокъ, движимые неутолимою жаждою добычи. На этотъ разъ, руссы, помня, вѣроятно, вѣроломство хазаровъ, рѣшили избрать другой путь для своего похода. Судя по дошедшимъ до насъ мусульманскимъ писаніямъ, можно предположить, что руссы, въ 943 году, направились уже сухопутно, чрезъ кавказскій перешеекъ, соединившись съ обитавшими на немъ горскими народами, какъ-то: аланами, лазгами и другими. Попытка ихъ овладѣть Дербентомъ не удалась, и тогда они сѣли на суда и, войдя въ устье р. Куры, двинулись по ней къ гор. Бердаа, тогдашней столицы арранской области (нынѣ деревушка въ Карабахѣ). Бердаа былъ въ то время важнымъ торговымъ рынкомъ, и богатства его, о которыхъ руссы могли знать отъ

---

[1]) *В. Григорьевъ:* «Россія и Азія», сборникъ статей. Спб. 1876 г.: «О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ», стр. 6—17. См. также: *А. Гаркави:* «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб. 1870 г., стр. 130—158.

своихъ купцовъ, должны были служить сильною приманкою для алчности сѣверныхъ воиновъ. Разбивъ высланный противъ нихъ адербейджанскимъ правителемъ отрядъ, руссы заняли городъ, объявивъ, что жизнь жителей будетъ пощажена. «Они сдержали свое слово, говоритъ Ибнъ-Эль Эсиръ, и, должно отдать имъ справедливость, вели себя воздержно»[1]). Но въ слѣдовавшей за тѣмъ битвѣ съ мусульманскими войсками, часть населенія Бердаа присоединилась къ враждебнымъ противъ руссовъ дѣйствіямъ, не смотря на убѣжденія послѣднихъ держать себя мирно. Тогда руссы, дозволивъ жителямъ выйти, въ теченіи недѣльнаго срока, изъ города, истребили оставшихся, разграбили городъ и взяли въ рабство дѣтей и красивѣйшихъ женщинъ. Высланный для освобожденія Бердаа 30-тысячный корпусъ адербейджанскихъ войскъ былъ снова разбитъ руссами, которые остались спокойными обладателями города, гдѣ, въ теченіи довольно продолжительнаго времени, предавались пользованію результатами своихъ успѣховъ. Разъ только они сдѣлали набѣгъ на югъ, въ окрестности города Мераги, близь Тавриза, причемъ они потеряли значительное число людей отъ заразительныхъ болѣзней. Наконецъ, въ 944 году, Бердаа была осаждена мусульманскими войсками, и руссы, ряды которыхъ сильно порѣдѣли во время осады отъ болѣзней, вышли ночью изъ крѣпости съ наиболѣе цѣннымъ имуществомъ, добрались до Куры, не будучи преслѣдуемы непріятелемъ, сѣли на суда и отправились во свояси[2]).

Таковы были два древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ походовъ руссовъ въ при-каспійскія страны. Безъ сомнѣнія, были и другіе не менѣе отважные набѣги славянъ на востокъ до и послѣ вышеописанныхъ, но извѣстія о нихъ не сохранились. Изъ русскихъ лѣтописей мы знаемъ еще о походѣ Святослава, въ 965 году, въ Хазарію, откуда онъ распространилъ свои побѣдоносные набѣги, по свидѣтельству арабскаго писателя Ибнъ-Хаукаля, до самаго кавказскаго хребта, разрушивъ до основанія городъ Семендеръ (нынѣшній Тарху) въ Дагестанѣ[3]).

Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній мусульманскихъ историковъ ясно, что сношенія русскихъ съ Азіею начались еще ранѣе образованія на Руси правильныхъ формъ государственнаго устройства. Если, по показаніямъ Ибнъ-Хордадбега, русскіе купцы достигали до Багдада, то нѣтъ ничего мудренаго, что тѣ же славянскіе торговцы, а за ними, быть можетъ, и партія удальцовъ-разбойниковъ прони-

---

[1]) *Григорьевъ:* «Россія и Азія», стр. 22.
[2]) *Григорьевъ,* loc. cit., стр. 21—29.
[3]) Тамъ же, стр. 42 и 63.

кали еще далѣе на югъ и востокъ, въ области Хорасана и Харезма. Да иначе едва ли и могло быть. Откуда же наши предки могли, уже въ IX столѣтіи, настолько обогатиться, чтобы уплачивать деньгами дань варягамъ и хазарамъ и даже наполнять ими богатые клады [1]), если бы не внѣшняя торговля съ отдаленными странами востока и не смѣлые набѣги на нихъ добычелюбивыхъ руссовъ—славянъ?

Съ паденіемъ хазарскаго царства въ началѣ XI вѣка, русскіе придвинулись болѣе на юго-востокъ, и сынъ Владиміра Святаго, Мстиславъ, получилъ въ удѣлъ Тмутараканскую область прежней Хазаріи. Этимъ самымъ открывался русскимъ уже безпрепятственный доступъ къ р. Дону, откуда они, прежнимъ путемъ, чрезъ Волгу и Каспійское море, могли еще болѣе развивать свою торговлю съ средне-азіятскими странами. Великій Новгородъ и Псковъ, будучи членами Ганзейскаго союза, принимали дѣятельное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ цвѣтущими областями Мавераннахра и служили посредниками въ обмѣнѣ произведеній между Азіею и сѣверной Европой.

Но уже близилось время, когда на долю Руси должно было выпасть хотя и тѣсное, но самое тяжелое знакомство съ азіятскимъ міромъ, въ грубѣйшихъ его проявленіяхъ. Монгольскія войска Чингиса, подъ предводительствомъ Чепе-Нояна и Субутая, сломивъ могущество харезмскаго шаха, двинулись, въ 1222 году, чрезъ весь кавказскій перешеекъ, съ юга на сѣверъ, и впервые проникли на русскую землю[2]). Участь защитниковъ послѣдней рѣшилась при Калкѣ (1223 г.), и хотя на этотъ разъ монголы не пошли дальше, но за то, 14 лѣтъ спустя, русская земля подвергнулась страшному опустошительному нашествію Чингисова внука, Батыя, кончившемуся полнѣйшимъ порабощеніемъ ея. Съ этого времени Россія сама становится не болѣе какъ составною частью, областью великой монгольской монархіи, будучи включена въ предѣлы такъ называемаго Джучіева улуса, изъ котораго впослѣдствіи образовалась «Золотая орда».

Отъ свободныхъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азіею Русь перешла, такимъ образомъ, къ тяжелой политической зависимости отъ нея. Не надо забывать при этомъ, что съ распространеніемъ владычества монголовъ или, какъ преимущественно называютъ ихъ, татаръ, Средняя Азія утрачиваетъ то высокое культурное значеніе, которое она имѣла въ блестящую эпоху IX—XII столѣтій. Уже съ 1260 года ханы Дештъ-и-Кипчака или Золотой Орды становятся

---

[1]) *И. Срезневскій:* «Слѣды древняго знакомства русскихъ съ Южною Азіею въ IX вѣкѣ». (Вѣстн. Им. Р. геогр. общ. т. X, отд. II, стр. 49—68).

[2]) *К. Бестужевъ-Рюминъ:* Русская Исторія, Ч. I. Спб. 1872 года, стр. 275.

независимы отъ великаго хагана, управлявшаго съ береговъ Селенги всею Чингисовою монархіею, и, утвердивъ свое стойбище въ Сараѣ (близь г. Царева, Астрах. губерніи[1]), устремляютъ свои заботы, главнымъ образомъ, на полное подчиненіе Россіи своему вліянію и господству. Послѣднее же отозвалось, какъ извѣстно, двухсотлѣтнею остановкою въ развитіи народнаго просвѣщенія, усвоеніемъ многихъ грубыхъ нравовъ и, въ политическомъ отношеніи, отдаленіемъ срока утвержденія единовластія надъ западною и восточною Русью.

Тягость татарскаго ига и желаніе отстранить отъ народа еще большія бѣдствія вызывали поѣздки нашихъ великихъ князей не только въ ставку кипчакскихъ хановъ на Волгѣ, но и въ столицу великихъ хагановъ, Каракорумъ; такъ, туда ѣздилъ вел. кн. Ярославъ Мстиславовичъ въ 1246 г. для присутствованія при вступленіи на престолъ хагана Куюка; но, не смотря на выгодное впечатлѣніе, произведенное Ярославомъ на монголовъ, онъ былъ отравленъ, будто-бы по наущенію ханши, матери Куюка[2]). Но не одни только попеченія о благѣ своихъ подданныхъ влекли русскихъ князей въ ставку преемниковъ Батыя. Узкіе личные интересы, духъ зависти мелкаго честолюбія разъѣдали князей удѣльной эпохи и побуждали ихъ прибѣгать къ покровительству и заискиванію у ордынскихъ хановъ. Много зла причинила удѣльная система Россіи, и власть русскихъ князей была подчасъ несравненно тяжелѣе для народа власти татарской, которая постоянно утрачивала свое значеніе отъ внутреннихъ неурядицъ въ самой ордѣ.

Монгольское иго, прервавъ въ началѣ сношенія Руси собственно съ Среднею Азіею, впослѣдствіи способствовало лишь расширенію этихъ связей. Кромѣ поѣздокъ князей и пословъ ихъ въ монгольскія степи, къ великому хагану, и простые русскіе торговые люди стали появляться въ его средне-азіятскихъ владѣніяхъ, расширяя, такимъ образомъ, кругъ европейскихъ свѣдѣній о дальнемъ востокѣ. Это подтверждается показаніями нѣкоторыхъ путешественниковъ XIII столѣтія и сохранившимися письменными временниками[3]) Съ другой стороны, и новые подданные Чингисовой державы, обитатели Мавераннахра, бухарцы и харезмцы, издавна славившіеся своею торговою промышленностью, начали чаще наѣзжать въ Россію, гдѣ они не только преслѣдовали чисто коммерческія цѣли, но и нерѣдко являлись главными откупщиками татарской дани, и притѣснителями

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, loc. cit. стр. 277 и 278.

[2]) Тамъ же, стр. 288.

[3]) Карманная книжка, изд. русск. географич. общ. 1848 г. Спб. 1849 г. Ст. П. *Савельева:* «Средняя Азія», стр. 262 и 263. *James Hutton:* Central Asia. Lond. 1875, page 94.

народа русскаго [1]). Во второй половинѣ XIV вѣка Нижній-Новгородъ является уже замѣтнымъ торговымъ центромъ, куда стекаются купцы татарскіе, армянскіе и изъ другихъ восточныхъ странъ, привозя для продажи азіятскія ткани, жемчугъ, пряности и иные южные товары.

Куликовская битва (8-го сентября 1380 г.) была поворотнымъ предѣломъ въ исторіи отношеній Восточной Европы съ Азіею. Распространеніе вліянія послѣдней на западъ прекращается, и, наоборотъ, начинается сперва медленное, едва замѣтное наступательное движеніе Россіи на востокъ, приведшее ее однако, въ скоромъ времени, на тѣ самыя мѣста по рр. Онону и Кэрулену, откуда монгольское племя впервые выступило на завоеваніе Азіи и половины Европы. Послѣ Куликовской побѣды наступаетъ періодъ подготовленія русской земли къ сверженію съ себя татарскаго господства; и спустя сто лѣтъ, когда отъ нѣкогда могущественной Золотой Орды отпали царства казанское и крымское, Іоаннъ III чувствуетъ себя настолько сильнымъ, что открыто прерываетъ свои вассальныя отношенія къ Золотой Ордѣ и становится вполнѣ самостоятельнымъ государемъ Россіи [2]).

Какіе печальные слѣды ни оставило татарское владычество надъ Россіею, оно имѣло, однако, и ту полезную сторону, что ознакомило правителей государства съ политическимъ и общественнымъ строемъ, нравами и обычаями азіятскаго міра. Знакомство это послужило русскимъ государямъ основаніемъ для послѣдующей политики ихъ въ отношеніи къ Средней Азіи, которую они вели съ искусствомъ, немыслимымъ безъ обстоятельнаго усвоенія ими какъ хорошихъ, такъ и слабыхъ сторонъ государственнаго устройства восточныхъ народовъ. Съ паденіемъ Золотой Орды, въ началѣ XVI вѣка, Россія не тотчасъ проникла въ самые предѣлы Средней Азіи; ей нужно было сперва самой окрѣпнуть въ своемъ внутреннемъ политическомъ организмѣ, охранить свое положеніе на западныхъ и южныхъ границахъ государства и заняться сначала устройствомъ вновь пріобрѣтенныхъ земель казанскаго и астраханскаго царствъ (1552 и 1556 гг. [3]).

Сѣверная Азія, Сибирь, была покорена при Іоаннѣ IV, но мысль о завоеваніи ея и осуществленіе этой мысли было дѣломъ не госу-

---

[1]) Записки Имп. русск. геогр. общ. кн. V, 1851 г., ст. *Я. Ханыкова*: «Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря и Хивинскаго ханства». Стр. 282.

[2]) *С. Соловьевъ*: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. III и V. Спб. 1857 и 1858 г.

[3]) Сборникъ государственныхъ знаній. Т. I. Спб. 1874 г. Ст. *В. Григорьева*: «Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи», стр. 233—235.

дарственной политики, а частныхъ лицъ и небольшой шайки казачьей вольницы, движимой, какъ и древніе руссы, духомъ отважной предпріичивости и жаждою добычи. Пріобрѣтенія, сдѣланныя въ Сибири Ермакомъ и его удалыми сподвижниками, были лишь приняты Грознымъ подъ его царскую руку и только впослѣдствіи закрѣплены за государствомъ постройкою городовъ и остроговъ и назначеніемъ царскихъ воеводъ для управленія краемъ.

Покореніе Казани, Астрахани и Сибири придало большое значеніе славѣ и могуществу русскаго государства въ самыхъ далекихъ странахъ востока. Съ этого времени мусульманскіе владѣтели Средней Азіи начинаютъ часто отправлять пословъ къ московскимъ государямъ съ грамотами о взаимной дружбѣ и о покровительствѣ своимъ торговымъ людямъ. Съ нашей стороны отвѣчаютъ такими же посольствами, на которыхъ возлагается почти всегда обязанность провѣдать о путяхъ въ Индію, о чемъ, какъ видно, заботились не одни русскіе государи, но и западные европейцы, преимущественно генуэзцы и венеціанцы, пріѣзжавшіе съ этою цѣлью къ московскому двору. Изъ Россіи первое путешествіе въ Индію совершенно было еще въ 1469 году тверскимъ купцомъ Никитинымъ, проѣхавшимъ туда по Волгѣ, далѣе черезъ Дербентъ, Баку и Сѣверную Персію [1]).

Въ сношеніяхъ своихъ съ азіятскими владѣтелями московскіе государи ревниво охраняли честь и достоинство русскаго имени, строго наказывая своимъ посламъ никогда не упускать этого изъ вида. До какой щепетильности, — и прибавимъ, вполнѣ основательной, — доходила въ этомъ отношеніи заботливость русской дипломатіи, можно судить по слѣдующему факту; Въ 1533 году прибылъ въ Москву, къ великому князю Василію Іоанновичу, первый посолъ изъ Индіи отъ знаменитаго Бабера съ грамотой, въ которой предлагалось русскому государю жить съ нимъ въ дружбѣ. Такъ какъ извѣстіе объ основаніи Баберомъ обширнаго и сильнаго государства въ Индіи и Афганистанѣ не дошло еще тогда до Москвы, то въ отвѣтной грамотѣ индійскому посланцу было сказано, что государь (Василій Іоанновичъ), соглашаясь на свободную торговлю между обѣими странами, — «о братствѣ къ нему (Баберу) не приказалъ, ибо не вѣдаетъ его государства, не вѣдомо: онъ государь, или государству тому урядникъ». Точно также, когда знаменитѣйшій изъ шейбанидовъ, Абдъ-Уллахъ, ханъ бухарскій, прислалъ въ 1589 году царю Федору Іоанновичу грамоту безъ царскаго титула, то она не была принята, и хану отвѣчалъ не царь, а Годуновъ, который, ука-

[1]) Записки Императ. русск. геогр. общества, 1851 г. Кн. V, стр. 282 и 283 «Карманная книжка географическаго общества» 1849 г. стр. 263.

завъ на то, что всѣ государи пишутъ къ царскому величеству съ должнымъ уваженіемъ, прибавлялъ, что царь не положилъ опалы на бухарскаго посла только по его, Годунова, ходатайству, и предлагалъ Абдъ-Уллаху загладить его проступокъ, обѣщая ему, въ этомъ случаѣ, предстательствовать предъ царемъ, чтобы взаимныя сношенія не прекратились [1]).

Сосѣдство на восточныхъ окраинахъ государства кочевыхъ народовъ возлагало, конечно, на правительство заботу—ограждать, по-возможности, русскія поселенія отъ набѣговъ и гребежей этихъ кочевниковъ. Однако, центральная власть, пытавшаяся-было еще при Іоаннѣ Грозномъ и царѣ Федорѣ завести правильныя сношенія съ киргизами, но неудачно, не принимала въ этомъ дѣлѣ прямаго участія, а предоставляла его самимъ пограничнымъ воеводамъ. Послѣдніе, получая лишь отъ правительства огнестрѣльное оружіе и порохъ, когда нужно было, собирали изъ приписанныхъ къ городамъ и острогамъ раіоновъ ратныхъ людей и, защищаясь отъ вторженій кочевыхъ хищниковъ, при случаѣ, сами вторгались въ ихъ кочевья и отплачивали имъ разграбленіемъ ауловъ и отбитіемъ скота. Необходимость постоянной вооруженной защиты самими жителями ихъ поселеній повела къ образованію на восточныхъ предѣлахъ нашихъ казачества; такъ возникли въ XVI еще столѣтіи казаки сибирскіе и яицкіе, получившіе впослѣдствіи опредѣленное устройство.

Жизнь постоянно лицомъ къ лицу съ опасностью развила въ казакахъ духъ отваги и предпріимчивости, сдѣлавшій ихъ грозой для кочевыхъ народовъ, сознававшихъ при томъ все неравенство «лучнаго боя», которымъ они сражались, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ казаковъ. Казачья удаль влекла ихъ постоянно впередъ, и, такимъ образомъ, сибирскіе казаки, уже къ половинѣ XVII столѣтія, стояли на берегахъ Амура. Географическія же условія среднеазіятскихъ степей хотя и не дозволяли яицкимъ казакамъ систематически подвигаться на востокъ и утверждаться въ пройденныхъ мѣстностяхъ, но за то и не служили преградою для самыхъ смѣлыхъ набѣговъ даже и на осѣдлыя владѣнія Средней Азіи.

Память объ одномъ изъ такихъ смѣлыхъ предпріятій сохранилась и до сихъ поръ въ преданіи между уральскими казаками, а фактъ самаго событія подтвержденъ хивинскимъ ханомъ Абульгази [2]), при отцѣ котораго былъ совершенъ этотъ набѣгъ. Сущность повѣствованія Абульгази заключается въ томъ, что въ 1605 году, около

[1]) Сборн. государ. знаній, т. I, стр. 236 и 237. — Записки Имп. геогр. общ. Кн. V, стр. 283.

[2]) *Aboul-ghazi-Béhadour-khan:* «Histoire des Mogols et des Tatares», traduite et annotée par *le baron Desmaisons* S.-Petersbourg. 1874, Tome II, pages 294—296.

тысячи яицкихъ казаковъ внезапно появились предъ тогдашнею столицею хивинскаго ханства, Ургенчемъ, разграбили этотъ городъ, захватили тысячу мальчиковъ и дѣвицъ и съ награбленнымъ имуществомъ двинулись въ обратный путь. Предувѣдомленный объ этомъ ханъ Арабъ-Мухамедъ преградилъ имъ съ войскомъ путь отступленія, возведя укрѣпленіе со рвомъ; но казаки въ трехдневномъ бою овладѣли имъ. Тогда хивинцы, позади перваго укрѣпленія, возвели новое, съ цѣлью не допустить казаковъ до Аму-дарьи. Пять дней бились русскіе, пока не истощили весь запасъ воды; затѣмъ, видя, что силы ихъ слабѣютъ, они окружили себя вагенбургомъ изъ захваченныхъ арбъ и здѣсь, черезъ день, были наконецъ, истреблены хивинцами. Впрочемъ, около сотни казаковъ удалось пробиться къ берегу рѣки, гдѣ они устроили себѣ, близъ крѣпости Тукъ [1]), небольшую ограду, вѣроятно изъ палисадника, и заперлись въ ней, питаясь одною рыбою. Хивинцы окружили это убѣжище и, послѣ пятнадцатидневной осады, овладѣли ими и уничтожили послѣднюю горсть храбрыхъ удальцовъ.

Разсказъ этотъ, быть-можетъ и не совсѣмъ вѣрный въ деталяхъ, важенъ для насъ, какъ указаніе, что казачество, естественно образовавшееся на нашихъ окраинахъ, не ограничивалось одною лишь защитою русской земли отъ вторженій сосѣднихъ хищниковъ, но и являлось наступательною силою; оно воплощало въ себѣ, такъ-сказать, идею обратнаго движенія Европы въ Азію, приведшую нынѣ Россію къ тѣмъ самымъ верховьямъ Окса, откуда въ до-историческія времена началось разселеніе народовъ арійскаго племени. Отмѣтимъ здѣсь какъ фактъ, имѣющій неоспоримо историческое значеніе, что первыя стремленія Россіи на востокъ, какъ въ Сибири, такъ и въ Средней Азіи, были дѣломъ народнаго духа, а не правительства. Послѣднее держалось пока въ сторонѣ; но, сознавая важныя услуги, которыя казачество оказывало государству въ осуществленіи его исторической задачи, центральное правительство умѣло пользоваться этою народною силою до тѣхъ поръ, пока не наступило время взять въ свои руки непосредственное руководство нашими отношеніями къ Средней Азіи, сообразно усложнившимся политическимъ условіямъ.

Завязавшаяся съ дальнимъ востокомъ торговля привлекала въ Россію, какъ уже было упомянуто, неоднократныя посольства отъ средне-азіятскихъ владѣтелей съ просьбами о покровительствѣ ихъ подданнымъ купцамъ. Цари московскіе благосклонно относились къ

---

[1]) Развалины этой крѣпости существуютъ и до сихъ поръ въ дельтѣ Аму-дарьи.

этимъ ходатайствамъ, сознавая пользу, приносимую государству расширеніемъ его торговыхъ связей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно видѣли, что для Россіи было бы еще выгоднѣе, если бы необходимыя азіятскія произведенія могли быть покупаемы самими русскими на мѣстахъ ихъ производства; поэтому, со стороны правительства было оказываемо всевозможное поощреніе тѣмъ изъ нашихъ торговыхъ людей, которые рѣшались пускаться въ опасныя путешествія къ средне-азіятскимъ рынкамъ. Въ видахъ оказанія покровительства такимъ піонерамъ русской торговли, начали и мы отправлять посольства къ мусульманскимъ владѣтелямъ востока. Посламъ нашимъ, кромѣ требованія гостепріимства и права свободной торговли для русскихъ купцовъ въ Средней Азіи, предписывалось заботиться и объ участи находившихся тамъ въ неволѣ нашихъ подданныхъ и стараться объ освобожденіи ихъ; наконецъ, посламъ вмѣнялось въ обязанность собирать свѣдѣнія о политическомъ и военномъ положеніи посѣщаемыхъ ими странъ и о путяхъ, ведущихъ въ другія сосѣднія владѣнія [1]).

Особенное развитіе посольства наши въ Среднюю Азію получили со времени вступленія на русскій престолъ государей дома Романовыхъ. Въ 1620 году царь Михаилъ Федоровичъ отправилъ посланникомъ къ бухарскому хану, Имаму-кули, дворянина Ивана Хохлова. Въ наказѣ, данномъ ему по этому случаю, встрѣчаемъ опять слѣды той заботливости, съ которою русское правительство того времени относилось къ вопросу о поддержаніи чести и достоинства Россіи въ глазахъ мусульманскихъ владѣтелей,—что свидѣтельствуетъ о вѣрномъ пониманіи нашими государственнными людьми XVI и XVII столѣтій характера отношеній къ азіятскимъ ханамъ. Такъ, въ наказѣ царскомъ, между прочимъ, предписывалось Хохлову [2]): если для допущенія къ хану будутъ требовать отъ него пошлинъ, то отнюдь не давать ихъ и возвратиться обратно; если за обѣдомъ у хана будутъ находиться послы и отъ другихъ государствъ, то требовать, чтобы ему, Хохлову, было дано мѣсто выше другихъ; въ противномъ случаѣ не обѣдать [3]). Посолъ нашъ вполнѣ проникся духомъ этого наказа и держалъ себя съ достоинствомъ, которое мы рѣдко встрѣчаемъ у послѣдующихъ нашихъ

[1]) *В. Григорьевъ:* «Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи». Сборн. госуд. знаній, т. I, стр. 239.

[2]) Тамъ же, стр. 237, и «Записки русск. геогр. общ.» (1851 г. кн. V, статья Я. Ханыкова), стр. 303—305.

[3]) Въ томъ же наказѣ подтверждалось, чтобы находившіеся при посольствѣ Хохлова царскіе кречетники, съ которыми отправлены къ Кули-хану четыре «добрыхъ кречета», не были на ханской охотѣ, другими словами, чтобы люди русскаго царя не были, даже временно, слугами азіятскаго хана.

посланниковъ. Вручая царскую грамоту и видя, что, при имени и поклонѣ царскомъ, ханъ не встаетъ, Хохловъ замѣтилъ ему, что всѣ государи встаютъ, изъ уваженія къ имени Его Царскаго Величества. Ханъ извинился тѣмъ, что, заслушавшись государевой рѣчи, забылъ встать и увѣрялъ посла, что это недоразумѣніе не было слѣдствіемъ непріязни или неуваженія [1]).

При Алексѣѣ Михаиловичѣ состоялось въ 1669 году посольство къ хивинскому хану; во главѣ его поставлены были Иванъ Федотовъ и Матвѣй Муромцевъ. Федотовъ, съ разрѣшенія хана, объѣздилъ важнѣйшіе торговые города его владѣній и лично убѣдился въ слабомъ развитіи туземной промышленности; въ донесеніи своемъ, онъ, между прочимъ, писалъ, что отъ торговли съ Хивой «Россійскаго Государства торговымъ людямъ большіе прибыли и пожитковъ не чаять». Изъ Хивы Федотовъ вывелъ 12 русскихъ плѣнныхъ, которыхъ выкупилъ за 828 рублей [2]).

Въ томъ же году отправлены были въ Бухару къ хану Абдъ-уль-Азису, посланниками братья Борисъ и Семенъ Пазухины. Въ грамотѣ къ хану царь требовалъ освобожденія русскихъ плѣнныхъ и пересылки ихъ въ Россію съ царскими посланниками; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалъ желаніе жить съ ханомъ въ дружбѣ и согласіи на продолженіе взаимныхъ торговыхъ сношеній. Борисъ Пазухинъ держалъ себя съ такимъ же достоинствомъ, какъ и предшественникъ его въ Бухарѣ, Иванъ Хохловъ, и былъ принятъ ханомъ съ почестями. Въ знакъ дружбы къ царю Алексѣю Михаиловичу, Абдъ-уль-Азисъ отправилъ съ нашимъ посланникомъ девять русскихъ плѣнныхъ, выкупленныхъ, будто бы, у хивинцевъ, и обѣщалъ отпустить еще болѣе при пріѣздѣ новыхъ русскихъ пословъ. Пазухины, согласно данному имъ наставленію, тайно увѣщевали находившихся въ бухарской неволѣ соотечественниковъ сохранять вѣру свою и стараться о возвращеніи себѣ свободы. Передъ отъѣздомъ изъ Бухары посламъ нашимъ удалось выкупить 22 русскихъ плѣнныхъ.

Шесть лѣтъ спустя, Алексѣй Михайловичъ шлетъ въ Бухару новаго посланника, Василія Даудова, которому поручаетъ напомнить Абдъ-уль-Азису-хану данное имъ Пазухину обѣщаніе отпустить русскихъ плѣнниковъ. Но бухарскій ханъ, хотя и принялъ благосклонно русскаго посла, отказался отъ возвращенія плѣнныхъ подъ предлогомъ, что въ то время ему нужны были люди для войны

---

[1]) *Я. Ханыковъ:* «Пояснительная записка». Записки геогр. общества 1851 г. кн. V, стр. 305.

[2]) Тамъ же, стр. 306—308.

съ Хивою; однако, въ отвѣтной грамотѣ царю, обѣщалъ вскорѣ отправить къ нему своихъ пословъ и съ ними отпустить 20 русскихъ безъ всякой за нихъ платы. Самъ же Даудовъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухарѣ 33 плѣнныхъ соотечественниковъ [1]).

Частое отправленіе посольствъ въ Среднюю Азію и даже въ Индію, въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіи, не только способствовало расширенію нашихъ политическихъ и торговыхъ сношеній съ востокомъ, но и оказало неоцѣнимую услугу географической наукѣ, обогативъ ее замѣчательными для того времени, по своей точности, свѣдѣніями о Средней Азіи. Сводъ этихъ свѣдѣній, а равно и показанія, отбиравшіяся отъ азіятскихъ «гостей», пріѣзжавшихъ въ Москву, вошли въ извѣстную «Книгу Большаго Чертежа», составленную въ Розрядѣ еще въ концѣ XVI вѣка и дополненную въ 1627 году. Матеріалы, заключавшіеся въ этой «Книгѣ», пролили совершенно новый свѣтъ на топографію и гидрографію Аральскаго и Каспійскаго бассейновъ и земель по рр. Сыру и Аму, о которыхъ не только въ ту эпоху, но даже и въ первой четверти XVIII столѣтія, существовали еще самыя превратныя понятія въ Западной Европѣ [2]).

Торговые виды, служившіе вмѣстѣ съ тѣмъ и проводникомъ политическаго вліянія Россіи, не ограничивались одною Среднею Азіею. Выше было замѣчено, что русскіе государи, еще со временъ Іоанна IV, не упускали случая разузнавать о странахъ индійскихъ и о путяхъ, ведущихъ къ нимъ. Почти одновременно начались и попытки со стороны Англіи завязать торговыя сношенія съ Азіею черезъ Россію, и съ этою цѣлію отправленъ былъ лондонскимъ торговымъ обществомъ [3]) сначала въ Бухару, а потомъ въ Персію, англичанинъ Антонъ Дженкинсонъ; онъ снабженъ былъ отъ королевы Елисаветы письмомъ къ шаху Тамаспу I, въ которомъ англійская государыня обращалась къ «великому Софи, императору персовъ, мидянъ, парфянъ и т. д.» съ просьбою о покровительствѣ обоюдной торговлѣ, и выражала при этомъ надежду, что «не смотря на моря, земли и климаты, разъединяющіе Англію отъ Персіи, чувства человѣколюбія и взаимнаго благорасположенія скрѣпятъ узы между обоими владѣніями» [4]). Однако, Софевидъ остался глухъ къ этимъ чувствамъ, и

[1]) Тамъ же, стр. 306—313.

[2]) «Карман. книжка русск. геогр. общ.» 1849 г. стр. 264 и 265. Также см. статью «О заслугахъ Петра Великаго по расширенію нашихъ познаній о Сред. Азіи» въ «Beiträge zur Kentniss des Russischen Reichs», ausgegeben von *K. E. Baer* und gr. *Halmersen*. S. Ptb. 1872 16 Bändchen.

[3]) «Compagny of the merchant adventurers for the discovery of regions islands and places unknown».

[4]) *A. Humboldt* «Asie Centrale», tom II, p. 223—226; *J. Hutton:* «Central Asia», page 190.

посольство Дженкинсона не имѣло успѣха ни въ Персіи, ни въ Бухарѣ. Исходъ этой попытки охладилъ рвеніе лондонскихъ торговцевъ продолжать свою дѣятельность въ этомъ направленіи, и вскорѣ они обратили ее на другой, морской путь, приведшій ихъ къ обладанію богатѣйшими странами Индіи.

Стремленія русскихъ государей къ установленію непосредственныхъ связей съ Индіею не привели также къ желаемому результату. Такъ, Алексѣй Михайловичъ отправилъ-было къ великому моголу Джехангиру посломъ купца Никиту Сыроежина, а вскорѣ затѣмъ, въ 1651 году, новаго посланца къ тому же государю—Василія Шорина; но какъ тотъ, такъ и другой были остановлены въ Персіи шахомъ Аббасомъ II и должны были вернуться обратно. Распросныя свѣдѣнія объ Индіи, привезенныя изъ Бухары посольствомъ Пазухина, побудили царя Алексѣя снарядить опять посольство въ Индію; для этого назначенъ былъ астраханскій татаринъ Мухамедъ-Юсуфъ-Касимовъ, который отправился въ путь, въ 1675 году, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше посломъ въ Бухару, Даудовымъ, и повезъ съ собою грамоту къ великому моголу Аурензебу. Чрезъ владѣнія бухарскія и балхскія Касимовъ благополучно достигъ Кабула, гдѣ и былъ задержанъ до полученіи указаній отъ великаго могола. Послѣдній, однако, не захотѣлъ принять посла и войти въ сношенія съ Россіею, ссылаясь на то, что оба государства слишкомъ удалены другъ отъ друга; „а знатно-де россійскій царь къ индѣйскому шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ“. Такимъ образомъ, Касимовъ долженъ былъ ѣхать ни съ чѣмъ, успѣвъ впрочемъ, выкупить изъ Индіи 40 русскихъ плѣнныхъ [1]).

Одновременно съ стараніями московскаго двора увеличить, по-возможности, пользу и выгоды, доставляемыя Россіи торговлею ея подданныхъ съ азіятскими народами, быстрыми шагами подвигалось русское господство на сѣверѣ Азіи, въ Сибири, по почину тѣхъ же смѣльчаковъ-казаковъ и вольныхъ людей, предшественники которыхъ перевалили съ Ермакомъ за „Каменный поясъ“. По мѣрѣ занятій новыхъ пространствъ возникли «остроги», возводившіеся съ цѣлью поддержанія среди покоренныхъ народностей русской власти; изъ остроговъ этихъ образовались впослѣдствіи города. Поступательное движеніе Россіи въ Сибири привело насъ въ соприкосновеніе съ монгольскими и тюркскими племенами Средней Азіи уже съ другой стороны, т. е. съ сѣвера; и историческій ходъ событій показалъ впослѣдствіи, что именно въ этомъ послѣднемъ направленіи движеніе

---

[1]) *Я. Ханыковъ*: «Пояснит. записка къ картѣ Арал. моря и Хивин. ханства» (Зап. Имп. русск. геогр. общ. 1851 г. кн. V. стр. 283—285).

наше въ глубь Азіи шло успѣшнѣе и русская власть водворялась прочнѣе, чѣмъ со стороны запада, отъ береговъ Урала. Завоеваніе Сибири и утвержденіе ея за Россіею облегчалось тѣмъ, что туда стремилась изъ внутреннихъ нашихъ областей масса промышленниковъ, которая открывала новыя земли и вмѣстѣ съ тѣмъ служила колонизаторскимъ элементомъ для нихъ. По этому-то уже въ концѣ XVII столѣтія мы стояли крѣпко на Иртышѣ, на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ, на Аргуни и заняли-было Амуръ, который, однако, въ 1689 году, должны были уступить Китаю, вслѣдствіе ошибочной оцѣнки тогдашнихъ отношеній нашихъ къ этому государсву. [1]).

На западѣ азіятскихъ степей мы все еще охраняли прежнія наши владѣнія отъ набѣговъ башкиръ, киргизовъ и новыхъ пришельцевъ изъ Чжунгаріи, калмыковъ, самовольно расположившихся по обоимъ берегамъ волжскаго низовья и лишь номинально принявшихъ подданство русскимъ государямъ. Неприглядность средне азіятскихъ степей не манила, подобно Сибири, охотниковъ для ихъ заселенія, а потому мы и не видимъ со стороны Урала такого же народнаго движенія на востокъ, какъ на сѣверѣ Азіи. Центральное же правительство не питало никакихъ завоевательныхъ замысловъ въ этомъ направленіи и ограничивалось лишь удержаніемъ за собою яицкой линіи до тѣхъ поръ, пока усилившіеся между сосѣдними кочевниками волненія и грабежи нашихъ торговыхъ каравановъ не вызвали его на наступательные шаги въ киргизскую степь.

Таково было положеніе на восточныхъ границахъ государства, когда наступило единодержавіе царя Петра Алексѣевича. О томъ, чѣмъ проявилась дѣятельность великаго государя въ сферѣ внутреннихъ преобразованій и упроченія за Россіею подобающаго ей политическаго значенія въ Европѣ, слишкомъ хорошо извѣстно каждому. По складу своего обширнаго ума, Петръ вѣрно оцѣнилъ тогдашнее положеніе Россіи и понялъ, что, только коренным обновленіемъ государственнаго и общественнаго организма своего отечества, онъ можетъ обезпечить ему историческую будущность среди европейскихъ державъ. Несмотря на преграды, казавшіяся подчасъ непреодолимыми, усилія монарха и его народа увѣнчались успѣхомъ: плоды западной культуры, свободному развитію которой не мало содѣйствовала Россія, отстаивавшая, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, европейскій западъ отъ вторженія азіятскаго

[1]) *В. Григорьевъ:* «Русск. пол. въ отношеніи къ Ср. Азіи», loc. cit. стр. 243.— *М. Венюковъ:* «Опытъ военнаго обозрѣнія русск. границъ въ Азіи», 1873 г., стр. 24 и 25.

варварства, получили свободный доступъ въ наше отечество, и, благодаря имъ, изъ едва извѣстнаго дотолѣ московскаго государства, возникла въ скоромъ времени великая русская имперія, быстро идущая впередъ на пути развитія своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ.

Но не въ однихъ только сношеніяхъ съ европейскимъ западомъ видѣлъ Петръ средства къ поднятію благосостоянія своего государства. Своими реформами въ области гражданскаго и военнаго устройства подготовляя народъ къ постепенному ознакомленію съ началами европейской цивилизаціи, Петръ I стремился вмѣстѣ съ тѣмъ дать толчекъ отечественной промышленности и торговлѣ, способствуя развитію производительныхъ силъ страны. Онъ хорошо сознавалъ, какія важныя выгоды можетъ извлечь Россія, благодаря своему географическому положенію между Западною Европою и Азіею, и какъ благодѣтельно должно отразиться на преуспѣяніи русской промышленности направленіе европейско-азіятской торговли черезъ Россію. Мысль эта не покидала государя даже въ самомъ разгарѣ его великихъ военныхъ предпріятій, и какое серьезное значеніе придавалъ ей Петръ, видно изъ того, что, снабжая своихъ посланниковъ въ азіятскія государства инструкціями, нерѣдко собственноручными, онъ ставилъ имъ въ обязанность собирать тщательныя свѣдѣнія о климатическихъ условіяхъ посѣщенныхъ ими странъ, городахъ, жителяхъ и тѣхъ произведеніяхъ, которыя могутъ быть выгодными предметами торговли съ Россіей [1]).

Уже въ началѣ своего царствованія, когда Петръ не могъ еще помышлять о будущихъ широкихъ планахъ своихъ относительно Азіи, онъ старался, подобно предшественникамъ, поддерживать сношенія съ Азіятскими странами и расширять наши свѣдѣнія о нихъ. Такъ, не смотря на неудавшіяся попытки царя Алексѣя Михайловича установить связи съ Индіей, Петръ I отправилъ, въ 1694 году, въ Персію и къ великому монголу «гостиной сотни купчину» Семена Маленькаго съ товарами, снабдивъ его грамотами. Хотя Маленькому удалось добраться до Индіи морскимъ путемъ и представиться великому моголу, который послалъ въ даръ русскому царю небольшаго слона, однако, практическаго результата для сношеній Россіи съ Индіей не имѣло и это посольство. Посѣтивъ Агру и Дели, распродавъ тамъ свои товары и накупивъ мѣстныхъ произведеній,

---

[1]) Инструкціи посланному въ Персію подполковнику Артемію Волынскому, князю Черкасскому и Кожину, Флоріо Беневини и др.

Семенъ Маленькій поѣхалъ тѣмъ же обратнымъ путемъ въ Россію, но на дорогѣ умеръ въ Шемахѣ въ 1699 году [1]).

Въ 1700 году случилось событіе, давшее, такъ-сказать, первый толчекъ къ вмѣшательству Россіи въ дѣла Средней Азіи. Къ Петру Великому явился посланный отъ хивинскаго хана, Шахніаза, который, чувствуя себя недостаточно твердымъ на престолѣ, искалъ поддержки въ иностранномъ покровительствѣ и, вѣрно, потому обратился къ русскому царю о принятіи его въ подданство. Петръ изъявилъ на это согласіе, о чемъ и послалъ хану грамоту [2]); но, будучи въ то время поглощенъ важными и трудными предпріятіями на сѣверѣ Россіи, государь не могъ тогда же осязательно воспользоваться представлявшимся ему удобнымъ поводомъ къ расширенію русскаго вліянія на за-каспійскія страны. Конечно, въ поступкѣ Шахніаза нельзя видѣть ничего другого, какъ только азіятскую уловку—извлечь возможно-большія выгоды изъ номинальнаго подчиненія болѣе сильному государю, не заботясь нисколько объ исполненіи обязанностей, налагаемыхъ дѣйствительнымъ подданствомъ; тѣмъ не менѣе, позволительно думать, что, будь въ то время Россія не такъ занята внѣшними европейскими дѣлами, Петръ не ограничился бы однимъ указомъ о принятіи Хивы въ русское подданство, и, быть можетъ, благодаря посольству Шахніаза, первая попытка къ утвержденію нашего вліянія на низовьяхъ Окса не кончилась бы такъ печально, какъ семнадцать лѣтъ спустя.

Преемникъ названнаго хана, Арабъ (или Аранъ)-Мухамедъ повторилъ, въ 1703 году, ходатайство своего предшественника, и Петръ Великій, новою грамотою, отправленною съ посломъ въ Хиву, «поволилъ его, хана, со всѣми сущими подъ его владѣніемъ, принять подъ свою царскую высокодержавную руку въ вѣчное подданство» [3]). И это оффиціальное подтвержденіе русскаго господства въ Хивѣ осталось такимъ же безслѣднымъ, какъ и первая грамота Шахніазу. Послѣдовавшія затѣмъ смуты въ хивинскомъ ханствѣ, гдѣ инаки кунградскаго рода,—эти средне-азіятскіе «палатные мэры»,— смѣняли и возводили хановъ по произволу [4]), а также продолжительная

---

[1]) Свѣдѣнія о посольствѣ Маленькаго заключаются въ показаніяхъ слуги его, Андрея Семенова, отобранныхъ въ 1716 году. Помѣщены въ Матеріалахъ воен. учен. архива Главнаго Штаба, изданныхъ А. Ф. Бычковымъ въ 1871 году, стр. 215—220.

[2]) Отъ 30 іюня 1700 г. (Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи, т. IV).

[3]) Полн. Собр. Закон. Рос. Имп., т. IV, 1703. Грамота юргенскому хану, Аранъ-Мамету.—Записки Имп. геогр. общ. кн. V, стр. 272.—Этнографическіе и историческіе матеріалы по Ср. Азіи и Оренб. краю, *М. Н. Галкина*, Спб. 1869, стр. 150.

[4]) Примѣчаніе 27-е В. Григорьева къ «Путевымъ замѣткамъ маіора Бланкенгагеля о Хивѣ», въ Вѣстн. рус. геогр. общ. 1858 г., кн. 3; стр. 112 и 113.

борьба Петра Великаго съ Карломъ шведскимъ и затѣмъ съ Турціею, не могли, конечно, благопріятствовать установленію правильныхъ сношеній съ нашими новыми «подданными».

Неудачный исходъ Прутскаго похода (1711 г.), повлекшій за собою потерю Азова и доступа къ Черному морю, заставилъ Петра I обратить свои взоры на другой морской бассейнъ, который могъ бы служить выходомъ для торговли южныхъ областей его имперіи. Море это было Каспійское. Уже слишкомъ полтораста лѣтъ тому назадъ, Россія придвинула къ нему свои владѣнія, и все-таки, къ началу царствованія Петра, русская морская торговля на немъ была крайне ничтожна; она ограничивалась только сѣверными берегами Каспія, гдѣ русскіе промышленники производили мѣновой торгъ съ туркменами на Мангышлакѣ; торговля же съ Персіею хотя и существовала, но находилась исключительно въ рукахъ индусовъ и армянъ, учредившихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, Джульфинскую компанію въ Астрахани, для торговли шелкомъ съ Россіей. Городъ этотъ, какъ лежавшій не въ дальнемъ разстояніи отъ моря и соединенный съ сердцемъ Россіи такою важною водною артеріею какъ Волга, обращалъ на себя вниманіе еще предшественниковъ Петра, а при отцѣ его положено даже было начало къ огражденію русской торговли отъ рѣчныхъ и морскихъ разбоевъ постройкою спеціально для этой цѣли корабля «Орелъ»; но разбои Разинской низовой вольницы обратили въ ничто заботы правительства о развитіи судоходства и торговли по Волгѣ и Каспію и даже сама Астрахань подверглась страшному разоренію въ 1671 году [1]).

Оцѣнивъ важное торговое и политическое значеніе Каспійскаго моря для Россіи, Петръ Великій задался мыслію утвердить на немъ русское господство — расширеніемъ торговыхъ связей своихъ подданныхъ, безъ иностраннаго посредничества, съ цвѣтущими областями Закавказья и Персіи, Среднею Азіею и, въ особенности, съ богатою Индіею. Въ то время, какъ предпріимчивый и всеобъемлющій умъ великаго государя работалъ надъ разрѣшеніемъ этой задачи, какъ бы на встрѣчу его видамъ, явились почти одновременно два предложенія, вызвавшія отправленіе въ Среднюю Азію двухъ экспедицій; одну со стороны Каспійскаго моря, другую — со стороны Сибири.

Въ концѣ 1713 г. прибылъ въ Астрахань, а затѣмъ отправленъ въ Петербургъ, туркменъ Ходжи-Нефесъ, который сообщилъ, что въ странѣ, прилегающей къ Аму-дарьѣ, вымывается золотой песокъ; что

---

[1]) См. *К. Е. Baer*, Die Verdienste Peter's des Grossen въ Beiträge zur Kentniss des Rus. Reichs u. s. n. 16 Bd. 1872, и брошюру *Н. Леонтьева*: «О значеніи Петра вел. для Россіи и въ частности для Астрахан. края», 1874 г.

рѣка эта прежде текла въ Каспійское море, но изъ боязни русскихъ, отведена хивинскими узбеками въ Аральское море, и что разрушивъ плотину, заграждающую прежнее теченіе рѣки, можно обратить ее въ старое русло, къ чему мангышлакскіе туркмены готовы оказать содѣйствіе [1]. Вслѣдъ за Нефесомъ пріѣхалъ въ Петербургъ тогдашній сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ, который, въ свою очередь, доложилъ царю о существованіи въ Малой Бухаріи (Восточный или Китайскій Туркестанъ), при городѣ Иркети, золотого песку. Гагаринъ предложилъ овладѣть этимъ городомъ и вызвался снарядить и содержать нужныя для такой экспедиціи войска изъ доходовъ сибирской губерніи [2].

Эти два, съ разныхъ сторонъ совпавшія, заявленія не могли не остановить на себѣ вниманіе любознательнаго государя. Воспользовавшись прибытіемъ, въ 1714 же году, въ Петербургъ посла отъ хивинскаго хана Хаджи-Мухамеда, Ашуръ (или Аширъ) бека [3], Петръ пожелалъ сперва удостовѣриться черезъ него въ справедливости доставленныхъ Нефесомъ и Гагаринымъ свѣдѣній о золотомъ пескѣ и о прежнемъ теченіи р. Аму. Посланникъ не только подтвердилъ показаніе Нефеса, но и предложилъ царю построить при устьѣ стараго русла Аму-дарьи, близъ Красноводской косы, крѣпость на тысячу человѣкъ, прибавивъ даже, что ханъ не будетъ тому препятствовать.

Такимъ образомъ, все, казалось, благопріятствовало грандіознымъ видамъ Петра—направить свою средне-азіятскую и индійскую торговлю через Россію, путемъ обращенія Аму-дарьи въ прежнее ея русло, и тѣмъ не только оживить и обогатить общественную промышленность, но и распространить русское вліяніе далеко въ глубь Азіи.

Указомъ 22-го мая 1714 г. Петръ повелѣлъ Гагарину снарядить военную экспедицію въ гор. Иркети (гор. Яркендъ) съ цѣлью завладѣть имъ, и на пути построить у Ямышева озера крѣпость. Назначенный начальникомъ экспедиціи подполковникъ Бухгольцъ выступилъ въ походъ лѣтомъ 1715 года, но, дойдя до предѣловъ чжунгарскихъ владѣній, русскому отряду пришлось выдержать продолжительную борьбу какъ съ накинувшимися на него калмыками, такъ

---

[1]) *А. Поповъ*: Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ. Спб. 1853, стр. 2.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ Историч. запискѣ о сношеніяхъ Россіи съ Хивою, составленной въ Министер. Иностр. Дѣлъ въ 1817 году, посланникъ этотъ названъ Аширъ-беемъ (Дѣло Спб. архива М. И. Д 1817 г. № 16); Аширомъ же онъ названъ въ письмѣ дворянъ Воронина и Святаго къ кн. Черкасскому (Матер. В. Уч. Арх. Глав. Шт. т. I, стр. 249).

и съ развившеюся между войсками страшною болѣзненностью. Убѣдившись въ невозможности достигнуть задачи экспедиціи, Бухгольцъ, съ остатками своего отряда, пошелъ обратно и на пути заложилъ крѣпость при впаденіи р. Оми въ Иртышъ (1717 г.). Однако Гагаринъ не смутился неудачею Бухгольца и въ томъ же году выслалъ новый отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Ступина, который и утвердился при Ямышевомъ озерѣ, устроивъ тамъ укрѣпленіе. Въ слѣдующемъ году заложена была Семипалатинская крѣпость, а въ 1719 и 1720 годахъ генералъ-маіоръ Лихаревъ, не смотря на противодѣйствія калмыковъ, поднялся съ отрядомъ, по Иртышу, въ Зайсанское озеро и даже въ Черный Иртышъ. На обратномъ пути экспедиціею Лихарева заложена была Усть-Каменогорская крѣпость [1]).

Таковъ былъ результатъ задуманнаго Петромъ похода въ Иркети. Хотя, конечно, результатъ этотъ и не отвѣчалъ первоначальнымъ видамъ государя, но онъ имѣлъ все таки то значеніе, что мы расширили свои границы со стороны Западной Сибири и протянули иртышскую линію во владѣніяхъ тогда еще сильнаго чжунгарскаго царства.

Почти одновременно съ указомъ объ отправленіи Бухгольца къ Иркети, состоялось повелѣніе [2]) о снаряженіи экспедиціи въ Хиву, подъ начальствомъ кабардинскаго князя, гвардіи капитатъ-поручика Бековича-Черкасскаго, пользовавшагося особымъ довѣріемъ Петра I. Поводомъ къ ней послужили вышеприведенныя свѣдѣнія объ Аму-дарьѣ, доставленныя Нефесомъ и Ашуръ-бекомъ, а предлогомъ— «поздравленіе» Ходжи Мухамеда [3]) на «ханство»; изъ Хивы Черкасскій долженъ былъ отправиться въ Бухару, «сыскавъ какое дѣло торговое; а дѣло настоящее провѣдать про городъ Иркеть» и нѣтъ ли какихъ-либо рѣкъ, текущихъ изъ той мѣстности въ Каспійское море [4]).

---

[1]) По свѣдѣніямъ архивн. дѣлъ главнаго правленія Западной Сибири, приведеннымъ въ «Статист. описаніи области сибирскихъ киргизовъ» *Красовскаго*, ч. I, стр. 54.

[2]) Указъ 29-го мая 1714 года.

[3]) Былъ ли въ то время Хаджи-Мухамедъ на хивинскомъ престолѣ, достовѣрно неизвѣстно, но надо полагать, что кн. Черкасскій былъ посланъ именно къ нему, такъ какъ въ маѣ 1714 г. въ Петербургѣ едва ли могли знать о перемѣнахъ въ Хивѣ, о которыхъ упоминается въ письмѣ двухъ хивинцевъ къ посланному Ашуръ беку, полученномъ имъ въ Астрахани, въ мартѣ 1715 г. Въ немъ говорится о смерти хана Ядыгера и о вступленіи на ханство Аранга (См. «Воен. Сборн.» т. XXI, 1861 і., ст. *Д. Голосова:* Походъ въ Хиву въ 1717 году страница 357).

[4]) Покойный академикъ Бэръ, въ ст. Заслуги Петра Вел. и т. д.», высказалъ. что Петръ, отправляя экспедицію для отысканія золота по Аму-дарьѣ и къ Иркети, не имѣлъ яснаго представленія объ относительномъ географическомъ поло-

Съ отрядомъ изъ 1877 чел., при 11 орудіяхъ [1], вышелъ князь Черкасскій изъ Астрахани въ море, въ концѣ октября 1714 г., и направился къ Гурьеву-городку, при устьѣ Яика. Тамъ онъ разсчитывалъ, вѣроятно, перезимовать, собрать свѣдѣнія о путяхъ и слѣдующею раннею весною продолжать экспедицію. Но позднее выступленіе въ походъ, когда на морѣ появились уже льдины, воспрепятствовало ему достигнуть Гурьева, а послѣ мѣсячнаго неудачнаго плаванія, флотилія съ отрядомъ возвратилась въ Астрахань [2].

Слѣдующею весной, возвратясь изъ поѣздки на свою родину, въ Кабарду, гдѣ, быть-можетъ, онъ имѣлъ порученіе отъ Петра склонить на сторону Россіи туземныхъ горскихъ владѣтелей [3], Бековичъ-Черкасскій выступилъ опять въ экспедицію и направился съ отрядомъ, моремъ, къ Тюпъ-караганскому мысу на Мангышлакѣ. Тамъ онъ занялся расспросами, у туркменовъ вѣдомства калмыцкаго хана Аюки, о прежнемъ руслѣ Аму-дарьи, и для повѣрки ихъ показаній на мѣстѣ князь Черкасскій отправилъ двухъ дворянъ Федорова и Званскаго съ названнымъ уже выше Ходжей-Нефесомъ, приказавъ имъ, по осмотрѣ, идти къ «Краснымъ водамъ». Вернувшись къ Красноводскому мысу, куда прибылъ и Бековичъ съ отрядомъ на судахъ, посланные подтвердили показанія туркмена о существованіи землянаго вала близь уроч. Карагачъ, до котораго въ половодье доходила вода Аму-дарьи; далѣе они вышли въ ложбину и по сторонамъ видѣли выведенныя изъ нея канавы и остатки жилищъ, почему и полагали, что это было старое русло рѣки. Прослѣдить-же его до Каспійскаго моря они не могли, такъ какъ Хаджа Нефесъ отказался вести ихъ по этому направленію изъ боязни хивинской погони. Къ этому Федоровъ добавилъ, что если бы прокопать земляной

женіи названныхъ рѣки и города и полагалъ, что Иркетъ находится гдѣ-либо на р. Аму, близь Аральскаго моря. Едва ли такое предположеніе знаменитаго ученаго справедливо, такъ какъ изъ послѣдующей инструкціи Петра I Черкасскому, отъ 14 февраля 1716 г., видно, что для отысканія Иркети имѣлось въ виду послать людей по *Сыръ-дарьѣ* вверхъ; слѣдовательно, эта рѣка вовсе не смѣшивалась съ р. Аму.

[1]) «Выписка, учиненная изъ столповъ объ отправленіи на Каспійское море л.-гв. капитана госп. кн. Черкасскаго съ начала его походу въ 1714 г. маія по 10 число сего настоящаго 1717 году» (Матеріалы воен.-учен. Арх. Гл. Штаба т. I стр. 407—410).

[2]) Тамъ же изъ донесенія астраханскаго оберъ-коменданта Чирикова, стр. 420.

[3]) Кн. Черкасскій еще въ 1714 г. подалъ царю записку, въ которой предлагалъ подчинить русской власти, или, по крайней мѣрѣ, вліянію, кавказскихъ горскихъ князей и другихъ «владѣтельныхъ князей Кумыцкихъ и псафкаловъ», выставляя на видъ и минеральныя богатства Кавказа. Записка эта была сообщена Петромъ Сенату на обсужденіе. Хотя не осталось слѣдовъ, были ли приняты по этому предложенію какія-нибудь мѣры, но очень возможно, что государь не упустилъ воспользоваться связями Бековича съ кавказскими владѣтелями и возложилъ на него порученіе въ упомянутомъ смыслѣ. Смот. Матер. Воен.-Учен. Арх. Гл. Шт., стр. 197—202.

валъ и нѣкоторое пространство степью до упомянутой ложбины или русла, то при высокой водѣ, Аму-дарья потечетъ въ него и можетъ, по его мнѣнію, достигнуть уроч. Ата-Ибрагима, до котораго онъ съ своими спутниками шелъ около трехъ дней по сухому руслу [1]).

Эти, какъ видно, весьма неопредѣленныя данныя о плотинѣ и старомъ руслѣ Аму Бековичъ призналъ за достаточныя для подтвержденія первоначальныхъ показаній Нефеса и другихъ туркменъ; самъ же онъ пришелъ къ убѣжденію, что прежнее устье этой рѣки въ Каспіи выходитъ въ Балханскій заливъ. Обо всемъ этомъ Черкасскій донесъ Петру и представилъ ему карту восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, снятыхъ бывшими съ ними морскими офицерами; съ отрядомъ же и флотиліею онъ вернулся въ Астрахань въ октябрѣ 1715 года [2]).

Петръ I, получивъ донесеніе Черкасскаго, командировалъ, въ началѣ слѣдующаго года, флота поручика Кожина для описанія и составленія карты всего Каспійскаго моря, а также для провѣрки и, въ случаѣ надобности, исправленія картъ и описей, исполненныхъ экспедиціею кн. Бековича-Черкасскаго [3]). Послѣдній же былъ вызванъ къ государю въ Петербургъ, но засталъ его уже въ Либавѣ, на пути за границу. Здѣсь Черкасскій лично доложилъ Петру о результатахъ своихъ изслѣдованій, и государь остался, по видимому, на столько доволенъ ими, что произвелъ Бековича въ слѣдующій чинъ и возложилъ на него руководство новымъ обширнымъ предпріятіемъ, получившимъ впослѣдствіи столь печальную извѣстность.

Въ инструкціи изъ 13 пунктовъ [4]), данной Петромъ I капитану гвардіи кн. Черкасскому и подписанной государемъ 14 февраля 1716 г., порученная ему задача опредѣлена въ слѣдующемъ: у прежняго устья р. Аму въ Каспійское море построить крѣпость на

---

[1]) «Журналъ Петра Великаго», 1772 г. часть II. Допросъ астраханца Николая Федорова, стр. 391—394. Нефесъ же называлъ Карагачъ не урочищемъ, а рѣкою, выходящею изъ Аму (вѣроятно, рукавъ); объ Ата-Ибрагимѣ, ни о плотинѣ, ни о старомъ руслѣ ничего въ допросѣ не упоминалъ, а показалъ, что, не доѣзжая трехъ дней до Карагача, въ степи находятся два небольшіе «городки»: Аланъ (развалины существуютъ и теперь) и Кой (Мат. В.-Уч. арх. Глав. Шт. стр. 326—328).

[2]) *А. Поповъ:* Сношенія Россіи съ Хивою и Бухарою при Петрѣ Великомъ, 1853 г. стр. 7.

[3]) Тамъ же: см. инструкцію Кожину, стр. 7 и 8. Кожинъ на допросѣ, снятомъ съ него Прав. Сенатомъ въ 1717 г., утверждалъ, что посланные Бековичемъ для осмотра стараго русла Аму, дворяне Званскій и Федоровъ говорили ему, Кожину, что никакой плотины нѣтъ, и что, по личному его осмотру, отъ р. Эмбы до Астрабада за 30 вер., не существуетъ признаковъ рѣчнаго устья въ Каспійское море (Журн. Петр. Вел. ч. II. стр. 387—391).

[4]) Матер. Воен. Уч. арх. Гл. Шт. стр. 213—215.

тысячу человѣкъ и затѣмъ отправиться посломъ къ хивинскому хану, слѣдуя вдоль теченія рѣки, чтобы осмотрѣть имѣющіяся на ней плотины, и если окажется возможнымъ обратить «оную воду паки въ старый токъ», заперѣвъ устья въ Аральское море, то стараться выбрать удобное мѣсто на настоящей Аму-дарьѣ, гдѣ-либо близъ плотины, и заложить тамъ другую крѣпость. Хана хивинскаго пытаться склонить къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наслѣдственность во владѣніи ханствомъ, для чего предложить ему гвардію изъ русскихъ, съ тѣмъ, чтобы онъ за то дѣйствовалъ въ пользу нашихъ интересовъ. Въ случаѣ согласія хана на эти предложенія, просить его послать своихъ людей, съ двумя русскими, вверхъ по Сыръ-дарьѣ, до Иркети, «для осмотрѣнія золота» [1]. Въ бытность въ Хивѣ, освѣдомиться, нельзя ли и бухарскаго хана привлечь въ подданство, или, по крайней мѣрѣ, склонить къ дружескимъ отношеніямъ «такимъ же маниромъ (т. е. предложить ему русскій охранительный отрядъ), ибо и тамъ также ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ».

Съ экспедиціею кн. Черкасскаго въ Хиву должны были отправиться морскіе офицеры, изъ которыхъ поручику Кожину поручалось ѣхать, подъ видомъ купчины, съ грамотою къ великому моголу, слѣдуя, насколько было возможно, вверхъ по Аму-дарьѣ и нанося путь свой на карту; остальныя предназначались для посылки къ Иркети и къ бухарскому хану.

Для возведенія крѣпостей и сопровожденія Черкасскаго въ Хиву велѣно было сформировать отрядъ изъ 4000 регулярныхъ войскъ и 2000 яицкихъ и гребенскихъ казаковъ со ста чел. драгуновъ [2]; конница должна была идти отъ Астрахани, подъ видомъ сопровожденія каравана съ товарами, въ составъ котораго вошло не малое число купцовъ.

Таковъ былъ задуманный Петромъ Великимъ грандіозный планъ утвержденія русскаго вліянія въ Средней Азіи. Съ перваго взгляда

---

[1]) Петру Великому могло быть уже извѣстно въ то время о препятствіяхъ, встрѣченныхъ экспедиціей Бухгольца въ движеніи на югъ чрезъ владѣнія джунгарскаго контайши, а потому онъ вторично поручаетъ Черкасскому собрать свѣдѣнія объ иркетскомъ золотѣ со стороны Сыръ-дарьи. Мысль государя объ отысканіи золота въ Малой Бухаріи, или гдѣ-либо далѣе на востокѣ, могла также получить подкрѣпленія въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ тобольскимъ дворяниномъ Трушниковымъ, котораго сибирскій губернаторъ кн. Гагаринъ отправилъ въ 1713 г. въ Восточный Туркестанъ для развѣдки о песочномъ золотѣ. Трушниковъ вернулся изъ своего странствованія въ 1715 году, и изъ его донесенія видно, между прочимъ, что онъ пробрался даже до Куку-нора, гдѣ самъ видѣлъ, какъ промывали золото. (См. дополн. Григорьева къ «Восточному Туркестану» Риттера. Спб. 1873 г., стр. 372 и 373).

[2]) Составъ этого отряда, какъ будетъ видно далѣе, измѣнился впослѣдствіи уменьшеніемъ численности пѣхоты и усиленіемъ состава кавалеріи.

можетъ казаться, что планъ этотъ преслѣдовалъ завоевательныя цѣли, стремясь, вооруженною силою, подчинить Хиву русскому владычеству: иначе, къ чему было посылать съ «посольствомъ» такой значительный отрядъ? Однако, такое заключенiе было бы едва-ли справедливо по отношенiю къ дѣйствительнымъ намѣренiямъ Петра. Если онъ имѣлъ въ виду покорить хивинское ханство, то не трудно было бы ему прiискать болѣе или менѣе подходящiй предлогъ для разрыва съ нимъ; тогда, конечно, планъ похода былъ бы составленъ на другихъ основанiяхъ, и начальникъ экспедицiи получилъ бы, сообразуясь съ военными цѣлями, совершенно иныя указанiя. Основываясь на нижеизложенныхъ обстоятельствахъ похода Бековича-Черкасскаго, можно даже, съ вѣроятностью, предположить, что руководствуйся онъ, какъ при снаряженiи экспедицiи, такъ и въ дѣйствiяхъ съ хивинцами, исключительно военными соображенiями,— исходъ предпрiятiя привелъ бы къ другимъ результатамъ.

Петръ I, постоянно стремившiйся къ расширенiю торговыхъ сношенiй своего отечества съ востокомъ, возымѣлъ мысль достигнуть этого своеобразнымъ путемъ, свидѣтельствующимъ о самобытности взглядовъ великаго государя на положенiе дѣлъ въ средне-азiятскихъ ханствахъ. Изъ разсказовъ разновременно посѣщавшихъ Россiю азiятскихъ пословъ и торговцевъ, Петръ I зналъ, какъ непрочна ханская власть и какъ «ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ». Онъ видѣлъ, что хивинскiе ханы искали его покровительства, и двое изъ нихъ признали себя хотя (и номинально) его вассалами. Хивинскiй посолъ Ашуръ самъ «просилъ» (какъ сказано въ инструкцiи Бековичу) о постройкѣ крѣпости близь стараго устья Аму, а слѣдовательно, это не противорѣчило видамъ хана[1]), который, кстати сказать, не имѣлъ никакой дѣйствительной власти надъ туркменами восточнаго Каспiйскаго берега. Все это могло дать Петру поводъ думать, что хивинскiй ханъ, а можетъ быть и бухарскiй будутъ весьма рады получить иностранную военную помощь для упроченiя за своимъ родомъ ханскаго достоинства. Этимъ Петръ и полагалъ привлечь ихъ на сторону Россiи и побудить содѣйствовать распространенiю русской торговли чрезъ ихъ владѣнiя до самой Индiи. Поручая кн. Черкасскому, въ случаѣ желанiя обоихъ хановъ, оставить при нихъ «гвардiю» изъ русскихъ войскъ «сколько пристойно», онъ, оче-

---

[1]) Предположенiе о постройкѣ крѣпости на берегу Каспiйскаго моря сдѣлалось извѣстнымъ и въ Бухарѣ. Ханъ послѣдней, въ письмѣ къ астраханскому коменданту Чирикову, доставленномъ въ концѣ февраля 1716 г., бухарскимъ посломъ Кули-бекомъ, одобрялъ это намѣренiе, прибавляя, что возведенiе крѣпости обезопаситъ торговыя сношенiя. См. «Сношенiя Россiи съ Хивою и Бухарою», А. Попова, стр. 16 и 17.

видно, долженъ былъ дать ему отрядъ, изъ котораго гвардія эта могла быть выдѣлена; кромѣ того необходимо было назначить достаточно войска для строенія крѣпостей, охраненіе торговаго каравана отъ набѣговъ хищниковъ въ степи, и наконецъ, для почетнаго конвоя самому послу.

Въ этомъ собственно заключалась, насколько можно судить по инструкціи, цѣль Петра Великаго при отправленіи Бековича съ отрядомъ въ походъ. Завоевательныхъ видовъ отыскать въ ней трудно. Относительно же осуществимости такого плана можно сказать, что, при твердомъ и опытномъ руководителѣ, исполненіе его врядъ ли могло представить большія затрудненія. Мы видимъ, что и въ наше время практикуется на востокѣ способъ, которымъ еще Петръ I желалъ упрочить свое вліяніе среди азіатскихъ сосѣдей, но достигается онъ теперь съ другими цѣлями и притомъ не безуспѣшно [1]). Планъ же Петра не только рушился вслѣдствіе оплошности начальника экспедиціи и другихъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, но и отдалилъ слишкомъ на полтора вѣка осуществленіе его мысли „склонить хивинскаго хана къ вѣрности“, что и достигнуло только въ наше время, уже при иныхъ условіяхъ.

Сдѣлавъ, вмѣстѣ съ Кожинымъ, необходимыя приготовленія къ походу, кн. Черкасскій отплылъ, въ половинѣ сентября 1716 года, изъ Астрахани, взявъ съ собою одну только пѣхоту, съ артиллеріей, и часть драгуновъ; остальная кавалерія оставлена въ Астрахани [2]). Вслѣдствіе бурной погоды, флотилія пришла къ Тюпъ-карагану лишь 9-го октября и здѣсь высадился на берегъ одинъ полкъ пѣхоты, назначенный для постройки крѣпости (что не входило въ инструкцію Бековичу). Отсюда же Кожинъ былъ отправленъ моремъ въ Астрабаду, чтобы отвезти туда флотскаго подпоручика Давыдова, избраннаго посломъ къ бухарскому хану,

Заложивъ на песчаной тюпъ-караганской косѣ крѣпость, наиме-

---

[1]) Недалѣе, какъ въ 1876 году остъ-индское правительство заключило съ Келатскимъ ханомъ (въ Белуджистанѣ) договоръ, по которому обязалось поддерживать его противъ его вассаловъ, и за это получило право держать свои войска въ тѣхъ пунктахъ ханства, гдѣ признаетъ нужнымъ. При ханѣ назначенъ коммисаръ съ «конвоемъ» до тысячи человѣкъ при артиллеріи. Петръ Великій добивался отъ Хивы гораздо меньшаго.

[2]) Окончательно сформированный для похода отрядъ состоялъ изъ 3-хъ полковъ: пѣхоты 3727 чел., 617 драгуновъ, 2000 казаковъ, и 22 орудій при 26 чел. прислуги; всего строевыхъ 6370 чел.; кромѣ того при отрядѣ находились: три инженера, лѣкаря, дворяне, чиновники, купцы. Провіантомъ отрядъ былъ снабженъ для сухопутнаго похода на годъ, а для морского на полгода; кавалерія должна была взять въ степной походъ трехмѣсячный провіантъ на вьюкахъ (Матеріалы В.-уч. арх. Гл. Шт., стр. 427, 438, 447, 480 - 490, и выписка объ экспедиціи Беков.-Черкасскаго, составлен. въ департ. генеральн. штаба въ 1840 г., въ дѣлѣ подъ № 387 секрет. арх. этого департамента).

нованную «Св. Петра», кн. Черкасскій отправилъ въ Хиву двухъ гонцовъ, дворянъ Воронина и Святого, чтобы предувѣдомить хана о своемъ посольствѣ къ нему съ мирною цѣлью, а самъ направился съ двумя другими полками, моремъ къ «Краснымъ водамъ», гдѣ оба полка и высадились для постройки второй крѣпости [1]). Вскорѣ къ Красноводскому заливу вернулся и Кожинъ изъ Астрабада, вооруживъ противъ себя, предосудительными поступками, персидскихъ властей и не добившись пропуска подпоручика Давыдова въ Бухару [2]).

Въ половинѣ декабря Бековичъ-Черкасскій, съ небольшимъ конвоемъ, поѣхалъ изъ Красныхъ водъ, сухимъ путемъ, въ Астрахань, куда прибылъ 20 февраля 1717 года и сталъ готовиться къ степному походу въ Хиву.

Окончивъ приготовленія, Черкасскій направилъ казаковъ съ драгунскими лошадьми и караваномъ, сухопутно, въ Гурьевъ, а самъ, со спѣшенными драгунами и бывшими при немъ офицерами, дворянами и другими лицами, отплылъ изъ Астрахани моремъ къ тому же сборному пункту. Собственно войскъ въ отрядѣ могло быть отъ 2200 до 2500 чел. при 6 орудіяхъ [3]); считая къ этому конную милицію изъ туркменовъ и ногайцевъ, а также свиту Бековича изъ разныхъ лицъ, купцовъ, караванной прислуги и др., общая цифра людей, выступившихъ въ походъ къ Хивѣ, могла простираться до трехъ тысячъ слишкомъ человѣкъ.

У Гурьева-городка отрядъ простоялъ около мѣсяца, занятый окончаніемъ путевыхъ сборовъ, и двинулся къ Нижней Эмбѣ только

---

[1]) Въ запискѣ департ. генер. штаба о походѣ 1717 г. упоминается о заложеніи кн. Черкасскимъ еще третьей крѣпости у залива Бехтеръ-лимана, названнаго, по имени начальника экспедиціи, Александръ-баемъ. Въ показаніяхъ же Кожина и Ходжи-Нефеса, а также въ послѣдующихъ донесеніяхъ казанскаго губернатора, астраханскаго коменданта и полковника Фанъ-деръ-Вейде (оставленнаго съ двумя полками на Красноводской косѣ), объ этомъ никакихъ указаній не имѣется.

[2]) Кожинъ, возвратившись въ Астрахань и неладившій съ Черкасскимъ, самовольно оставилъ отрядъ, за что былъ вызванъ въ Петербургъ и преданъ суду; но впослѣдствіи, въ 1718 году, онъ уже опять употребляется Петромъ, какъ для перевода книгъ съ англійскаго, такъ и для осмотра Тюпъ-караганской крѣпости (Мат. В.-уч. арх. Гл. Шт., записка Черкасскаго къ Зотову, стр. 380 и 381, а также стр. 395 и 396).

[3]) Военный отрядъ состоялъ изъ: 600 драгуновъ (по Кожину, а по показанію казака Ахметова, 500 ч.), 1800 казаковъ (по Ахметову: самъ же Бековичъ писалъ Апраксину, что ему не достаетъ противъ назначеннаго числа казаковъ 360 чел., и неизвѣстно дождался ли онъ ихъ прибытія) и нѣкотораго числа артиллерійскихъ и морскихъ чиновъ. Въ «Ежемѣсяч. сочин. къ пользѣ и увесел. служащ.» (январь 1763 г., стр. 8—32) и въ запискѣ д-та генеральн. шт. упоминается еще о двухъ ротахъ солдатъ, посаженныхъ на коней, но изъ показаній участниковъ экспедиціи этого не видно (См. письмо Черкасскаго къ генерал-адмир. гр. Апраксину въ дѣлѣ № 388, секр. арх. генер. шт., Матер. В.-уч. арх. стр. 314, 315 и 345).

въ концѣ мая или въ началѣ іюня [1]). Желая усилить свой отрядъ калмыками и туркменами вѣдомства хана Аюки, Бековичъ отправилъ къ послѣднему, съ этою цѣлью, гонца, но Аюка уклонился отъ присылки своихъ людей, подъ предлогомъ невозможности движенія по степи въ столь жаркую пору года; прислалъ онъ только нѣсколько человѣкъ калмыковъ и туркменовъ, для слѣдованія съ отрядомъ, въ качествѣ посольства, къ хивинскому хану [2]).

Еще до выступленія въ походъ, до Бековича стали доходить недобрыя вѣсти о готовившейся мирному его посольству, со стороны хивинцевъ, встрѣчѣ и о трудности предстоявшаго пути по безкормной и безводной степи. Свѣдѣнія эти, сперва полученныя отъ калмыцкаго хана Аюки, подтвердились вскорѣ письмомъ изъ Хивы отъ посланныхъ туда гонцовъ, Воронина и Святаго; они указывали на то, что хивинскій ханъ [3]), узнавъ о постройкѣ крѣпостей на восточномъ берегу Каспія и о сборѣ конницы въ Астрахани, для слѣдованія съ Черкасскимъ въ Хиву, сталъ собирать вооруженныя скопища и готовиться къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ [4]).

---

[1]) Нефесъ и Ахметовъ показывали, что казаки выступили изъ Астрахани въ Гурьевъ на Святой недѣлѣ (Пасха въ 1717 г. была 21 апр.), а кн. Черкасскій, въ письмѣ къ Апраксину отъ 3 апр. «со взморья изъ пути», писалъ, что казаки отправлены 15 марта.

[2]) Участіе хана Аюки въ неудачномъ исходѣ экспедиціи не вполнѣ выяснено, но есть признаки, позволяющіе предполагать, что онъ игралъ въ двойную игру: такъ, еще въ 1716 году, имъ отправлено въ Хиву посольство, съ прибытіемъ котораго ухудшилось положеніе находившагося тамъ гонца Воронина; посланные же имъ съ Черкасскимъ люди частью вернулись тайно, съ пути въ свои улусы, частью же пробрались впередъ въ Хиву, гдѣ и распустили вѣсть, что русскіе идутъ войной. Вѣроятно, съ цѣлію отклонить отъ себя подозрѣніе со стороны русскаго правительства, Аюка въ то же время предупреждалъ Бековича и Кожина о непріязненныхъ намѣреніяхъ хивинцевъ (Мат. в.-уч. арх. Глав. Шт., стр. 248, 250, 292, 287 и 298, а также показанія казака Ахметова и Алтына Усейнова, тамъ же, стр. 320 и 346)

[3]) Ханомъ въ Хивѣ былъ уже въ то время Ширгазы «изъ Бухары», возведенный на престолъ въ 1715 г. (См. письмо Ашуръ-бека къ Чирикову, въ приложеніяхъ къ статьѣ *Голосова*: «Походъ въ Хиву», въ Воен. Сборн. т. XXI, 1861 г. стр. 360).

[4]) О сборѣ войскъ въ Астрахани и о постройкѣ крѣпостей сообщили вернувшіяся въ Хиву изъ Россіи посланники Ашуръ-бекъ и Артыкъ. Первый тотъ самый, который являлся въ 1714 г. Петру I отъ хана Ходжи-Мухамеда и предлагалъ возвести крѣпость у прежняго устья Аму-дарьи. Онъ былъ отпушенъ изъ Петербурга съ подарками къ хану, въ томъ числѣ 6 пушекъ съ артиллерійскими припасами, и, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, имѣлъ будто бы, порученіе отъ государя ѣхать въ Индію «для покупки попугаевъ и барсовъ». Въ Астрахани пушки у него были отобраны еще въ началѣ 1715 г, почему—неизвѣстно; самъ же Ашуръ, задержанный тамъ болѣе двухъ лѣтъ, вернулся въ Хиву лишь въ 1717 г., не задолго до выступленія Бековича въ походъ. Въ письмѣ къ кн. Гагарину, изъ Хивы, отъ 27 сент. 1717 г.. т. е. уже послѣ гибели части русскаго отряда, Ашуръ-беку упоминаетъ о своей задержкѣ въ Астрахани и расхваливаетъ Чирикова; но объ участи кн. Черкасскаго и его спутниковъ по экспедиціи не говоритъ, ограничиваясь словами: «прочее вы сами все знаете». (Письмо Воронина и Святаго къ Черкасскому въ Мат. Гл. Штаба, стр. 248—250, и письма Ашуръ-бека въ приложеніи къ ст. Голосова, стр. 358, 359, 363 и 364).

Какъ отнесся начальникъ экспедиціи къ этимъ извѣстіямъ, изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній не видно. Можно думать, что онъ не терялъ надежды, при встрѣчѣ съ хивинцами, убѣдить ихъ въ миролюбивой цѣли [1]) его посольства, а хана склонить на свою сторону выгодными предложеніями Петра I къ упроченію ханской власти въ странѣ съ помощью русской «гвардіи».

Какъ бы то ни было, но русскій отрядъ тронулся изъ Гурьева-городка въ походъ и, переправясь черезъ р. Эмбу въ бродъ и на салахъ, вышелъ на большую караванную дорогу въ Хиву и слѣдовалъ по ней, черезъ Устюртъ, на юго-востокъ до спуска съ него близъ уроч. Кара-кумбедъ, невдалекѣ отъ мыса Ургу-муруна. Движеніе отряда до переправы черезъ Эмбу произведено усиленнымъ маршемъ, безъ дневокъ, но далѣе оно не могло продолжаться съ такою же скоростью, какъ вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, утомлявшихъ людей и лошадей, такъ и потому, что приходилось рыть множество колодцевъ въ степи. Изнуреніе лошадей заставило побросать въ дорогѣ часть провіанта и на колод. Ягнису (за 4 дня ходу до Каракумбеда), оставивъ около тысячи казаковъ съ приставшими лошадьми.

Отсюда же кн. Черкасскій отправилъ впередъ дворянина Кереитова, съ сотнею человѣкъ, чтобы завѣрить хана въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ [2]).

Съ Кара-кумбеда отрядъ продолжалъ движеніе на югъ вдоль лѣваго берега Айбугира (бывшаго тогда еще заливомъ) и остановился на уроч. «Аккулъ-рѣка» (по Нефесу) [3]), гдѣ простоялъ недѣлю выжидая прибытія оставленныхъ на Янгису казаковъ, за которыми посланы были верблюды. Здѣсь же кн. Черкасскій принялъ первыхъ гонцовъ хивинскаго хана, прибывшихъ къ нему съ подарками, и отпустилъ ихъ немедленно назадъ, подтвердивъ, что идетъ къ хану не войной, а посломъ Царскаго Величества. Присоединивъ къ себѣ отставшихъ людей, Черкасскій черезъ три дня достигъ р. Карагачъ [4]),

---

[1]) Въ инструкціи Петра В. Черкасскому приказывалось, между прочимъ, начальнику конницы «накрѣпко смотрѣть, чтобъ съ обыватели земли ласково и безтягостно обходилися».

[2]) Кереитова приняли сперва хорошо, одарили и содержали, вмѣстѣ съ казаками, на счетъ хана. Когда же прибыли въ Хиву посланные Аюкою люди, то Керентова и казаковъ засадили подъ караулъ, и ханъ сталъ готовиться къ войнѣ съ русскими (показанія Ахметова и Усейнова, l. c.).

[3]) Если бы въ показаніи Нефеса не было сказано, что отъ Кара-кумбеда до Аккулы шли полъ-дня, а отъ послѣдней до Карагача—три дня, то въ р. Аккулѣ можно было бы признать юго-западную оконечность Айбугирскаго залива Акъ-чеганакъ; такъ-какъ отряду приходилось огибать его съ трехъ сторонъ, то Нефесъ могъ счесть этотъ заливъ Айбугира за озеро (по тюрски «куль»), а потому и назвалъ его «Акъ-куль».

[4]) Карагачъ есть, по всей вѣроятности, протокъ Саркраукъ, отдѣляющійся изъ Аму-дарьинскаго рукава Лаудана и текущій на западъ, по старому руслу р. Аму (Урунъ-дарья).

гдѣ нѣсколько десятковъ казаковъ, отправившихся на рыбную ловлю, были захвачены хивинцами въ плѣнъ.

На слѣдующій день русскій отрядъ подвергся нападенію со стороны хивинскаго войска, которое, однако, было отбито. Для огражденія себя отъ новыхъ нападеній, Бековичъ-Черкасскій прислонилъ отрядъ къ рѣкѣ и съ трехъ сторонъ окопался землянымъ валомъ. Въ это время къ своимъ войскамъ прибылъ ханъ Ширгазы и просилъ Бековича пріѣхать къ нему въ ставку, съ царскою грамотою, заявивъ, что нападеніе на русскій отрядъ произведено безъ его приказанія. Но князь Черкасскій, завѣривъ ханскихъ посланныхъ въ мирныхъ цѣляхъ своего прихода, объявилъ, что не выѣдетъ къ хану, пока хивинскія скопища не отойдутъ отъ укрѣпленія на дальнее разстояніе, опасаясь, чтобы, при малочисленности даннаго ему въ конвой отряда, на него не было сдѣлано вѣроломнаго нападенія. Отвѣтомъ на это заявленіе было возобновленіе аттаки хивинцевъ на русскій укрѣпленный лагерь. Бековичъ и тутъ не хотѣлъ выйти изъ роли мирнаго посла и приказалъ стрѣлять изъ орудій вверхъ, вѣроятно холостыми зарядами, чтобы устрашить только хивинцевъ и побудить ихъ къ переговорамъ; но такъ какъ этотъ пріемъ не подѣйствовалъ, то рѣшено было черезъ нѣсколько времени начать дѣйствительный бой, который продолжался двое сутокъ и кончился отступленіемъ хивинскаго скопища отъ русскаго укрѣпленія. Тогда Ширгазы-ханъ, видя себя не въ силахъ одолѣть небольшой отрядъ русскихъ, несмотря на то, что вооруженныхъ хивинцевъ насчитывалось отъ 20 до 25 тысячъ, пустился на хитрость: онъ успѣлъ убѣдить кн. Черкасскаго въ томъ, что и вторичное нападеніе на отрядъ совершено противъ его воли, и пригласилъ его къ себѣ въ лагерь, здѣсь ханъ подтвердилъ клятвой, что не предприметъ ничего враждебнаго противъ Бековича, а послѣдній, въ свою очередь, цѣловалъ крестъ въ томъ, что присланъ отъ русскаго царя съ мирнымъ посольствомъ.

Заключивъ съ начальникомъ русскаго отряда дружественный, по-наружному, договоръ и принявъ отъ него подарки, хану Ширгазы предстояло еще выманить отрядъ изъ укрѣпленія, чего онъ и достигъ безъ труда, уговоривъ кн. Черкасскаго слѣдовать съ нимъ къ Хивѣ. Оба лагеря, русскій и хивинскій, снялись съ своихъ мѣстъ и направились, мимо «Старой Хивы» [1]), къ р. «Порсун-

[1]) Названіе это встрѣчается въ показаніяхъ казака Фед. Емельянова (М. В.-уч. Ар. Г. Ш., стр. 354) и должно, вѣроятно, относиться къ развалинамъ Куня-Ургенча, который началъ заселяться лишь въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка. Этотъ Ургенчъ былъ, съ конца X стол. и до начала XVII, столицею ханства и однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ, а такъ какъ названіе столицы въ Харезмѣ

гулъ»[1]). На этой, печальной памяти, мѣстности произошелъ послѣдній актъ драмы. По непонятному ослѣпленію, Бековичъ согласился на требованіе Ширгазы—раздѣлить русскій отрядъ на мелкія части, подъ предлогомъ трудности содержанія всѣхъ людей его въ одномъ пунктѣ,—и въ этомъ смыслѣ отдалъ приказаніе маіору Франкенбергу и секундъ-маіору Пальчикову, оставшихся старшими начальниками въ русскомъ лагерѣ. Офицеры эти понимали безразсудность такого приказанія, но, послѣ нѣсколькихъ строгихъ повтореній со стороны Бековича, должны были повиноваться. Разведенныя части русскаго отряда были вскорѣ обезоружены сопровождавшими ихъ хивинскими войсками, при чемъ многіе перебиты: большая же часть русскихъ оставлена въ плѣну. Князь Черкасскій, оставшійся въ это время, съ небольшимъ конвоемъ, въ ханской ставкѣ, самъ палъ жертвою своей излишней довѣрчивости и нерѣшительности: какъ только русскій отрядъ былъ разведенъ въ разныя стороны, хивинцы бросились по приказанію хана, на конвой Бековича Черкасскаго, а онъ самъ, съ двумя лицами своей свиты, былъ приведенъ передъ ханскій шатеръ и обезглавленъ. Это событіе случилось 29-го августа 1717 года[2]).

Итакъ, ни преодолѣнныя трудности степнаго похода, ни трехъдневный успѣшный бой съ многочисленнымъ непріятелемъ, не спасли планъ Петра отъ неудачи, а исполнителей его отъ гибели и постыднаго плѣна. Разъ Бековичъ увидѣлъ, что Ширгазы не хочетъ вѣрить его мирному посольству и два раза открыто нападалъ на его отрядъ,—ему надо было забыть, что онъ посолъ, и помнить только одно—что онъ начальникъ русскаго отряда. Дальнѣйшіе переговоры съ ханомъ и задобриваніе его подарками были неумѣстны послѣ второго нападенія хивинцевъ и могли даже вселить Ширгазы подозрѣніе противъ Бековича; такъ какъ азіятскій человѣкъ, видя, что, вмѣсто ожидаемыхъ имъ ударовъ, на его непріязненныя дѣйствія отвѣчаютъ увѣреніями въ дружбѣ, не объяснить этого ничѣмъ инымъ, какъ

очень часто отождествлялось съ именемъ самой страны, то весьма возможно, что и Купя-Ургенчъ назывался иногда жителями «Старой Хивой», въ отличіе отъ нынѣшней (См. объ этомъ: *Sachau.*«Zur geschicteu и Chronologie von Khwârizm», I, S. 25; *Lerch:* «Khiva, seine histor. u. gaograph. Uerhältnisse» S. 37—46, и *Данилевскаго* «Описаніе Хивинскаго ханства», въ Записк. геогр. общества 1851 г. стр. 107 и 108).

[1]) Это должно быть озеро *Порсу*, наполняемое водою изъ канала Арна и лежащее вер. въ 30 на ю. в. отъ Стараго Ургенча. «Порсунгуль» есть, вѣроятно, испорченное Пурсу-куль (*Данилевскій* l. c. стр. 79 и 84).

[2]) Подробности о пребываніи отряда Черкасскаго въ хивинскихъ предѣлахъ заключаются въ показаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, вернувшихся изъ плѣна; они помѣщены въ Матер. Арх. Гл. Штаба и частью въ приложеніяхъ къ ст. *Голосова*, loc. cit.

затаеннымъ злымъ умысломъ или же страхомъ. Поэтому, допустивъ даже, что русскій отрядъ былъ утомленъ длиннымъ походомъ, онъ все-таки имѣлъ надъ хивинскими скопищами преимущество лучшаго вооруженія и артиллеріи; слѣдовательно, кн. Черкасскій могъ дѣйствовать рѣшительно и при малочисленности своего отряда; въ Азіи же, даже при весьма неровныхъ шансахъ, только въ этомъ и кроется залогъ успѣха. Разбивъ, въ случаѣ удачи, Ширгазы, отъ Бековича зависѣло-бы, сообразно обстоятельствамъ, начать съ этимъ или другимъ ханомъ, переговоры на основаніи государевой инструкціи). Въ случаѣ же пораженія, отрядъ могъ быть, конечно, уничтоженъ, но онъ погибъ бы достойнымъ образомъ, поддержавъ честь русскаго имени; а такая гибель, равнозначущая побѣдѣ, принесла бы, несомнѣнно, болѣе пользы дѣлу нашихъ послѣдующихъ сношеній съ Среднею Азіею, чѣмъ вѣроломное умерщвленіе и плѣненіе отряда Бековича.

Неудача экспедиціи 1717 года повлекла за собою и очищеніе восточнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ оставленные въ заложенныхъ крѣпостяхъ гарнизоны потеряли громадную цифру умершими и больными, вслѣдствіе неблагопріятныхъ почвенныхъ условій и недостатка въ здоровой водѣ. На красноводскую крѣпость произведено было нѣсколько нападеній туркменами, по наущенію Хивы, но всѣ они были отбиты. Наконецъ, видя невозможность оставаться долѣе на занятыхъ ими мѣстахъ Каспійскаго прибрежья, безъ опасенія потерять и послѣднихъ, пощаженныхъ болѣзнями людей, начальники обоихъ гарнизоновъ рѣшили покинуть крѣпости и, сѣвъ на суда, съ большими затрудненіями добрались до Астрахани въ концѣ 1717, а частью лишь весною слѣдующаго года [1]).

Совершивъ свой злодѣйскій поступокъ съ посломъ русскаго царя и его служилыми людьми, Ширгазы тотчасъ же сообразилъ, что онъ можетъ дорого поплатиться за него, а потому почти немедленно за катастрофой, постигшей отрядъ Бековича, отправилъ своего посланца въ Петербургъ [2]). Послѣднему, вѣроятно, поручено было умилостивить царя, представивъ все дѣло въ иномъ свѣтѣ и сваливъ всю вину на честолюбивые, будто-бы, замыслы князя Черкасскаго. Доѣхалъ ли этотъ посланецъ до Россіи — неизвѣстно, но въ 1720 году

[1]) Матер. Воен. учен. арх. Гл. Шт., стр. 382—385, 391—394 и 396—398; донесеніе командира Коротояцкаго полка, полковника фанъ-деръ-Видена къ генералъ-адмиралу графу Апраксину, отъ 30 апрѣля 1718 г., въ дѣлѣ № 288, секр. арх. Генеральнаго Штаба.

[2]) Объ отправленіи этого посольства упоминается въ доношеніи Сенату казанскаго губернатора Салтыкова отъ 30 декабря 1717 г., со словъ одного туркмена, встрѣтившаго хивинскаго посланца недалеко отъ Эмбы, на пути въ Гурьевъ (Матер. Воен. учен. арх. Главнаго Штаба. стр. 391—393).

мы видимъ новаго посла хивинскаго, Эвайзъ-Мухамеда, отправленнаго въ Россію съ просьбою о возстановленіи торговыхъ сношеній съ Хивой, прерванныхъ послѣ убіенія Бековича. Однако, посолъ не успѣлъ въ своемъ порученіи, такъ какъ былъ арестованъ, по приказанію императора, и умеръ въ Петербургѣ, а трое его служителей сосланы на каторжныя работы въ Рогервикъ [1]).

Какъ ни былъ Петръ опечаленъ исходомъ посольства кн. Черкасскаго, но мысль о водвореніи, тѣмъ или инымъ путемъ, русскаго вліянія въ Средней Азіи и установленіи торговыхъ связей съ Индіею не покидала энергичнаго государя. Въ то время находился въ Петербургѣ посланецъ (Кули-бекъ) [2]) бухарскаго хана Абулъ-Фейза, имѣвшій порученіе просить о поддержаніи мира и торговыхъ сношеній и о присылкѣ въ Бухару посломъ «разумнаго человѣка». Этимъ и воспользовался Петръ Великій для отправленія къ Абулъ-Фейзу секретаря экспедиціи оріентальной, Флоріо Беневени, человѣка наблюдательнаго и ловкаго, знакомаго въ восточными языками. Инструкція отъ 13 іюля 1718 г., данная Беневени, содержала въ себѣ слѣдующія главнѣйшія указанія: тщательно замѣчать на пути всѣ города и поселенія, крѣпости и пристани; какія рѣки впадаютъ въ Каспійское море; сколько у бухарскаго хана войскъ и оружія, и въ какомъ состояніи они находятся. При аудіенціи у хана требовать, чтобы русскому послу былъ оказанъ достойный пріемъ и «противъ посланниковъ шаха персидскаго». Развѣдывать, въ какихъ отношеніяхъ находится Бухара къ сосѣднимъ азіятскимъ владѣтелямъ и къ Турціи; силенъ ли ханъ подданными своими и не нужна ли ему помощь русскаго царя. Примѣняясь къ свѣдѣніямъ, которыя имъ будутъ собраны, послу предписывалось стараться склонить хана на «оборонительной аліанцъ противъ нападателей на обѣ стороны... а больше на хивинцевъ», и если бухарскому хану нужна, для охраненія его, гвардія изъ русскихъ, то таковую ему тайно предложить. Наконецъ Беневени поручалось въ особенности разузнать, какими способами и путями расширить русскую торговлю съ дальними краями востока, есть ли въ хивинскихъ владѣніяхъ золото, и на-

---

[1]) Въ исторической запискѣ о сношеніяхъ Россіи съ Хивою, составленной въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, сказано, что посолъ этотъ присланъ отъ хивинскаго хана «Эльгазы-Мухамеда»; но это, очевидно, ошибка, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что не только въ бытность Беневени въ Хивѣ, въ 1725 г., но и въ 1729 г. тамъ ханствовалъ еще безпокойный Ширгазы (См. дѣло госуд. архива въ Спб. 1817 г. № 6; пояснительную записку *Я. Ханыкова*, l. c., стр. 274, и извлеченіе изъ дневника Беневени у *Попова*: «Снош. Россіи съ Хив. и Бухарой»).

[2]) Кули-бекъ, при переговорахъ въ Петербургѣ, совѣтовалъ, между прочимъ, остерегаться туркменовъ и заявилъ, что самъ видѣлъ письмо Аюки къ хану Ширгазы, въ которомъ послѣдній предупреждался, что подъ видомъ посольства Бековича, идетъ русское войско для завоеванія Хивы. *А. Поповъ*, l. c., стр. 34.

столько, чтобы для добыванія его стоило выстроить тамъ крѣпость, а также, не будетъ-ли это противно бухарцамъ [1]).

Изъ этой инструкціи видно, что Петромъ I руководила, и въ данномъ случаѣ, та же мысль, которая вызвала экспедицію несчастнаго Бековича. Для исполненія этого важнаго порученія, государь не могъ избрать болѣе «разумнаго» и искуснаго человѣка, какъ Флоріо Беневени; но тѣмъ не менѣе и это посольство не привело къ желаемой цѣли, вслѣдствіе нескончаемыхъ интригъ, неурядицъ и волненій, представляющихъ какъ-бы нормальное состояніе всѣхъ азіятскихъ государствъ.

Беневени, въ сопровожденіи бухарскаго посланника Кулибека [2]), прибылъ въ Бухару лишь въ концѣ 1721 года, будучи почти три года задержанъ въ персидскихъ владѣніяхъ. Въ Бухарѣ царскій посолъ былъ принятъ ханомъ съ почетомъ, и Абулъ-Фейзъ нѣсколько разъ искалъ даже случая тайно переговорить съ нимъ, но боялся окружавшихъ его узбековъ, приведшихъ страну своими раздорами и возмущеніями въ крайне печальное состояніе. Изъ Бухары же Беневени посылалъ своего человѣка (европейца) въ Балхъ и Бадахшанъ, для развѣдыванія о золотѣ, добываемомъ въ Аму-дарьѣ и въ особенности въ р. «Гіокча» (нынѣшняя Кокча, притокъ р. Аму), котораго дѣйствительно много находилось въ обращеніи въ Бадахшанѣ, гдѣ добывались также и другіе драгоцѣнные минералы. Вообще, несмотря на подозрительность, которою окружали Беневени узбеки, и постоянное опасеніе за жизнь, онъ не переставалъ собирать и сообщать государю весьма любопытныя свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи ханства, отношеніяхъ его къ сосѣдямъ, торговлѣ и о другихъ предметахъ, входившихъ въ програму его инструкціи. Богатства бадахшанскія, повидимому, сильно подѣйствовали на посла, и онъ предлагалъ Петру Великому снарядить экспедицію для овладѣнія странами въ верховьяхъ Окса, поясняя, что, при тогдашнихъ постоянныхъ между владѣльцами ссорахъ, не встрѣтится къ тому большихъ препятствій [3]).

Письма Беневени о его затруднительномъ положеніи въ Бухарѣ, гдѣ даже шла рѣчь объ умерщвленіи его на обратномъ пути, госу-

---

[1]) Полная инструкція Беневени, вмѣстѣ съ его донесеніями и дневникомъ на итальянскомъ языкѣ, помѣщена въ приложеніяхъ къ соч. *Попова*, 1. с. с.

[2]) Объ этомъ посланикѣ Беневени писалъ государю изъ Бухары: «ханъ Кулибавши посолъ, яко бусурманъ, Вашу Царскую милость весьма позабылъ и многія непристойныя слова про имя Ваше говоритъ; однакожъ я, увидя такую инковеніенцію, немедленно чрезъ добраго все поправилъ». (Смотри тамъ же, стр. 114).

[3]) Въ письмѣ отъ 10-го марта 1722 г. Беневени, между прочимъ, писалъ:.... «что ежели Вы желаете себѣ авантажъ добрый и довольную казну прибрать, лучшаго способу я не сыскалъ, что къ описаннымъ мѣстамъ собираться (сила всѣ

дарь получилъ уже во время персидскаго похода, и въ декабрѣ 1723 года послу отправлено было шифрованное предписаніе немедленно выѣхать въ одинъ изъ занятыхъ русскими войсками персидскихъ при-каспійскихъ городовъ. Получивъ это приказаніе лишь въ началѣ 1725 года, Беневени тайно бѣжалъ изъ Бухары въ Хиву, куда его неоднократно приглашалъ Ширгазы, обѣщая принять и отпустить его со всѣми почестями. Очевидно, хивинцы были не совсѣмъ покойны, находясь въ тревожномъ ожиданіи возмездія за смерть Бековича, и искали случая какъ-нибудь задобрить Россію, разумѣется не отказываясь въ душѣ отъ своихъ вѣроломныхъ и хищническихъ инстинктовъ. Ширгазы принялъ Беневени ласково, старался убѣдить его, что невиноватъ въ гибели отряда Бековича, такъ какъ послѣдній явился, будто-бы, съ цѣлію самому сдѣлаться хивинскимъ ханомъ, и объявилъ, что возвратитъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, если только будетъ присланъ къ нему посолъ отъ русскаго государя. Это послѣднее увѣреніе не могло, конечно, быть искреннимъ, хотя было одно время, когда ханъ, напуганный приготовленіями Петра къ персидскому походу, думалъ отпустить русскихъ плѣнныхъ, но, убѣдившись, что гроза минуетъ его, отказался отъ такого намѣренія.

Несмотря на внѣшніе знаки любезности хана, положеніе Беневени въ Хивѣ было также не вполнѣ безопасно, и только внутреннія междоусобицы, вслѣдствіе борьбы съ аральскимъ ханомъ Темиромъ, претендентомъ на хивинскій престолъ, побудили Ширгазы отпустить русскаго посла съ честью, чтобы не навлечь на себя еще новыхъ затрудненій со стороны Россіи. Тогда же назначенъ былъ къ отправленію въ Петербургъ и посланецъ отъ хивинскаго хана, Субханъ-кули, съ грамотою.

Флоріо Беневени вернулся въ Астрахань въ сентябрѣ 1725 года, вмѣстѣ съ выкупленными имъ изъ Бухары 40 русскими плѣнными [1]); но уже въ то время не было въ живыхъ пославшаго его. На престолъ вступила Екатерина I.

резоны уничтожитъ); постороннихъ велико опасеніе не будетъ, а наипаче при нынѣшнихъ случаяхъ; ибо всѣ джеперально между собою драки имѣютъ: озбеки хивинскіе, бухарскіе, также пантхонскіе, авганы въ войнѣ давно съ кизыльбашами; одни индейцы остались, и тѣ пуще всѣхъ въ безпокойствѣ обрѣтаются для того, что тамошніе князья между собою въ жестокой войнѣ». (Приложенія къ соч. Попова, стр. 143).

[1]) По свѣдѣніямъ Беневени, русскихъ плѣнныхъ насчитывалось въ то время; въ бухарскихъ владѣніяхъ до двухъ тысячъ, а въ хивинскихъ—около 1500 чел.; было ихъ также не мало въ мелкихъ аму-дарьинскихъ ханствахъ, Балхѣ, Андхоѣ и другихъ. Меньшее сравнительно съ Бухарой, число плѣнныхъ въ Хивѣ объясняется тѣмъ, что хивинцы сдѣлали изъ нихъ выгодную статью торга и продавали ихъ въ сосѣднія мусульманскія владѣнія. (Реляція ф. Беневени отъ 10 марта 1722 года).

Обширные виды Петра — утвердить свое вліяніе въ центрѣ Азіи и открыть непочатый еще рынокъ дальняго востока для русскихъ произведеній, — оказались неосуществимыми съ перваго раза. Неудача экспедиціи князя Черкасскаго, а въ особенности поведеніе при этомъ Хивы, должны были сильно подѣйствовать на государя; и хотя не менѣе важные интересы приковывали въ то время его вниманіе на другія окраины государства, но такой рѣшительный и настойчивый характеръ, какъ Петра, не могъ совершенно отказаться отъ первоначально задуманнаго плана; слѣды этого мы видимъ и въ вышеприведенной инструкціи Беневени. Не добившись доступа въ Среднюю Азію со стороны восточнаго берега Каспійскаго моря, императоръ отыскиваетъ его на южномъ побережьи, и дѣйствительно, въ послѣдніе годы своего царствованія, утверждается въ богатыхъ персидскихъ областяхъ Гиляна и Мазандерана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ I не забываетъ и сѣвернаго пути въ Центральную Азію, со стороны Сибири, гдѣ еще въ 1717 году, тѣснимые чжунгарами (калмыками), киргизскіе ханы просили покровительства Россіи [1]). По отдаленности края и слабости нашихъ силъ тамъ, Россія не могла поддержать киргизовъ, а должна была сама отстаивать отъ чжунгаровъ только-что протянувшуюся впередъ иртышскую линію, и потому, указомъ 19-го января 1721 г., предписано было не ссориться съ калмыками и даже стараться установить съ ними торговлю [2]). Но вскорѣ возрастаніе могущества чжунгаровъ на счетъ обезсилѣвшихъ киргизовъ побуждаетъ государя обратить въ ту сторону особое вниманіе. Для ближайшаго развѣдыванія о положеніи дѣлъ за Иртышомъ, онъ назначаетъ посломъ къ калмыцкому контайшѣ (ханъ-тайцзи) Цеванъ-Рабтану капитана артиллеріи Унковскаго, который, въ концѣ 1722 года, проникаетъ въ за-илійскую степь, гдѣ въ то время, на р. Чарынѣ («Царимъ»), находилась ставка чжунгарскаго властителя [3]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всеобъемлющій геній перваго царя-преобразователя не переставалъ подготовлять почву для достиженія своихъ цѣлей въ Средней Азіи, обусловливаемыхъ географическимъ положеніемъ его имперіи на рубежѣ двухъ частей Стараго Свѣта, ея политическими и торговыми интересами. Но великому императору не суждено было довершить начатое имъ дѣло.

Ближайшіе преемники Петра ограничились, такъ-сказать, отрицательною политикою по отношенію къ Средней Азіи, хотя продол-

---

[1]) *Левшинъ:* Описаніе киргизъ-кайсац. ордъ и степей, 1832, ч. II стр. 66—68.

[2]) *Красовскій:* Статист. опис. обл. сибир. киргизовъ, 1868 г. ч. I, стр. 46 и 55, и ч. II, стр. 208.

[3]) Карманная книжка русскаго географ. общества, 1849 г., ст. *П. Савельева*, стр. 271, и Сборникъ государственныхъ знаній, т. I, стр. 245.

жали поддерживать съ ханствами безрезультатныя сношенія. Такъ, въ 1726 году, явился въ Россію хивинскій посланецъ Субханъ-кули, отправленный вслѣдъ за выѣздомъ изъ Хивы Беневени. Вѣроятно, ему поручено было просить о забвеніи злодѣйскаго поступка съ Бековичемъ, на что и послѣдовало разрѣшеніе верховнаго совѣта отъ 27-го апрѣля 1727 года—о возобновленіи прерванныхъ съ Хивою торговыхъ сношеній [1].

Съ воцареніемъ императрицы Анны Ивановны, Россія, даже помимо стремленій тогдашняго правительства, вовлекается опять въ дѣла Средней Азіи, но уже въ новомъ направленіи, чрезъ за-уральскія степи. Поводомъ къ этому вмѣшательству послужило заявленіе хана Малой киргизской орды, Абулъ-хаира, о желаніи его и подвластныхъ ему кочевниковъ поступить въ подданство Россіи. Въ дѣйствительности, искательство Абдулъ-хаира вовсе не основывалось на всеобщемъ желаніи народа, а было вызвано исключительно личными властолюбивыми цѣлями этого хана, разсчитывавшаго найти въ Россіи поддержку своему слабому авторитету и тѣмъ устранить вліяніе на народъ опасныхъ себѣ соперниковъ. Но русское правительство, не вѣдая истиннаго положенія дѣлъ въ киргизскихъ ордахъ, съ удовольствіемъ приняло просьбу Абулъ-хаира и отправило къ нему, съ переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, мурзою Тевкелевымъ, грамоту на принятіе его въ подданство, обѣщая защиту и покровительство. Только по прибытіи въ степь и Тевкелевъ и сами киргизы увидѣли, какъ ловко провелъ ихъ Абулъ-хаиръ; обманутые киргизы грозили смертью мурзѣ, присланнымъ съ нимъ русскимъ чиновникамъ и самому хану. Благодаря лишь умѣнью Тевкелева вести дѣло съ азіятцами, ему не только удалось выйти изъ своего труднаго положенія, но даже на томъ самомъ народномъ собраніи, на которомъ хотѣли убить его, онъ добился отъ всѣхъ присутствовавшихъ киргизовъ присяги на подданство Россіи; вмѣстѣ съ Абулъ-хаиромъ присягнулъ и ханъ Средней киргизской орды, Шемяка. Это было въ 1732 году [2].

Вскорѣ, однако, правительству Анны Ивановны пришлось убѣдиться, какъ шатки были надежды, возлагавшіяся имъ на послѣдствія такого важнаго, повидимому, событія, какъ принятіе русскаго «подданства» Малою и Среднею киргизскими ордами [3]. Подданство

---

[1]) Дѣло государственнаго архива 1817 г. $\frac{\text{II}-11}{\text{№ } 6}$ и «Пояснительная записка» *Я. Ханыкова* въ т. V Записокъ Импер. русскаго геогр. общ. 1851 г., стр. 275.

[2]) *И. Рычковъ*: Оренбургская Топографія, 1762 г., часть I, стр. 146—148; *А. Левшинъ*, loc. cit. ч. II, стр. 93—103.

[3]) Всѣ три киргизскія орды занимали въ то время степи къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи и къ западу отъ р. Урала: ближайшая къ послѣдней рѣкѣ Малая орда кочевала, какъ и нынѣ, на пространствѣ теперешней уральской и въ западной

это, имѣвшее свое начало въ недоразумѣніи съ обѣихъ сторонъ, — какъ русскаго правительства, такъ и киргизскаго народа, — не только не содѣйствовало безопасности нашихъ границъ и торговаго движенія, но, въ связи съ нѣкоторыми неудачными мѣрами администраціи, отдалило слишкомъ на цѣлое столѣтіе прочное утвержденіе наше въ киргизской степи.

Малое знакомство наше съ исторіею и внутреннимъ бытомъ киргизовъ вселило въ правительствѣ убѣжденіе, что, утвердивъ въ ханскомъ достоинствѣ интригана Абулъ-хаира, съ преемственностью въ его родѣ, оно и угодитъ киргизамъ, и достигнетъ спокойствія на своихъ границахъ. Наши государственные люди того времени не знали, что Абулъ-хаиръ былъ признанъ ханомъ лишь небольшимъ числомъ поколѣній и, по своему происхожденію, не принадлежалъ къ дому, который бы пользовался вліяніемъ и почетомъ среди киргизскаго народа. Оттого и вышло, что Абулъ-хаиръ и его потомки, даже если-бы и желали, не могли выполнить данныхъ правительству обѣщаній: охранять границы и торговые караваны въ степи, давать, въ случаѣ надобности, вспомогательныя войска изъ киргизовъ и уплачивать установленный ясакъ. На самомъ же дѣлѣ, ханы Малой орды думали исключительно о себѣ, нисколько не заботясь о своихъ обязательствахъ, и, при малѣйшемъ неудовольствіи на русскую администрацію, сами натравливали киргизовъ на наши границы и торговые караваны; а правительство, вмѣсто того, чтобы наказать въ этихъ случаяхъ хана, смѣнить его и назначить, по собственному усмотрѣнію, другого, — однимъ словомъ выказать силу и рѣшительность, всегда имѣющія громадное вліяніе въ глазахъ азіятцевъ, — ограничивалось увѣщаніями, задобриваніемъ хановъ, и тѣмъ, конечно, теряло обаяніе своей власти. Къ этому надо прибавить не разъ примѣнявшуюся систему «взаимнаго укрощенія» однихъ кочевыхъ подданныхъ другими и непрестанные безпорядки въ степи, вслѣдствіе интригъ султановъ, фамильныхъ счетовъ съ хивинскими ханами, избиравшимися изъ киргизскихъ родовъ, чтобы понять: насколько могъ быть выгоденъ для интересовъ государства такой порядокъ вещей.

Что Абулъ-хаиръ и самъ не скрывалъ слабость своего значенія въ Малой ордѣ, видно изъ просьбы его, въ 1732 г., о возведеніи, при устьѣ р. Ори въ Уралъ, крѣпости «въ которой могъ-бы онъ найти себѣ убѣжище въ случаѣ опасности» [1]). Правитель-

половинѣ тургайской области; остальная половина послѣдней и часть нынѣшней акмолинской области заняты были Средней ордой, до рр. Ори и Уя на сѣверѣ; наконецъ, Большая орда занимала степи по рр. Сыръ-дарьѣ, Сыръ-су и Чу, и подчинялась джунгарамъ. (Левшинъ, ч. II, стр. 71, 72 и 80).

[1]) *Левшинъ*, ч. II, стр. 110 и 111.

ство воспользовалось этимъ предложеніемъ хана и, для приведенія его въ исполненіе, какъ и вообще для устройства дѣлъ на западной азіятской границѣ, назначило извѣстнаго Кирилова, который былъ снабженъ подробною инструкціею. Въ ней, между прочимъ, заключались слѣдущіе пункты: построить при устьѣ Ори крѣпость и городъ; рѣку Уралъ назначить границею, съ запрещеніемъ киргизамъ своевольно переходить на правый ея берегъ; учредить смѣшанный судъ изъ русскихъ чиновниковъ и киргизскихъ вліятельныхъ старшинъ; отправить торговый караванъ въ Бухарію и далѣе: стараться завести на Аральскомъ морѣ пристань и вооруженныя суда; отыскиватъ руды и осмотрѣть мѣсто, заключавшее въ себѣ, по словамъ Абулъ-хаира, золото. Наконецъ, сверхъ этой программы, въ числѣ «дипломатическихъ» наставленій, Кирилову внушалась та система, которая причинила столько бѣдствій нашимъ при-уральскимъ кочевникамъ, а именно: «если же тѣ или другіе (т. е, башкиры или киргизы) будутъ волноваться, то употреблять одинъ народъ противъ другого, сберегая русское войско» [1]). Одна только слабость нашихъ вооруженныхъ силъ на этой окраинѣ могла бы развѣ, до нѣкоторой степени, оправдать примѣненіе подобнаго принципа.

Кириловъ, въ сопровожденіи Тевкелева (тогда уже полковника), инженеровъ, моряковъ, геодезистовъ и разныхъ техниковъ, отправился, въ 1734 году, на границу и лѣтомъ слѣдующаго года заложилъ на мѣстѣ нынѣшняго Орска, городъ Оренбургъ [2]), а потомъ сталъ устраивать яицкую и уйскую линіи въ огражденіе отъ нашихъ новыхъ подданныхъ. Выполнить, однако, прочіе пункты инструкціи помѣшали Кирилову возмущеніе башкировъ, а вслѣдъ затѣмъ два опустошительные набѣга киргизовъ на волжскихъ калмыковъ, при чемъ Абулъ-хаиръ не только страшно разграбилъ послѣднихъ, но вмѣстѣ съ калмыками захватывалъ въ плѣнъ и русскихъ. Вмѣсто заслуженнаго наказанія за такой дерзкій поступокъ, Кирилову поручено было внушить Абулъ-хаиру, что «видамъ правительства противно раззореніе киргизами подданныхъ Россіи». Это, однако, не помѣшало преемнику умершаго Кирилова, Татищеву (извѣстный историкъ), принять, съ разрѣшенія правительства, предложеніе алчнаго Абулъ-хаира — оказать свое содѣйствіе къ усмиренію все еще волновавшихся башкировъ. Предшествовавшіе удачные набѣги на нашихъ калмыковъ разлакомили этого хана и, подъ видомъ усмиренія,

---

[1]) Тамъ же, стр. 111—126.
[2]) Въ 1739 г. этотъ городъ переименованъ въ русскую крѣпость, а Оренбургъ заложенъ на 184 вер. ниже по Уралу, при урочищѣ Красная гора, но, въ виду неудобства этого мѣста, перенесенъ въ 1742 году, на устье рѣки Сакмары. *Рычковъ*, Оренбургская Топографія, ч. I, стр. 7 и 8).

онъ два мѣсяца такъ грабилъ Башкирію, что Татищеву приказано было, наконецъ, убрать его оттуда [1]). Подобное допущеніе киргизовъ къ «усмиренію» Башкиріи, повторившееся не разъ впослѣдствіи, вызывало со стороны раззоренныхъ кочевниковъ жажду мщенія, которая долгое время служила источникомъ волненій и неурядицъ въ при-уральскомъ краѣ.

Въ 1738 году Абулъ-хаиръ прибылъ па свиданіе съ Татищевымъ въ тогдашній Оренбургъ и былъ принятъ какъ владѣтельный государь. Присягнувъ вторично на подданство Россіи, ханъ обѣщалъ освободить всѣхъ находившихся у киргизовъ и въ сосѣднихъ владѣніяхъ русскихъ плѣнныхъ и обязался защищать русскіе караваны въ степи. Перваго обѣщанія онъ, конечно, не думалъ, да и не могъ исполнить; вторымъ же—воспользовался Татищевъ для отправленія въ Ташкентъ перваго каравана, назначивъ слѣдовать съ нимъ поручика Миллера и геодезіи подпоручика Кушелева. Караванъ, благополучно достигнувъ гор. Туркестана, былъ ограбленъ, не доходя Ташкента, киргизами Большой орды; кромѣ Миллера всѣ были захвачены въ плѣнъ, а онъ добрался до Ташкента, гдѣ, при содѣйствіи киргизскаго хана Юлбарса (старавшагося завязать выгодныя для него торговыя сношенія съ Россіею), освободилъ своихъ спутниковъ и въ 1739 году вернулся съ ними въ Орскъ [2]).

Въ томъ же году назначенъ былъ новый начальникъ оренбургской коммисіи (такъ называлось управленіе вѣдомства при-уральскаго края и киргизовъ), князь Урусовъ, который встрѣченъ былъ вѣстью о разграбленіи киргизами Малой орды двухъ каравановъ, почти на самой нашей границѣ, и тѣмъ могъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ Абулъ хаиръ былъ склоненъ покровительствовать русской торговлѣ.

Внѣшнія сношенія наши съ средне-азіятскими ханствами при Аннѣ-Ивановнѣ не ознаменовались никакимъ практическимъ результатомъ. Въ годъ ея вступленія на престолъ прибылъ въ Москву хивинскій посланецъ Ядигеръ съ грамотами, какъ отъ своего, такъ и отъ бухарскаго хапа. Отвѣтомъ на это было отправленіе въ Хиву и въ Бухару артиллеріи полковника Гербера съ торговымъ караваномъ, который, однако, подвергся, близь нижней Эмбы, нападенію киргизовъ, и посольство должно было вернуться, не достигнувъ хивинскихъ предѣловъ [3]). Въ 1736 году мы видимъ опять хивинскаго

[1]) *А. Левшинъ*, ч. II, стр. 127 и 130.

[2]) *Я. Ханыковъ*. Поѣздка изъ Орска въ Хиву и обратно Гладышева и Муравина. Спб. 1851, стр. 83: «о картѣ Миллерова маршрута и пр.».

[3]) Записки геогр. общ. 1851 г., т. V, стр. 321 и 322, и ст *Залѣсова:* «Посольство въ Хиву капитана Никифорова въ 1841 г. «(Воен. Сборн. т. XXII, 1861 г. стр. 42), составленная по матеріаламъ архива генеральн. штаба оренбургскаго корпуса.

посланца въ Россіи, который и умеръ въ Москвѣ. О цѣли его прибытія можно судить по отправленной съ его людьми грамотѣ къ хану, въ которой хивинцамъ дозволялось являться для торговли въ Астрахань и отправлять товары ихъ туда моремъ, съ Мангышлака, на русскихъ судахъ; караваны же изъ Астрахани въ Хиву должны были слѣдовать сухопутно, подъ охраною конвоя, предложеннаго хивинскимъ ханомъ. Такимъ образомъ правительство Анны Ивановны не считало, повидимому, нужнымъ продолжать виды Петра Великаго на дѣятельное развитіе торговыхъ сношеній съ Хивой и ограничивалось только изъявленіемъ согласія на предложенія, дѣлаемыя самимъ ханомъ. Точно такъ же отнеслось оно и къ значенію для Россіи Каспійскаго моря, какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи. Полновластный тогда Биронъ, не понимавшій истинныхъ интересовъ чуждаго ему по племени русскаго государства, добровольно возвратилъ Персіи пріобрѣтенныя отъ нея при-каспійскія области, на которыя Великій Петръ смотрѣлъ какъ на первый этапъ къ распространенію вліянія Россіи въ Азіи.

Все вниманіе на азіятской нашей границѣ поглощено было киргизскими дѣлами. Принятіе въ подданство Малой и Средней ордъ льстило тщеславію тогдашняго правительства, которое, обособивъ своихъ новыхъ подданныхъ отъ остальной Россіи укрѣпленными линіями по Яику и Ую и не имѣя дѣйствительной власти въ степи, продолжало ласкать хановъ, думая найти въ нихъ преданныхъ Россіи чиновниковъ. Несмотря на бившую въ глаза несостоятельность этой системы, мы, съ упорствомъ, достойнымъ лучшихъ результатовъ, держались ея въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ (за исключеніемъ кратковременнаго перерыва) и тѣмъ сами создавали тѣ хроническія волненія среди киргизовъ, изъ которыхъ преимущественно и слагается исторія этого народа до сравнительно недавняго времени. Впрочемъ, Средняя орда, болѣе удаленная отъ вліянія оренбургской администраціи и руководимая человѣкомъ, опиравшимся на народныя симпатіи, пользовалась относительнымъ спокойствіемъ; но послѣ смерти султана Аблая, выведенная изъ терпѣнія грабительствомъ поддерживаемаго нами хана, она вынуждена, наконецъ, просить «о принятіи ея въ непосредственное завѣдываніе русскаго правительства», и, въ концѣ прошлаго столѣтія, значительная часть ея ищетъ даже убѣжища внутри нашей иртышской линіи [1]).

Въ послѣдній годъ царствованія Анны Ивановны, Хива неожиданно очутилась, на короткое впрочемъ время, въ эфемерномъ

[1]) *А. Левшинъ*, ч. II, стр. 328, и *Красовскій*, ч. I, стр. 96.

подданствѣ Россіи; именно, ханъ Малой киргизской орды приглашенъ былъ хивинцами на ханство, и двое русскихъ были свидѣтелями этого событія. Еще въ 1739 году Абулъ-хаиръ обратился къ оренбургскому начальству съ просьбою снабдить его пушками для войны съ Хивой и построить ему городъ на Сыръ-дарьѣ, возстанивъ дяя того развалины древняго Янги-кента [1]). Въ пушкахъ ему было отказано, но для осмотра мѣстности подъ предполагавшійся къ постройкѣ городъ отправлены были къ Абулъ-хаиру драгунскій поручикъ Гладышевъ, геодезистъ Муравинъ и инженерный надзиратель Назимовъ. На пути къ Сыръ-дарьѣ, гдѣ тогда кочевалъ ханъ Малой орды, подвластные ему киргизы напали на русскую партію, ограбили ее, и трехъ человѣкъ, въ томъ числѣ и Назимова, увели съ собой; при этомъ, отпуская Гладышева съ остальными спутниками, киргизы объявили ему, что «въ подданствѣ-де обрѣтается одинъ Абулъ-хаиръ-ханъ, чего ради и сына своего въ Россію отдалъ (аманатомъ), и за то подарки получаеть, а мы-де не въ подданствѣ» [2]). Подобнымъ откровеннымъ признаніемъ простодушные разбойники, какъ нельзя мѣтче, охарактеризовали и настоящій смыслъ принятія Абулъ-хаиромъ подданства Россіи, и ошибочность взглядовъ русскаго правительства на значеніе ханской власти въ ордѣ.

Гладышевъ и Муравинъ уже не застали хана на низовьяхъ Сыра, а потому послѣдовали за нимъ къ аральцамъ [3]), гдѣ онъ въ то время находился на пути въ Хиву. Въ это время къ Хивѣ приближался грозный Надиръ-шахъ, что и побудило жителей призвать къ себѣ, на мѣсто умерщвленнаго Надиромъ хана, Абулъ-хаира, въ надеждѣ, что онъ спасетъ ихъ отъ нашествія персидскаго войска. Въ ноябрѣ 1740 года Абулъ-хаиръ вступилъ въ Хиву; но сознавая, что онъ не въ силахъ противостоять шаху, рѣшился отклонить отъ себя грозу, объявивъ, въ собраніи старшинъ, что Хива въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества, о чемъ и послалъ геодезиста Муравина сообщить Надиру, стоявшему въ то время подъ гор. Ханки. Муравинъ былъ весьма ласково принятъ Надиръ-шахомъ, который сказалъ ему, что, ознакомившись съ присланной съ нимъ

---

[1]) *Рычковъ*, ч. I, стр. 174 и 260. Янги-Кентъ или Джанкентъ существовалъ, недалеко отъ устья р. Сыра, еще въ первой половинѣ X вѣка. Интересныя свѣдѣнія объ этомъ городѣ и его развалинахъ можно найти въ «Археологич. поѣздкѣ въ туркестанскій край въ 1867 г.» *П. И. Лерха*. Спб. 1870.

[2]) Показаніе оренбургскаго драгунскаго полка поручика Дмитрія Гладышева въ брошюрѣ *Я. Ханыкова* «Поѣздка изъ Орска въ Хиву и обратно» и проч., 1851 г. стр. 7 и 8.

[3]) Аральцами называлась часть хивинскихъ узбековъ и каракалпаковъ, обитавшихъ въ дельтѣ Аму-дарьи и имѣвшихъ нерѣдко самостоятельныхъ отъ Хивы владѣтелей.

царской грамотой на принятіе Абулъ-хаира въ русское подданство, онъ и самъ признаетъ послѣдняго вѣрноподданнымъ императрицы «и какъ Ея Императорское Величество изволитъ ево жаловать, такъ и я ево жалую» [1]). Затѣмъ Муравинъ былъ отпущенъ въ Хиву съ письмомъ къ Абулъ-хаиру, въ которомъ шахъ приглашалъ его пріѣхать къ нему для личныхъ переговоровъ и обѣщалъ свою милость. Но ханъ, опасаясь злаго умысла со стороны Надира, счелъ за лучшее бѣжать тайкомъ изъ Хивы, взявъ съ собой Гладышева и Муравина, которые въ апрѣлѣ 1741 года возвратились въ Орскъ.

Вопросъ о постройкѣ города для Абулъ-хаира остался нерѣшеннымъ, не смотря на то, что возникалъ нѣсколько разъ впослѣдствіи, даже при сынѣ его Нурали-ханѣ, такъ какъ правительство хотя и готово было устроить поселеніе для хановъ, но поближе къ границѣ, на Илекѣ или нижней Эмбѣ, чего не хотѣли ни ханъ, ни подвластные ему киргизы [2]).

Поѣздка Гладышева и Муравина въ степь и въ Хиву, кромѣ доставленія первыхъ обстоятельныхъ свѣдѣній объ очертаніи береговъ Аральскаго моря и о сосѣднихъ съ нимъ жителяхъ, имѣла еще результатомъ принятіе въ русское подданство каракалпаковъ, обитавшихъ по низовьямъ Сыръ-дарьи, въ числѣ 12 тысячъ кибитокъ. Этотъ мирный полуосѣдлый народъ, обижаемый и киргизами и чжунгарами, искренно желалъ покровительства Россіи. Вступившая тогда на престолъ Елисавета Петровна изъявила согласіе на прошеніе каракалпаковъ о подданствѣ, приняла ихъ посланцевъ и отправила съ ними, черезъ Гладышева, свою грамоту. Но и въ этомъ случаѣ все ограничилось одною обрядною стороною принятія присяги, не потому, чтобы сами присягавшіе желали уклониться отъ фактическаго подданства, а потому, что правительство наше не имѣло никакой силы и значенія въ степи. Тотъ самый Абулъ-хаиръ, который только Россіи обязанъ былъ своимъ ханскимъ достоинствомъ, боялся, чтобы съ помощью новыхъ подданныхъ, каракалпаковъ, правительство не прибрало его, наконецъ, въ руки; и потому, прежде чѣмъ Гладышевъ прибылъ въ степь, онъ напалъ на каракалпаковъ и нанесъ имъ страшное раззореніе [3]). Послѣ такого насилія, несчастному народу,

---

[1]) Показанія Муравина см. въ упомянутой выше брошюрѣ, изданной Я. Ханыковымъ, стр. 75–81. Во время своего пребыванія въ персидскомъ станѣ, Муравину говорили, что Надиръ приказалъ возвратить бывшимъ въ Бухарѣ русскимъ купцамъ находившихся тамъ плѣнныхъ соотечественниковъ ихъ и обѣщалъ тоже сдѣлать въ Хивѣ. Изъ послѣдней выведено было тогда же, однимъ русскимъ татариномъ, 10 чел. русскихъ плѣнныхъ, которые, передъ отъѣздомъ на родину, были щедро одарены шахомъ (*Левшинъ*, ч. II, стр. 147).

[2]) *А. Левшинъ*, ч. II, стр. 185—187.

[3]) *П. Рычковъ*. «Оренб. Топогр.» ч. I, стр. 161—173.—По поводу просьбы каракалпаковъ о принятіи ихъ въ подданство, навлекшее на нихъ месть Абулъ-

лишенному защиты отъ принявшаго его въ подданство государства, ничего другого не оставалось, какъ удалиться на среднее теченіе Сыра, подъ покровительство чжунгаровъ, къ которымъ Абулъ-хаиръ питалъ спасительное чувство страха.

Событія въ Малой ордѣ до смерти Абулъ-хаира (1748 г.) и въ продолженіи долговременнаго ханствованія его неспособнаго и ненавидимаго народомъ сына Нурали (до 1785 г.) были нескончаемымъ родомъ какъ внутреннихъ раздоровъ между интриговавшими за власть султанами, такъ и столкновеній съ сосѣдними кочевниками. Сами ханы нисколько не стѣснялись, въ случаѣ неудовлетворенія русскими властями неосновательныхъ ихъ притязаній, грабить наши поселенія на Уралѣ и уводить русскихъ людей въ неволю. При такомъ порядкѣ вещей нельзя было ожидать правильнаго развитія торговаго движенія черезъ степи, не смотря на то, что оренбургская администрація дѣйствительно старалась, хотя и не умѣло, достигнуть безопасности для азіатскихъ каравановъ. А между тѣмъ, торговое значеніе Оренбурга и Троицкой крѣпости, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, все болѣе возрастало; въ особенности успѣшно шелъ мѣновой торгъ въ послѣднемъ изъ названныхъ пунктовъ, заложенномъ лишь въ 1743 году, такъ какъ въ немъ принимали преимущественное участіе киргизы Средней орды, менѣе другихъ страдавшіе отъ внутреннихъ неурядицъ и внѣшнихъ нападеній, благодаря искусной, хотя и двуличной, политикѣ вліятельнаго султана Аблая. Въ 1753 году привезено было въ Оренбургъ и Троицкъ товаровъ на 530 тысячъ руб., не считая драгоцѣнныхъ каменьевъ, какъ, напримѣръ, лапись-лазури, котораго принято въ кабинетъ 198 слишкомъ пудовъ стоимостью до 25 тысячъ руб. [1]).

Однако, русскіе купцы не отваживались на активную торговлю съ средне-азіятскими владѣніями, опасаясь рисковать своими капиталами, вслѣдствіе частыхъ грабежей въ киргизской степи. Назначенный, вслѣдствіе переименованія, въ 1744 году, оренбургской коммисіи въ губернію, первымъ оренбургскимъ губернаторомъ, тайный совѣтникъ Неплюевъ, обратилъ особенное вниманіе на открытіе

хаира, государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ высказала, въ представленіи Сенату 12 августа 1743 г., слѣдующее мнѣніе: «хотя оной народъ за весьма великимъ отдаленіемъ отъ россійскихъ границъ въ дѣйствительной протекціи и защищеніи содержать неудобно; однакожъ по тогдашней онаго склонности и по обнадеживанію ихъ объ отдачѣ россійскихъ имѣющихся у нихъ плѣнниковъ кажется и отъ подданства отказать не пристойно».

[1]) Дѣло госуд. арх. $\frac{XVI}{№ 88}$ 1744—1762 г. Представленіе Неплюева и бригадира Тевкелева въ Прав. Сенатъ и государ. коммисію иностран. дѣлъ отъ 29 января 1751 г. «съ изъясненіемъ объ оренбургской коммерціи какъ оная началась и происходила и нынѣ есть».

доступа русскимъ произведеніямъ въ далекія страны востока и на пріохоченіе нашихъ купцовъ къ личному посѣщенію ими средне-азіятскихъ рынковъ; для этого онъ полагалъ: «посылкою мелкихъ каравановъ изъ Оренбурга простираться ознаемить купечество въ Балхъ, въ Водошканъ и въ Кабулъ—первой городъ Индіи принадлежащій, и съ тамошними владѣльцами оренбургскому командиру корреспонденцію свести». Въ 1750 году Неплюевымъ отправленъ первый небольшой товарный караванъ, съ однимъ оренбургскимъ татариномъ, въ Индію, который, сколько было извѣстно, расторговался благополучно, а сопровождавшіе его татары отправились обратно черезъ Мекку и Турцію [1]). Развивая далѣе свои виды о расширеніи торговли съ Среднею Азіею, Неплюевъ предлагалъ образовать компанію изъ нѣсколькихъ крупныхъ торговцевъ, за которою утвердить монополію торга съ азіятскими владѣніями; въ Бухарѣ, «яко безопасномъ мѣстѣ», и въ Хивѣ компанія должна была имѣть постоянныхъ торговыхъ агентовъ, чтобы оттуда «отпуски куда способно чинить». «Способнѣе» же всего онъ полагалъ направлять караваны въ Индію (т. е. въ Кабулъ) черезъ Кандахаръ, такъ какъ, по имѣвшимся тогда свѣнѣніямъ, кандахарскій ханъ [2]), овладѣвъ Гератомъ и Мешхедомъ, приглашалъ всѣхъ купцовъ ѣздить безопасно въ его армію и владѣнія.

Въ этомъ отношеніи Неплюевъ обладалъ совершенно вѣрнымъ политическимъ чутьемъ: признавая самъ, что въ первое время, по незначительности оборотнаго капитала, наши купцы не могли бы разсчитывать на выгодные барыши, онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ особенно важнымъ, что, благодаря частой посылкѣ каравановъ, отдаленные народы востока привыкнутъ къ русскому имени, ближе ознакомятся съ нами, и мало-по-малу Россія пріобрѣтетъ среди нихъ то значеніе, къ которому стремился Петръ Великій.

Къ сожалѣнію, прекрасныя намѣренія тогдашняго оренбургскаго начальства не осуществились въ полной мѣрѣ, потому что тотъ же самый Неплюевъ, поддерживавшій, во что бы то ни стало, вреднаго для насъ Нурали-хана, былъ не въ силахъ добиться прекращенія грабежей въ степи, которые, по временамъ, вызывали значительное

---

[1]) Тамъ же. О возвращеніи людей этого пробнаго каравана изъ Индіи въ Оренбургъ, чрезъ Мекку и Турцію, Неплюевъ писалъ: «Хотя весьма сіе не дорога, но понеже въ томъ караванѣ все магометанцы, то видно, что профитуя оказіею ѣздятъ по своему суевѣріею для поклоненія ихъ богомерзкимъ чтилищамъ». – О состояніи оренбургской торговли съ 1749 по 1763 годъ можно найти свѣдѣнія въ «Историческихъ извѣстіяхъ о киргизъ-кайсакахъ» и пр. *В. Вельяминова-Зернова*, Уфа 1853 г., ч. I, стр. 40—88.

[2]) Ахмедъ-шахъ, основатель дуранійской монархіи въ Афганистанѣ и сѣверной Индіи.

уменьшеніе пріѣзда средне-азіятскихъ торговцевъ въ Оренбургъ и еще болѣе удерживали русскихъ отъ охоты пускаться въ дальнія торговыя предпріятія. Къ этому присоединился еще новый бунтъ башкировъ въ 1755 году, для наказанія которыхъ Неплюевъ прибѣгъ къ крайней, жестокой и безтактной мѣрѣ, объявивъ киргизамъ, что всѣ перебѣжавшіе къ нимъ башкиры, съ ихъ семьями и имуществомъ (а ихъ бѣжало за Уралъ до 50 тысячъ чел.), отдаются имъ во власть, съ тѣмъ, однако, чтобы мужья и отцы были выданы на линію или изгнаны изъ предѣловъ казачьихъ ордъ. Разумѣется, киргизамъ нечего было повторять приглашенія, и вотъ началась варварская травля несчастныхъ башкировъ и ловля ихъ женъ и дочерей. Множество народа погибло, но оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся въ свои жилища башкиры не замедлили отомстить своимъ истребителямъ и толпами переходили за Уралъ, неистово грабя и убивая киргизовъ. Неплюевъ оффиціально запретилъ башкирамъ переходить линію, а изъ-подъ руки приказалъ мѣстнымъ властямъ не замѣчать нарушенія башкирами этого запрещенія[1]). Такими мѣрами, впервые указанными въ упомянутой выше инструкціи Кирилову, оренбургская администрація все еще надѣялась держать кочевыя племена въ повиновеніи и, ослабляя одно изъ нихъ помощью другого, достигнуть уменьшенія безпорядковъ; она упускала изъ виду, что этимъ самымъ мы доказывали только собственное наше безсиліе заставить уважать русскую власть, и что грабежи-то именно и являются слѣдствіемъ раззоренія и обѣдненія народа, развивая въ немъ охоту искать удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей не мирнымъ трудомъ, а насильственнымъ захватомъ имущества ближняго.

Въ періодъ управленія оренбургскимъ краемъ Неплюева мы сдѣлали все-таки нѣсколько шаговъ впередъ въ степь: со стороны Урала заняли, въ 1754 году, небольшой участокъ илецкихъ соляныхъ копей, устроили тамъ крѣпостцу и поселеніе, а на сѣверѣ сомкнули урало-уйскую линію съ иртышской, выдвинувъ нашу границу на 50—200 вер. въ земли Средней орды и проведя новую, такъ называвшуюся, ишимскую линію, отъ звѣриноголовскаго укрѣпленія до Омска.

Въ это время на югѣ отъ нашей сибирской границы доживало послѣдніе дни нѣкогда сильное чжунгарское царство. Преемники воинственнаго Галданъ-цереня не съумѣли итти по его стопамъ и, своими внутренними раздорами, дали возможность китайскому императору Цянь-луню покончить съ чжунгарами, къ чему онъ уже давно искалъ

[1]) *А. Левшинъ*, ч. II, стр. 211—217.

случая. Въ 1757 году обширныя владѣнія контайшей, а вслѣдъ за тѣмъ и Восточный Туркестанъ подпали подъ власть маньчжурской династіи. Событіе это не принесло намъ никакой пользы, и хотя еще въ 1731 году пекинскій дворъ испросилъ, чрезъ особое посольство въ Москву, согласіе русскаго правительства на завоеваніе Чжунгаріи, съ обѣщаніемъ раздѣлить съ нами завоеванныя земли, но обѣщанія этого не исполнилъ. Напротивъ, вслѣдствіе принятія нами подъ свое покровительство спасшихся отъ истребленія калмыковъ, китайцы готовы были съ оружіемъ въ рукахъ требовать выдачи ихъ и даже вступили въ землю двоеданцевъ, въ окрестностяхъ Телецкаго озера. Правительство наше поспѣшило усилить войска на сибирскихъ границахъ и занялось обсужденіемъ мѣръ къ приведенію ихъ въ оборонительное состояніе; но все ограничилось однимъ протестомъ [1]). Только умный султанъ Аблай въ Средней ордѣ воспользовался совершившимися переворотомъ, принявъ сторону китайцевъ и получивъ за то отъ нихъ титулъ князя, но въ то же время продолжая дружить съ Россіей, близъ границъ которой кочевали подвластные ему киргизы и вели прибыльный торгъ въ Троицкѣ [2]).

Мы уже видѣли, что въ царствованіе Елисаветы Петровны Оренбургъ сталъ главнымъ посредствующимъ пунктомъ торговли Россіи съ Среднею Азіею, и къ нему же перешелъ изъ Астрахани центръ тяжести нашихъ дипломатическихъ сношеній съ азіятскими ханствами, обусловливавшихся преимущественно торговыми цѣлями и близкими отношеніями Хивы къ киргизской ордѣ. Съ тѣхъ поръ какъ хивинскіе ханы стали избираться изъ киргизскихъ султановъ, между родами которыхъ существовала постоянная вражда, мы были поставлены въ необходимость часто вмѣшиваться во взаимныя ссоры хивинцевъ съ киргизами; а такъ какъ ханы хивинскіе, будучи сами киргизами и имѣя въ ордѣ многочисленную родню, хорошо знали, что мы не въ силахъ заставить повиноваться даже собственныхъ своихъ подданныхъ за Ураломъ, то они вовсе не заботились объ исполненіи нашихъ просьбъ, если онѣ не подкрѣплялись репрессаліями.

Въ 1741 и 1743 годахъ [3]) пріѣзжали въ Россію хивинскіе посланцы, подъ обычнымъ предлогомъ просить расширенія торговыхъ сношеній, а въ сущности просто для полученія подарковъ, такъ какъ пользы отъ этихъ посольствъ для торговли не было; то же самое повторилось и въ 1746 году. Въ это время Хива находилась еще въ

[1]) Историческая записка, составленная по матеріаламъ западно-сибирскаго окружнаго штаба.

[2]) *А. Левшинъ.* ч. II, стр. 210 и 211, 222—226 и 228—231.

[3]) Дѣло государственнаго архива 1817 года $\frac{\text{II}-11}{\text{№ } 6}$.

вассальной зависимости отъ Надиръ-шаха, который держалъ тамъ своихъ ставленниковъ, и русское правительство, желая избѣгнуть неудовольствія персидскаго государя, въ случаѣ, если бы хивинцы вздумали (какъ уже разъ и было) призвать къ себѣ на ханство кого-либо изъ киргизовъ, русскихъ подданныхъ, запретило киргизскимъ султанамъ принимать въ Хивѣ ханское достоинство [1]). Указъ объ этомъ былъ отмѣненъ въ 1750 году; но уже раньше, хотя и послѣ смерти Надира, мы застаемъ ханомъ въ Хивѣ Каипа, сына одного изъ вліятельныхъ киргизскихъ султановъ, Батыря, питавшаго къ Нурали-хану непримиримую вражду.

Эти фамильные счеты, въ связи съ алчностью обѣихъ враждовавшихъ сторонъ, повели къ сильнѣйшимъ грабежамъ, еще болѣе возбуждавшимъ взаимныя страсти и тормозившимъ торговое движеніе черезъ степи. Въ 1570 г. прибылъ въ Оренбургъ посланецъ Каипа, Ширъ-бекъ, съ письмомъ, въ которомъ ханъ жаловался на грабежи киргизовъ, указывалъ на необходимость прочныхъ торговыхъ сношеній и, подъ видомъ радѣнія о безопасности каравановъ, просилъ направлять ихъ черезъ кочевья своего отца, Батыря, а не чрезъ земли Нурали-хана и его родственниковъ. Послѣдняя просьба объяснялась желаніемъ отнять у Нурали право взиманія пошлины съ провозимыхъ товаровъ и передать его въ руки Батыря. Въ этомъ было наотрѣзъ отказано посланцу, равно какъ и въ отправленіи его въ Петербургъ, такъ какъ коллегія иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно не зная о возстановленіи, со смертію Надира, независимости Хивы, находила неприличнымъ, чтобы ханъ хивинскій, «будучи не самостоятельнымъ владѣльцемъ», отправлялъ своихъ посланцевъ прямо ко двору.

Получивъ отказъ въ своемъ домогательствѣ, Каипъ все-таки запретилъ хивинскимъ купцамъ ходить въ Оренбургъ и обратно иначе, какъ черезъ кочевья своего отца. Въ свою очередь и Нурали, раздраженный этимъ запрещеніемъ, лишавшимъ его значительныхъ доходовъ, отомстилъ Каипу разграбленіемъ перваго, шедшаго въ Россію, хивинскаго каравана; на требованіе же Неплюева возвратить ограбленное, упорно отказывалъ, прося, напротивъ, прислать ему русскія войска для овладѣнія Хивой, которая, по его увѣренію, готовилась будто-бы напасть на русскую границу. Много трудовъ стоило уговорить расходившагося хана исполнить требованіе оренбургскаго начальства, прибѣгнувшаго въ концѣ-концовъ, къ соблазнительному обѣщанію производить Нурали ежегодное жалованье; противъ этого

[1]) Указъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 21-го октября 1745 г. (*Вельяминовъ-Зерновъ*, Истор. изв. о киргизъ-Кайсакахъ, ч. I, стр. 135).

ханъ не устоялъ и для разбора претензій ограбленныхъ хивинцевъ вызвался послать въ Хиву нарочныхъ, предложивъ назначить также нѣсколькихъ русскихъ, въ качествѣ свидѣтелей [1]).

Этимъ воспользовались Неплюевъ и Тевкелевъ, чтобы снарядить въ Хиву купеческій караванъ, на сумму 20 тысячъ рублей, подъ начальствомъ купца Данилы Рукавкина и канцеляриста Чучалова; главнымъ же посланцемъ отъ губернатора къ Каипу назначенъ былъ переводчикъ Гуляевъ, состоявшій уже нѣсколько лѣтъ при Абулъхаирѣ и Нурали. Въ концѣ декабря 1753 года караванъ прибылъ въ Хиву, вмѣстѣ съ довѣренными отъ Нурали киргизами, и тотчасъ же состоялось обоюдное соглашеніе на счетъ вознагражденія потерпѣвшихъ хивинцевъ. Что же касается русскихъ посланцевъ и купцовъ, то Каипъ, убѣжденный нѣкоторыми старшинами въ томъ, что Гуляевъ пріѣхалъ не для свидѣтельства при разборѣ ссоры, а «для примѣчанія Хивы и предѣловъ оной», съ цѣлью отомстить современемъ за гибель Бековича, не допускалъ его къ себѣ и держалъ подъ присмотромъ. Купцамъ не позволено было торговать, и часть товаровъ Каипъ забралъ въ долгъ, такъ-что наши торговцы только тайкомъ сбывали оставшійся товаръ за дешевую цѣну въ Ургенчъ. Почти годъ продержалъ хивинскій ханъ нашихъ посланцевъ и купцовъ, несмотря на неоднократныя просьбы, какъ присланныхъ отъ Нурали киргизовъ, такъ и задобренныхъ Гуляевымъ приближенныхъ Каипа. Только задержка въ Оренбургѣ всѣхъ находившихся тамъ хивинцевъ побудила хана, въ концѣ 1754 года, отпустить пришедшихъ съ караваномъ русскихъ [2]).

Одновременно съ ними прибылъ въ Оренбургъ хивинскій посланецъ, который, вмѣсто исполненія порученія своего хана, просилъ, напротивъ, помощи русскаго правительства къ его низложенію. Султанъ Ирали, братъ Нурали-хана, вызвался итти на Хиву, отомстить Каипу за оскорбленія, нанесенныя ихъ семейству и, въ случаѣ неудачи, просилъ только выкупить его изъ плѣна. Правительство, до тѣхъ поръ неоднократно удерживавшее и Абулъ-хаира и Нурали отъ вооруженнаго вмѣшательства въ хивинскія дѣла, сочло возможнымъ, въ виду дерзкаго поступка Каипа съ русскимъ караваномъ, предо-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 135—162.

[2]) Донесеніе Гуляева и Чучалова отъ 9 марта 1754 года въ приложеніяхъ къ ч. I «Истор. изв. о киргизъ-кайсакахъ», стр. 32—48, и *Левшинъ*, ч. II, стр. 204. Гуляевъ, наконецъ, добился пріема у Каипа, но подъ унизительнымъ условіемъ - подойти къ хану *на колѣняхъ*, что онъ и продѣлалъ, безъ малѣйшей даже пользы для себя. Такое униженіе званія русскаго посланнаго можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Гуляевъ былъ татаринъ и, слѣдов., не могъ отрѣчься отъ нѣкотораго подобострастія къ особѣ хана. Обстоятельство это указываетъ на неудобство выбирать посланцевъ изъ магометанъ, при сношеніяхъ нашихъ съ азіатскими владѣтелями.

ставить хану Малой орды и его братьямъ итти на Хиву и овладѣть ею [1]). Предположеніе это, однако, не осуществилось, вѣроятно вслѣдствіе слабой надежды на успѣхъ въ борьбѣ съ соединенными силами Каипа и отца его.

Хотя средне-азіятская торговля съ Россіею шла въ то время, главнымъ образомъ, черезъ Оренбургъ и Троицкъ, однако, правительство не оставляло заботиться и о развитіи ея со стороны Каспія, что представлялось особенно важнымъ, въ виду усиленія грабежей въ киргизской степи. Съ этою цѣлью, въ 1758 и 1759 годахъ, учреждены были при Астраханскомъ портѣ двѣ коммерческія компаніи: одна для торговли съ персидскими прибрежными пунктами, другая — съ восточнымъ Каспійскимъ берегомъ, на Мангышлакѣ, Балханскомъ заливѣ, Бѣломъ и Серебряномъ буграхъ. Но компаніямъ этимъ предоставлены были крайне стѣснительныя для торговли монопольныя права, такъ-что никто изъ русскихъ подданныхъ не смѣлъ вести торгъ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, подъ опасеніемъ конфискаціи его имущества въ пользу компаній. Послѣдствія такой монополіи не замедлили выразиться въ неисправной отправкѣ судовъ за товарами, несрочной доставкѣ ихъ, и въ другихъ безпорядкахъ, вызвавшихъ многочисленныя жалобы. Поэтому, со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, вышеприведенное запрещеніе было отмѣнено указомъ 31-го іюля 1762 года, и всему русскому купечеству дозволено было свободно торговать не только при астраханскомъ портѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ съ Каспійскимъ моремъ владѣніяхъ, а въ бакинскій и энзелинскій порты назначены русскіе консулы [2]).

Между тѣмъ безпорядки и насилія въ Малой ордѣ съ каждымъ годомъ все усиливались. Впродолженіе тридцати лѣтъ мы не достигли ни малѣйшаго результата въ отношеніи упроченія нашей власти въ киргизскихъ степяхъ, а тратили не мало денегъ на огражденіе себя отъ «заграничныхъ» подаиныхъ укрѣпленными линіями, на подарки и жалованье ханамъ и его родственникамъ, которые, въ благодарность за это, неоднократно производили набѣги на наши прилинейныя поселенія и уводили въ плѣнъ коренныхъ русскихъ поданныхъ. Насколько основательна была система безусловнаго поддержанія киргизской аристократіи, такъ-называемой «бѣлой кости», вопреки демократическому началу, присущему всѣмъ киргизскимъ обществамъ, видно изъ того, что, при восшествіи на престолъ Петра III, не рѣшились потребовать отъ хановъ присяги, изъ

---

[1]) *А. Левшинъ*, ч. II, стр. 205 и 206.

[2]) Донесеніе астрах. губер. Неронова. Дѣло госуд. архива 1815 года $\frac{\text{II—11}}{\text{№ 6}}$.

боязни получить оскорбительный отказъ. И дѣйствительно, киргизскіе ханы считавшіе себя нашими подданными для полученія жалованья и права обирать своихъ подвластныхъ, открыто сносились посольствами съ пекинскимъ дворомъ, чѣмъ Нурали особенно кичился передъ русскимъ правительствомъ.

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія были особенно тяжелы для спокойствія оренбургской границы и безопасности торговаго движенія: между поволжскими калмыками и киргизами происходили безпрестанные грабежи, отъ которыхъ доставалось и нашимъ поселеніямъ, а Нурали и братья его останавливали караваны въ степи. Долготерпѣливое правительство рѣшилось, наконецъ, дать почувствовать свою силу, и нѣсколько разъ высылались отряды войскъ для наказанія киргизовъ и освобожденія нашихъ плѣнныхъ; но эти мѣры оказались паліативными. Въ 1771 году, когда совершилось знаменитое бѣгство калмыковъ [1]) съ береговъ Волги въ Чжунгарію, мы опять-таки сами способствовали возбужденію хищническихъ инстинктовъ киргизовъ, предоставивъ имъ въ добычу бѣгущихъ. На всемъ пространствѣ степи, отъ Урала до китайской границы, ополчились киргизы, съ своими ханами и султанами, противъ калмыковъ и дѣйствовали такъ успѣшно, что изъ 30 тысячъ калмыцкихъ кибитокъ, вышедшихъ изъ Россіи, только половина добралась до Китая. Послѣдовавшія за тѣмъ волненія въ юго-восточной окраинѣ вслѣдствіе яицкаго бунта, отвлекшія всѣ силы и вниманіе администраціи на подавленіе мятежа, еще болѣе способствовали учащенію киргизскихъ набѣговъ на наши границы, вызвавшихъ опять высылку отрядовъ для наказанія хищниковъ.

Императрица Екатерина, заботясь объ успокоеніи степи, старалась привить къ ней нѣкоторыя условія гражданственности, для чего рѣшено было пріучать киргизовъ къ хлѣбу, продавая его изъ казенныхъ магазиновъ за самую низкую цѣну, заводить сараи для зимовки ихъ скота и даже строить дома для желающихъ селиться киргизовъ [2]); началась постройка, на счетъ государства, школъ и мечетей, гдѣ, съ нашего богословенія, проповѣдывались киргизамъ-шаманистамъ фанатическія изреченія магометовой религіи.

Убѣдившись, наконецъ, въ полнѣйшемъ безсиліи Нуралихана и

[1]) Калмыки (торгоуты) эти пришли въ Россію еще при Михаилѣ Федоровичѣ и, принявъ русское подданство, получили для своихъ кочевокъ обширныя земли по обѣимъ берегамъ Волги; къ нимъ присоединились, по завоеваніи Чжунгаріи китайцами, еще до десяти тысячъ кибитокъ.

[2]) Правительство отправило даже, по просьбѣ султана Средней орды Аблая, десять человѣкъ хлѣбопашцевъ для обученія подвластныхъ ему киргизовъ земледѣлію, взявъ отъ султана надежныхъ аманатовъ, и выстроило для него домъ близь Петропавловской крѣпости на ишимской линіи (*Левшинъ*, стр. 243 и 267).

желая поставить русскую администрацію въ болѣе непосредственное отношеніе къ киргизамъ, государыня повелѣла, въ 1782 году, учредить въ Оренбургѣ особое управленіе для нашихъ пограничныхъ подданныхъ, подъ именемъ «Пограничной экспедиціи», а черезъ два года учрежденъ также и пограничный судъ, въ составѣ семи членовъ русскихъ, столькихъ же киргизскихъ и по одному отъ башкировъ и мещеряковъ. Но всѣ эти добрыя стремленія императрицы къ благоустройству киргизской степи не привели ни къ чему: грабежи продолжались по прежнему, и въ 1784 и 1785 годахъ посылались три значительные отряда за Уралъ, доходившіе до верховьевъ Эмбы. Уже въ то время сознавалась необходимость устройства въ степи укрѣпленій для огражденія торговыхъ каравановъ и обузданія своеволій киргизовъ, но, къ сожалѣнію, нѣсколько разъ возникавшая мысль объ этомъ всегда оставалась безъ исполненія [1]).

Вышеприведенныя распоряженія Екатерины II, несомнѣнно свидѣтельствовавшія о просвѣщенныхъ цѣляхъ императрицы, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на слабое пониманіе тогдашнимъ оренбургскимъ начальствомъ характера киргизскаго народа. Такъ, устройство въ Малой и Средней ордахъ мечетей со школами и назначеніе въ киргизскіе роды муллъ изъ казанскихъ татаръ развило въ нашихъ степяхъ многочисленный классъ пришлаго мусульманскаго духовенства изъ разныхъ частей Средней Азіи, которое эксплуатировало простодушныхъ киргизовъ и проповѣдывало имъ ненависть къ гяурамъ-русскимъ; и если мѣра эта не имѣла слишкомъ вредныхъ для нашихъ государственныхъ интересовъ послѣдствій, то это слѣдуетъ преимущественно отнести къ крайнему индиферентизму киргизовъ въ дѣлѣ религіи и къ кочевому ихъ быту. Также и учрежденіе пограничнаго суда, имѣвшаго цѣлію сближеніе кочевниковъ съ русскими и предоставленіе имъ скораго и правильнаго рѣшенія дѣлъ, привело къ совершенно противоположнымъ результатамъ: киргизы, у которыхъ, путемъ историческимъ, выработался свой собственный народный судъ, отказались разбирать свои дѣла въ судѣ, дѣйствовавшемъ на основаніи общихъ законовъ имперіи и несогласованномъ съ обычаями народа [2]). Этимъ отвращеніемъ къ новому суду воспользовались вліятельнѣйшіе султаны, чтобы захватить судебную власть въ свои руки и притѣснять простой народъ, что вызывало сильное раздраженіе послѣдняго противъ русской адми-

[1]) Тамъ же, стр. 276—280.

[2]) Въ 1787 году были учреждены въ Малой ордѣ еще пять низшихъ судебныхъ инстанцій, подъ именемъ «расправъ», хотя онѣ и составлены были исключительно изъ киргизовъ и, слѣдов., ближе подходили къ народнымъ обычаямъ, однако введенныя въ нихъ сложныя и непонятныя для кочевниковъ бюрократическія формальности, порученныя исполненію муллъ, повели къ такому же неудачному исходу, какой имѣлъ и пограничный судъ (Левшинъ, стр. 298).

нистраціи. Наконецъ, убѣдившись не только въ безполезности, но и во вредѣ учрежденнаго пограничнаго суда, правительство рѣшилось упразднить его въ 1799 году.

Послѣдовательно развивая свои взгляды на введеніе однообразнаго порядка управленія во всѣхъ составныхъ частяхъ имперіи, Екатерина II, основываясь на представленіи главнаго оренбургскаго начальника, барона Игельстрема, рѣшилась на важный шагъ: уничтожить въ Малой ордѣ ханское достоинство и постепенно распространить на нее дѣйствіе «Учрежденія для губерній». Эта послѣдняя мѣра была, конечно, несвоевременна почти сто лѣтъ тому назадъ, но нельзя ставить ее въ упрекъ великой императрицѣ, которая въ этомъ случаѣ дѣйствовала согласно предложенію мѣстнаго начальства и не могла лучше его знать особенности народнаго быта киргизовъ и ихъ желанія. Тѣмъ не менѣе, Игельстремъ весьма ловко принялся за подготовленіе этой реформы: помимо хана онъ созвалъ, въ 1786 году, народное киргизское собраніе, пригласивъ его установить спокойствіе въ степи, прекратить грабежи и взаимныя ссоры и исполнять всѣ требованія правительства подъ опасеніемъ строгаго наказанія. На этотъ призывъ собраніе, руководимое простымъ киргизомъ, бывшимъ до того главнымъ предводителемъ при нападеніяхъ на наши линіи, отвѣтило единогласною присягою на вѣрность Россіи и обѣщало сохранять порядокъ въ степи [1]) подъ условіемъ устраненія потомковъ Абулъ-хаира навсегда отъ ханскаго достоинства. Нурали, утратившій всякое вліяніе даже на своихъ бывшихъ приверженцевъ и угрожаемый местью народа, былъ вызванъ Игельстремомъ въ Оренбургъ, а оттуда въ Уфу, гдѣ и умеръ въ 1790 году. Степь стала управляться безъ хановъ, при посредствѣ избранныхъ въ каждомъ изъ трехъ поколѣній орды: одного главнаго и нѣсколькихъ второстепенныхъ старшинъ, утвержденныхъ правительствомъ, и все, казалось, шло какъ нельзя лучше. Къ сожалѣнію, такой порядокъ вещей продолжался недолго: родственники Нурали и вся «бѣлая кость», со страхомъ взиравшіе на наступленіе конца ихъ произволу, употребили всевозможныя усилія посѣять раздоры въ народѣ и напугать администрацію, рѣшившуюся искать опору для осуществленія своихъ видовъ въ демократичес-

---

[1]) Какъ честно отнеслись киргизы къ своему обѣщанію, видно изъ того, что въ теченіе 1786 и 1787 годовъ степь и граница наша пользовались замѣчательнымъ спокойствіемъ: усилилось сближеніе киргизовъ съ русскими; число уведенныхъ съ линій плѣнныхъ ограничилось единицами, тогда въ двухъ предшествовавшихъ годахъ оно доходило до двухъ сотъ; наконецъ, 45 тысячъ кибитокъ провели одну зиму внутри предѣловъ Россіи и возвратились обратно, ничѣмъ не нарушивъ тишины (Тамъ-же, стр. 286—290).

кихъ элементахъ Малой орды. Правительство, которое тѣмъ временемъ издало нѣсколько благодѣтельныхъ для киргизовъ постановленій и приказало даже приступить къ составленію проекта «Уложенія», основаннаго на народныхъ обычаяхъ, нравахъ и изустныхъ законоположеніяхъ,—не выдержало принятой имъ системы управленія, стало колебаться и мало-по-малу рѣшилось возвратиться къ прежнимъ порядкамъ. Случай къ тому не замедлилъ представиться: низложенный ханъ Малой орды вскорѣ скончался и ханомъ назначенъ, уже волею императрицы, старшій сынъ его Ирали.

Такъ кончилась попытка правительства Екатерины привязать къ Россіи киргизовъ посредствомъ введенія у нихъ внутренняго управленія на народныхъ началахъ,—попытка, которая стала совершившимся фактомъ лишь восемьдесятъ лѣтъ спустя.

Дальнѣйшая исторія киргизскаго народа до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда для устройства степей выработаны были новыя положенія, представляетъ длинный рядъ насильственныхъ протестовъ киргизовъ противъ ханской власти, сопровождавшихся набѣгами на наши линіи и внутренними грабежами. Отряды войскъ посылались въ степь для наказанія разбойничьихъ шаекъ, но удары ихъ сыпались, большею частью, на невиновныхъ и тѣмъ только увеличивали безпорядки. Значеніе хановъ совершенно упало, и для охраненія ихъ приходилось назначать имъ русскій конвой. Наконецъ, смуты въ Малой ордѣ дошли до того, что часть киргизовъ удалилась къ Сыръ-дарьѣ, другая ушла къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря, откуда вытѣснила туркменовъ, принявшихъ, въ концѣ 1791 года, подданство Россіи, а третья, въ числѣ 10 тысячъ кибитокъ, испросила разрѣшеніе императора Павла перейти въ русскіе предѣлы, гдѣ и образовала особую, названную впослѣдствіи именемъ ея хана, Букеевскую орду [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ внѣшнимъ сношеніямъ Россіи съ Среднею Азіею и преимущественно съ Хивой, въ царствованіе Екатерины Великой, остается сказать нѣсколько словъ о положеніи нашемъ на сѣверѣ, со стороны сибирской пограничной черты.

Послѣ смерти Аблая, ханское достоинство утверждено было русскимъ правительствомъ за сыномъ его, Вали, который, не обладая способностями своего отца, не умѣлъ расположить къ себѣ ни подвластныхъ киргизовъ ни сибирское начальство; послѣднее даже вынуждено было предпринять противъ него военную экспедицію, чтобы заставить исполнить свои требованія. Тогда Вали началъ сноситься

---

[1]) *А. Левшинъ*, ч. II, стр. 309—324.

съ Китаемъ и притѣснять преданныхъ намъ родоначальниковъ, что вызвало, въ 1795 году, прошеніе киргизовъ объ избавленіи ихъ отъ ханской власти; хотя правительство, только-что возстановившее хановъ въ Малой ордѣ, и не удовлетворило тогда этой просьбѣ, тѣмъ не менѣе притѣсняемые имъ киргизы, въ силу указа 30 сентября 1797 года, разрѣшавшаго имъ селиться внутри имперіи, перешли, какъ уже упомянуто выше, въ числѣ слишкомъ 15 тысячъ кибитокъ, на правую сторону Иртыша, занявъ все свободное отъ поселеній пространство отъ Омска до Семипалатинска. Съ 1816 года въ Средней ордѣ являются два хана, такъ какъ, въ виду неудовольствія народа на Вали, правительство утверждаетъ особаго хана для восточной части степи, а въ 1821 году на мѣсто умершаго Вали уже никто не избирается, и для Средней орды проектируется новый порядокъ управленія, сходный съ принятымъ для Западной Сибири вообще [1]).

Въ отношеніи упроченія нашей сибирской границы, вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина II повелѣла продолжить иртышскую линію и при устьѣ р. Бухтармы устроить крѣпость, чтобы препятствовать китайскимъ судамъ ходить по Иртышу; вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было начальнику всѣхъ сибирскихъ линій, генералу Шпрингеру, всѣ земли до оз. Зайсана постепенно вводить во владѣніе Россіи и посылать туда рекогносцировочные отряды, которые пріучали бы китайцевъ къ мысли, что означенное пространство составляетъ часть русскихъ владѣній. Однако, Штрингеръ дѣйствовалъ вяло, ссылаясь на разныя препятствія къ возведенію укрѣпленія на Бухтармѣ, и повелѣніе императрицы приведено было въ исполненіе лишь въ 1792 году. Тогдашній пограничный начальникъ, генералъ Штрандманъ, принялъ тогда же весьма полезную мѣру— испросилъ прощеніе бѣглымъ людямъ и старообрядцамъ, поселившимся въ горныхъ ущельяхъ по берегамъ Бухтармы, Бѣлой и Нарыма, гдѣ они занимались рыболовствомъ, хлѣбопашествомъ и охотою, и были извѣстны подъ именемъ «каменьщиковъ». Для прикрытія селеній этихъ русскихъ колонизаторовъ выдвинуты были наши пикеты вверхъ по Иртышу и по самому Нарыму до ближайшихъ китайскихъ карауловъ; устроено хорошее сухопутное сообщеніе между Усть-Каменогорскомъ и Бухтарминскою крѣпостью и пространство это заселено казаками [2]).

Такимъ образомъ, пограничная черта наша съ Среднею Азіею

---

[1]) Тамъ-же, стр. 327—331, и *Красовскій*: «Область сибирск. кирг.», ч. I. стр. 96 и 97.

[2]) Историческая записка западно-сибирск. окружнаго штаба.

получила, къ началу нынѣшняго столѣтія, видъ непрерывной вогнутой линіи крѣпостей и постовъ, постепенно заселявшейся русскимъ элементомъ и прикрывавшей Западную Сибирь съ юга, а Европейскую Россію съ востока.

Дипломатическія сношенія Россіи съ средне-азіятскими ханствами при Екатеринѣ II не отличались большимъ оживленіемъ, какъ потому, что изъ опыта прежнихъ лѣтъ убѣдились въ малой пользѣ отъ нихъ, такъ и вслѣдствіе частыхъ волненій въ степи, въ которыхъ хивинцы принимали нерѣдко дѣятельное и, къ сожалѣнію, безнаказанное участіе.

Въ 1763 году является къ русскому двору посланецъ отъ хивинскаго хана Темира гази [1]) съ просьбою о ежегодной присылкѣ, въ началѣ апрѣля и въ концѣ августа, судовъ въ мангышлакскую пристань, для провоза хивинскихъ товаровъ въ Астрахань. На эту просьбу послѣдовало согласіе, и, взамѣнъ предоставляемыхъ Хивѣ торговыхъ удобствъ, канцлеръ графъ Воронцовъ, въ письмѣ къ хану, требовалъ безопаснаго проѣзда для русскихъ купцовъ въ его владѣнія и права свободной торговли въ нихъ. Безъ сомнѣнія, требованіе это, какъ и предшествовавшія, тому подобныя, осталось мертвою буквою.

Перечислять послѣдующія посольства, пріѣзжавшія изъ Хивы въ Россію до девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтія, было-бы совершенно безполезно, такъ какъ всѣ они имѣли одинъ и тотъ же характеръ: подъ предлогомъ ходатайства объ упроченіи торговыхъ связей, посланцы, состоявшіе большею частію изъ купцовъ же и запасавшіеся, для личныхъ своихъ выгодъ, посольскими грамотами отъ хивинскихъ хановъ, являлись обдѣлывать собственныя торговыя дѣла, получать подачки отъ русскаго правительства и развѣдывать о настроеніи его въ отношеніи къ Хивѣ. Послѣдняя, сознававшая грѣхи свои передъ Россіей, не могла отрѣшиться отъ опасенія возмездія за Бековича и за вмѣшательство ея въ киргизскія смуты; опасеніе это особенно усиливалось, когда наши отряды проникали въ степь для наказанія хищниковъ; но посланцы хивинскіе, возвращаясь домой, успокоивали своихъ соотчичей на счетъ миролюбія русскаго правительства, разбойническіе инстинкты брали верхъ надъ страхомъ предъ миновавшею опасностью, и Хива, попрежнему, продолжала мутить нашихъ зауральскихъ подданныхъ и, при удобномъ случаѣ, грабить караваны.

---

[1]) Дѣло государственнаго архива 1817 г. № 6. Кто былъ этотъ ханъ и когда онъ вступилъ на ханство послѣ киргизскаго султана Каипа—положительныхъ указаній не имѣется.

Нельзя, однако, обойти молчаніемъ одно изъ такихъ хивинскихъ посольствъ въ концѣ Екатерининскаго царствованія, такъ какъ послѣдствіемъ его было отправленіе нашимъ правительствомъ въ Хиву умнаго и наблюдательнаго человѣка, оставившаго намъ интересное описаніе тогдашняго состоянія этого ханства. Посылка туда русскаго чиновника была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ 1793 году прибыли, съ купеческимъ караваномъ, въ Оренбургъ два хивинца и привезли мѣстному главному начальнику письмо отъ хивинскаго инака [1]) Эйвазъ-бека, въ которомъ послѣдній, въ знакъ дружбы, просилъ прислать изъ Россіи искуснаго глазнаго медика, для излеченія ослѣпшаго дяди своего. Императрица нашла полезнымъ не упустить этого случая для пополненія нашихъ свѣдѣній о Хивѣ и велѣла отправить туда опытнаго врача, маіора Бланкеннагеля. Можно полагать, что ему даны были и нѣкоторыя политическія порученія; по крайней мѣрѣ, судя по запискамъ Бланкеннагеля, онъ долженъ былъ сдѣлать хивинскому правительству предложеніе о заложеніи города и крѣпости на мангышлакскихъ берегахъ, для обезпеченія торговли.

Нашъ медикъ пробылъ въ Хивѣ пять мѣсяцевъ, но ни медицинскаго, ни политическаго порученія ему не удалось исполнить: дядя инака оказался совершенно слѣпымъ и потому неизлечимымъ, а подозрительность хивинцевъ, принимавшихъ Бланкеннагеля за шпіона, и ничтожное вліяніе Хивы на восточномъ берегу Каспійскаго моря, дѣлали совершенно безполезнымъ всякое соглашеніе съ ними относительно постройки крѣпости на Мангышлакѣ. Трудное, даже опасное положеніе Бланкеннагеля въ Хивѣ, изъ котораго онъ успѣлъ выйти, благодаря своему твердому и рѣшительному образу дѣйствій, не помѣшало ему собрать весьма цѣнныя данныя о состояніи управленія въ ханствѣ, его производительныхъ силахъ, торговлѣ, и объ Аму-дарьѣ; увлеченный ложными разсказами русскихъ невольниковъ о богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ рудахъ, онъ считалъ Хиву за «нѣкую Перу», сокровища которой обходились бы намъ дешевле «нежели перувіанскія для Гишпаніи», и предлагалъ овладѣть этимъ ханствомъ. Что же касается до сужденій Бланкеннагеля о характерѣ хивинцевъ, о средствахъ къ подчиненію киргизской орды, о торговлѣ нашей съ Среднею Азіею, то, по своей замѣчательной мѣткости и проницательности, они могли бы принести большую пользу тогдашнимъ государственнымъ людямъ Россіи [2]).

---

[1]) О значеніи инаковъ въ Хивѣ см. выше, въ историческомъ обзорѣ хивинскаго ханства.

[2]) «Путевыя замѣтки маіора Бланкеннагеля о Хивѣ», съ примѣчаніями В. В. Григорьева. Вѣстн. Имп. русскаго геогр. общества 1858 г., кн. 3, стр. 87—116.

Бланкеннагель безпрепятственно выѣхалъ изъ Хивы, въ мартѣ 1794 года, выкупивъ тринадцать русскихъ плѣнниковъ: вмѣстѣ съ нимъ и по его совѣту отправленъ былъ хивинскимъ ханомъ Абульгази посланецъ Эйвазъ-Мухамедъ бій, съ грамотою къ императрицѣ. Въ грамотѣ ханъ снова просилъ о присылкѣ къ нему глазнаго лѣкаря и ходатайствовалъ объ освобожденіи хивинскаго купечества отъ платы пошлинъ въ Астрахани, ссылаясь на тягость ея; взамѣнъ того, по обыкновенію, обѣщалъ исполнить всѣ требованія русскаго правительства. Представивъ ханскую грамоту, Эйвазъ-Мухамедъ, подобно одному изъ предшественниковъ его, бывшему въ Россіи въ 1754 году, заявилъ и словесную просьбу, въ которой жаловался на тяжелое иго, претерпѣваемое однородцами его, хивинскими таджиками, отъ узбековъ, и просилъ о принятіи ихъ подъ россійскую державу: если же просьба его, почему-либо, не могла бы быть уважена, то предлагалъ построить на Мангышлакѣ крѣпость, для охраненія направляющихся туда каравановъ.

Неизвѣстно, почему посланецъ этотъ нѣсколько лѣтъ оставался въ Петербургѣ въ ожиданіи отвѣта и былъ отправленъ обратно уже по кончинѣ Екатерины II, въ 1797 году. Въ грамотѣ къ хивинскому хану императоръ Павелъ I, извѣщая о вступленіи своемъ на престолъ, обнадеживалъ хана въ своемъ благоволеніи и въ томъ, что не оставлены будутъ безъ вниманія интересы подданныхъ тѣхъ сосѣднихъ съ Россіею владѣній, которыя ведутъ торговлю на ея границахъ.

На личную просьбу Эйвазъ-Мухамеда императоръ приказалъ канцлеру, графу Остерману, объявить ему словесно, что Его Величество, извѣстясь объ угнетенномъ состояніи сартовъ, весьма о томъ соболѣзнуетъ и заявленное ими желаніе быть подъ россійскою державою принимаетъ съ благоволеніемъ, «но какъ нужны къ сему разныя предварительныя свѣдѣнія и мѣры, то Его Величество, слѣдуя своему къ нимъ благорасположенію, желаетъ, чтобы они до удобнѣйшаго времени, не обнаруживая отнюдь своего намѣренія, были спокойны и начальству своему послушны, дабы иначе участь ихъ не подверглась большему отягощенію». Относительно постройки крѣпости на Мангышлакѣ сообщено посланцу, что предложеніе его принято, такъ какъ представляетъ лучшее средство достигнуть взаимной безопасности и удобства торговли и можетъ способствовать осуществленію заявленнаго его однородцами, сартами, желанія [1]).

Этимъ, сколько извѣстно, ограничились дипломатическія сноше-

---

[1]) Государственный архивъ, дѣло 1816 года, № 6.

нія наши съ Среднею Азіею въ непродолжительное царствованіе Павла I; возникавшее же неоднократно, со временъ Петра Великаго, намѣреніе правительства утвердиться на сѣверо восточномъ берегу Каспія было опять оставлено и приведено въ исполненіе лишь 36 лѣтъ спустя, не оправдавъ, однако, связанныхъ съ нимъ надеждъ на развитіе въ томъ краѣ нашей азіятской торговли.

Для полноты очерка слѣдуетъ упомянуть о замышлявшемся императоромъ Павломъ походѣ въ Индію. Мысль объ этомъ, болѣе чѣмъ рискованномъ въ то время, предпріятіи была вызвана неудовольствіемъ государя на Англію, какъ союзницу его въ войнѣ съ французскою республикою, и за виды ея на овладѣніе Мальтою и Іоническими островами. Составленъ былъ проектъ франко-русской экспедиціи въ Индію, который и былъ препровожденъ на заключеніе перваго консула при письмѣ императора Павла, предлагавшаго совмѣстно положить конецъ корыстолюбивой, эгоистической политикѣ и несправедливостямъ великобританскаго правительства. По этому проекту 35-ти тысячный корпусъ французскій долженъ былъ направиться, на судахъ, по Дунаю въ Черное море и Азовское, гдѣ высадиться въ Таганрогѣ; оттуда, переправившись черезъ Донъ, французскія войска достигли бы Царицына на Волгѣ, сѣли бы на суда и спустились бы внизъ по рѣкѣ до Астрахани; затѣмъ, заранѣе собранный торговый флотъ перевезъ бы ихъ Каспійскимъ моремъ въ Астрабадъ, гдѣ французовъ долженъ былъ ожидать заблаговременно перевезенный туда 35-ти тысячный же русскій корпусъ. Маршрутъ союзной франко-русской арміи изъ Астрабада проектированъ былъ на Гератъ, потомъ на югъ къ Ферраху и черезъ Кандахаръ къ правому берегу Инда. На исполненіе этого похода отъ береговъ Рейна къ Инду разсчитано было четыре или, самое большее, пять мѣсяцевъ. Составлены были также соображенія относительно продовольственныхъ и другихъ запасовъ и складовъ для арміи, о подарочныхъ вещахъ, празднествахъ, которыми слѣдовало вліять на умы азіятскихъ народовъ, и т. п. Наконецъ, экспедицію должны были сопровождать избранные ученые и художники, аэронавты и пиротехники.

Генералъ Бонапарте, лелѣявшій мысль потрясти могущество и богатство Англіи въ самомъ чувствительномъ для нея мѣстѣ, отнесся, однако, скептически къ такому грандіозному проекту и сдѣлалъ на него нѣкоторыя замѣчанія, которыя императоръ старался опровергнуть. Тѣмъ не менѣе, соглашенія о совмѣстномъ предпріятіи Россіи и Франціи противъ Индіи не состоялось, и Павелъ I рѣшилъ одинъ привести свою мысль въ исполненіе. Высочайшимъ

рескриптомъ отъ 12 января 1801 года, государь извѣстилъ атамана донскаго казачьяго войска, генерала Орлова 1-го, что англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войсками на Россію и ея союзниковъ — шведовъ и датчанъ, и повелѣлъ ему двинуться съ донскимъ войскомъ, черезъ Оренбургъ, Хиву и Бухару, къ р. Инду. Орлову предписывалось торговыя заведенія Англіи въ Индостанѣ раззорить, «а угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ ту же зависимость, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ» [1]).

Повелѣніе это уже начало приводиться въ исполненіе, какъ смерть императора Павла пріостановила дальнѣйшій ходъ его.

Нѣтъ надобности останавливаться на практическомъ значеніи вышеприведеннаго плана, слишкомъ мало согласовавшагося съ географическими условіями и политическимъ положеніемъ нашимъ въ Средней Азіи, когда не только Хива и Бухара не были въ вассальной отъ насъ зависимости, какъ теперь, и Россія не имѣла ни одного опорнаго пункта на южно-каспійскомъ берегу, но мы даже отдѣлены были отъ подвластной намъ киргизской орды линіями, за которыя проникали лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Предположеніе императора Павла о походѣ въ Индію приведено здѣсь только какъ историческій фактъ, интересный для насъ собственно потому, что онъ послужилъ поводомъ къ зарожденію въ Англіи того, худо скрываемаго страха предъ призракомъ нашествія русскихъ на Индію, который до сихъ поръ не перестаетъ отуманивать, въ дѣлахъ азіятской политики, даже самые лучшіе умы Великобританіи [2]).

Переходя къ обзору нашихъ отношеній къ Средней Азіи въ настоящемъ столѣтіи, когда отъ пассивнаго образа дѣйствій мы перешли къ систематическому поступательному движенію и водворенію въ занятыхъ мѣстахъ, не безполезно, въ самыхъ краткихъ

---

[1]) «Русская Старина» 1873 года, т. VIII, стр. 401—410.

[2]) Первые признаки этой боязни за Индію обнаружились послѣ Тильзитскаго мира, когда распространялись слухи о сдѣланномъ Наполеономъ I императору Александру предложеніи предпринять экспедицію противъ остъ-индскихъ владѣній англичанъ. Въ Индіи поспѣшно стали готовиться къ отраженію предполагавшагося нашествія, и въ Персію посланъ былъ сэръ Джонсъ, который и заключилъ съ нею, въ мартѣ 1809 г., договоръ: въ силу послѣдняго Персія обязывалась не допускать прохода черезъ ея владѣнія въ Индію войскамъ какой бы то ни было европейской державы. Послѣ Гюлистанскаго мира между Россіею и Персіею, Англія заключила съ послѣднею дополнительный договоръ въ 1814 году, по которому Персія, опять-таки въ предвидѣніи вооруженнаго вторженія въ Индію, должна была «побудить владѣтелей Харезма, Татаристана (Кашгаръ), Бухары и Самарканда оказывать всѣми силами сопротивленіе» проходу иностранныхъ войскъ. (*H. Rawlinson.* England and Russia in the East. Lond 1875, pp. 24—36; см. также о развитіи руссофобіи въ Англіи въ соч. *F. Trench*: The Russo-Indian question. Lond. 1869. pp. 1—31).

словахъ, подвести итоги тому, чего мы достигли въ минувшемъ вѣкѣ, со времени яко-бы добровольнаго подданства Малой киргизской орды.

Фактическая граница наша съ Среднею Азіею шла отъ устья р. Урала, по этой рѣкѣ, далѣе по Ую и ишимской или «Горькой» линіи до Омска, а оттуда вверхъ по Иртышу, упираясь, на востокѣ, къ систему Алтайскихъ горъ; за этой границей у насъ была другая, но уже фиктивная, направленіе которой мы и сами не знали, потому что она обусловливалась кочевьями считавшихся русскими подданными киргизовъ. По мѣрѣ устройства нашихъ пограничныхъ линій, мы ихъ заселяли и застраивали, и это заселеніе шло довольно успѣшно, въ особенности въ Западной Сибири, гдѣ тому способствовали болѣе благопріятныя свойства мѣстности. Но на дѣлѣ оказалось, что мы проводили эти линіи столько же въ обезпеченіе нашихъ внутреннихъ областей отъ набѣговъ киргизовъ, сколько и въ видѣ преграды для нашихъ собственныхъ движеній въ подвѣдомственную намъ степь. По крайней мѣрѣ первые тридцать лѣтъ со времени присяги Абулъ-хаира на подданство, мы ревниво наблюдали, чтобы ни одинъ вооруженный солдатъ не переходилъ за пограничную черту, и лишь впослѣдствіи рѣшились нарушить ея неприкосновенность высылкою отрядовъ для наказанія хищниковъ. Представленная выше система отношеній русскаго правительства къ киргизской ордѣ не только препятствовала упроченію въ ней нашей власти, но и возбуждала нерасположеніе къ намъ народа, относившаго всѣ притѣсненія хановъ на долю поддерживавшей ихъ русской администраціи. Попытка вмѣшательства нашего во внутреннія дѣла киргизовъ, исходившая изъ вѣрнаго, по принципу взгляда, оказалась неуспѣшною на практикѣ, вслѣдствіе невѣрнаго пониманія общественнаго быта и обычаевъ киргизовъ. Все это, вмѣстѣ съ частою перемѣною главныхъ начальниковъ края и колебаніями въ принятіи какой либо опредѣленной системы управленія, усиливало въ степи интриги и борьбу партій, сопровождавшіяся грабежами и безпорядками. Насколько страдала отъ такого положенія дѣлъ наша средне-азіятская торговля, начинавшая уже принимать почтенные размѣры, можно судить по тому факту, что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ начала нынѣшняго столѣтія, двумя только болѣе извѣстными киргизскими разбойниками ограблено азіятскихъ каравановъ на сумму слишкомъ въ 1,200,000 рублей [1]).

Ближайшіе сосѣди Малой орды, хивинцы, какъ нельзя лучше

---

[1]) *Л. Мейеръ*, стр. 34.

пользовались неспокойнымъ состоянiемъ степи и, вмѣшиваясь въ волновавшiе ее внутреннiе раздоры, также грабили какъ наши, такъ и бухарскiе торговые караваны. Можно даже думать, что эта легкость и безнаказанность грабежей именно и вызывала частую отправку къ намъ хивинскихъ посольствъ съ просьбами „объ усиленiи торговыхъ сношенiй“; благодаря только имъ, этотъ разбойничiй народъ, по выраженiю Бланкеннагеля «чувствованiями чести никогда не обременявшiй своей души», получалъ возможность легко и дешево наживаться чужимъ имуществомъ, пользуясь въ этомъ дѣлѣ содѣйствiемъ подстрекаемыхъ хивинскими ханами киргизовъ.

Бухара, которая, по своему географическому положенiю, не прикасалась въ то время къ нашимъ границамъ и вообще отличалась промышленнымъ характеромъ своего населенiя, особенно дорожила мирными торговыми сношенiями съ Россiею и составляла важнѣйшiй средне-азiятскiй рынокъ для сбыта нашихъ произведенiй. Бухарскiе караваны въ значительномъ числѣ направлялись въ Оренбургъ и Троицкъ, но проходя черезъ киргизскую степь, въ особенности въ той части ея, которая поддавалась влiянiю Хивы, много терпѣли отъ частыхъ хищническихъ нападенiй обстоятельство заставило бухарцевъ искать болѣе безопаснаго для торговли пути и, въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, часть каравановъ ихъ стала направляться къ нашей сибирской границѣ, гдѣ гор. Петропавловскъ занималъ уже видное мѣсто въ торговыхъ оборотахъ съ киргизами, Ташкентомъ и Коканомъ.

Правительство наше, озабочиваясь улучшенiемъ торговыхъ сношенiй съ Бухарой, служившей не только потребителемъ русскихъ издѣлiй, но и проводникомъ ихъ на рынки мелкихъ ханствъ аму-дарьинскаго бассейна, Афганистана и сѣверо-западной Индiи— имѣло въ виду изыскать болѣе надежный путь для торговаго движенiя между оренбургскою линiею и Бухарою. Съ этою цѣлью, по состоявшемуся въ 1802 году Высочайшему повелѣнiю, снаряжено было посольство въ Бухару, подъ начальствомъ поручика Гавердовскаго, съ которымъ командированы были два колонновожатыхъ, докторъ и вооруженный конвой. Гавердовскiй отправился въ путь лишь въ половинѣ 1803 года; но посольство его кончилось неудачно, далеко не достигнувъ бухарскихъ предѣловъ. Подходя къ Сыръ-дарьѣ получено было свѣдѣнiе о сборѣ близъ нея значительныхъ хивинскихъ и киргизскихъ шаекъ, почему Гавердовскiй не рѣшился идти къ переправѣ черезъ рѣку и повернулъ обратно; тѣмъ не менѣе, онъ былъ настигнутъ разбойниками и, послѣ упорной защиты, едва успѣлъ спастись съ нѣсколькими

лицами, потерявъ при этомъ свою жену, доктора и большую часть конвоя, оставшихся въ рукахъ киргизовъ [1]).

Съ переходомъ ханской власти въ Хивѣ въ руки инаковъ кунградскаго рода [2]), новые хивинскіе владыки дѣятельно стремятся подчинить своему вліянію не только киргизовъ Малой орды, кочевавшихъ близь Аральскаго моря и по нижнему теченію р. Сыра, но и туркменовъ, обитавшихъ на восточномъ прибрежьѣ Каспія. Послѣдніе, управлявшіеся съ 1775 года внукомъ Абулъ-хаира, ханомъ Пирали, считались русскими подданными, но на дѣлѣ были совершенно независимыми; въ 1800 же году Пирали, опасаясь властолюбивыхъ стремленій хивинскаго хана и соблазняемый, вѣроятно, надеждою на хорошіе подарки, подалъ новое прошеніе о принятіи его съ народомъ въ подданство Россіи, на что и получилъ согласіе [3]). Ханъ и депутаты отъ всѣхъ туркменскихъ отдѣленій явились затѣмъ въ Оренбургъ, гдѣ присягнули на вѣрноподданство, а въ 1803 году старшины и батыри туркменскаго народа представили просьбу о дозволеніи русскому купечеству торговать съ ними на Каспійскомъ морѣ «въ трехъ мѣстахъ, назначенныхъ Петромъ Великимъ», гдѣ и построить для туркменовъ мечети [4]). Объ этихъ трехъ мѣстахъ велѣно было собрать необходимыя свѣдѣнія, и въ 1805 году отправленъ былъ инженеръ для осмотра Тюнъ-Караганскаго мыса и устья р. Эмбы, въ предположеніи построить въ обоихъ этихъ пунктахъ укрѣпленія. Намѣреніе это, однако, не было приведено въ исполненіе, такъ какъ главнокомандовавшій на Кавказѣ, графъ Гудовичъ, находилъ неудобнымъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, вступаться въ туркменскія дѣла, тѣмъ болѣе, что, кромѣ денежныхъ затратъ, постройка укрѣпленій на сѣверо-восточномъ Каспійскомъ берегу требовала бы отдѣленія отъ кавказской арміи извѣстнаго количества войскъ [5]).

Войны Россіи съ Персіей въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій обратили вниманіе правительства и на туркменовъ-ямудовъ, занимавшихъ своими кочевьями земли по рр. Атреку и Гюргеню, на юго-восточномъ прибрежьѣ Каспійскаго моря. Туркмены эти особенно терпѣли отъ притѣсненій персидскихъ владѣтелей, и потому, пользуясь отвлеченіемъ большей части силъ Персіи для войны съ Россіей, производили страшныя опустошенія

---

[1]) *Bar. G. Meyendorff*, «Voyage d'Orenbourg à Boukhara». Paris, pp. 5 et 6, и *Я. Ханыковъ* «Поясн. Зап.» (Зап. Геогр. Общ. 1851 г., кн. V, стр. 327.

[2]) См. выше. въ историч. обзорѣ хивинскаго ханства.

[3]) Высочайшая грамота 9 мая 1802 г.

[4]) Государств. архивъ мин. иностр. дѣлъ. Дѣло № 5 (1802—1803 гг.

[5]) Арх. М. И. Д. Дѣло № 1 (1798—1810 г.) и № 4 (1801—1804) по различнымъ прошеніямъ туркменцевъ.

въ сосѣднихъ персидскихъ областяхъ. Въ 1813 году главнокомандующій въ Грузіи, генералъ Ртищевъ, посылалъ къ туркменамъ-іумудамъ астраханскаго армянина Ивана Петрова развѣдать: дѣйствительно ли они отложились отъ Персіи и предложить имъ помощь со стороны Россіи. Петровъ удачно исполнилъ свое порученіе и вернулся съ письмомъ отъ главнаго предводителя туркменовъ, хаджи Сеидъ-Мухамедъ-Юсуфа [1]) и тремя депутатами. Сеидъ-Мухамедъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на народъ, въ письмѣ на Высочайшее имя, сообщалъ, что имъ уже раззорена значительная часть Астрабадской провинціи и просилъ, для совмѣстнаго дѣйствія, послать русскія войска къ Астрабаду. Письмо это и туркменскіе депутаты прибыли къ Ртищеву въ то время, когда въ его лагерѣ находился персидскій уполномоченный для веденія мирныхъ переговоровъ, а потому главнокомандующій, обласкавъ депутатовъ и обнадеживъ ихъ покровительствомъ Россіи, объявилъ имъ, однако, что, въ случаѣ заключенія мира съ Персіею, онъ не можетъ оказать имъ помощи противъ этой державы. Вѣсть о прибытіи въ русскій лагерь туркменскихъ депутатовъ и о намѣреніи Ртищева, при безуспѣшности мирныхъ переговоровъ, произвести десантъ н туркменскій берегъ, заставила персидскаго уполномоченнаго быть уступчивѣе и поспѣшить заключеніемъ мира, который вскорѣ и былъ подписанъ въ Гюлистанѣ [2]). Туркмены, недовольные такимъ исходомъ дѣла, должны были на время прекратить враждебныя дѣйствія противъ персіянъ, а часть ихъ, во избѣжаніе притѣсненій отъ послѣднихъ, перешла на сѣверъ, въ окрестности Балханскаго залива.

Мангышлакскіе же туркмены, не добившись построенія у нихъ русскаго укрѣпленія, для огражденія отъ нападеній киргизовъ, постепенно подчинились вліянію Хивы и стали къ намъ во враждебныя отношенія.

Въ 1819 году, новый главнокомандующій на Кавказѣ, извѣстный Ермоловъ, призналъ полезнымъ возобновить сношенія съ прикаспійскими туркменами, въ видахъ направленія чрезъ ихъ земли торговаго движенія на Хиву и Бухару къ сѣверной Индіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полагалъ устроить на юго-восточномъ берегу Каспія

[1]) Сеидъ-Мухамедъ есть, безъ сомнѣнія, тотъ самый глава туркменовъ, который упоминается Муравьевымъ въ его «Путешествіи въ Туркменію и въ Хиву», подъ именемъ *Султанъ-хана*, само-по-себѣ не опредѣляющимъ лица, къ которому оно относится. Армянинъ Петровъ названъ у Муравьева, по фамиліи, Муратовымъ; онъ же вѣроятно, сопровождавшій Муравьева въ Хиву, называется имъ далѣе по отчеству—Петровичемъ.

[2]) Архивъ М. И. Д.; дѣло № 7 (1805–1813 г.): о возстаніи туркменцевъ противъ Персіи и пр.

гавань и заведеніе для склада товаровъ. Правительство, занимавшееся въ то время «изысканіемъ способовъ къ улучшенію политическихъ и торговыхъ сношеній нашихъ съ Среднею и верхнею Азіею», предоставило генералу Ермолову снарядить двѣ экспедиціи: одну—для изслѣдованія восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и установленія сношеній съ туркменами, другую—съ цѣлью войти въ соглашеніе съ хивинскимъ ханомъ относительно направленія каравановъ въ Астрахань не на Мангышлакъ, гдѣ они подвергались, во время слѣдованія, грабежамъ киргизовъ, а къ другому пункту, который предполагалось избрать южнѣе, въ видахъ сокращенія и безопасности караваннаго пути.

Порученіе къ туркменамъ возложено было на маіора Пономарева, а посольство въ Хиву—на генеральнаго штаба капитана Н. Муравьева 4-го (впослѣдствіи генералъ-адьютанта, извѣстнаго подъ именемъ Карскаго. Оба офицера отправились вмѣстѣ къ туркменскимъ берегамъ, въ теченіе лѣта 1819 года осмотрѣли ихъ на пространствѣ отъ р. Гюргеня до Балханскаго залива и пришли къ заключенію, что лучшимъ мѣстомъ для устройства торговой факторіи и укрѣпленія могъ бы служить пунктъ на берегу Красноводскаго залива. Сношенія же съ туркменами привели къ тому, что на совѣтѣ старшинъ атрекскихъ и гюргенскихъ отдѣленій, а также ауловъ, кочевавшихъ у Балханскаго залива, было постановлено: «быть на все согласны, что русскіе намѣрены предпринять, и ни въ чемъ съ ихъ стороны намъ (туркменамъ) не чинить препятствій». Тутъ же выбраны были депутаты, снабженные довѣренностью, для отправленія къ генералу Ермолову [1]).

Муравьевъ, въ сопровожденіи переводчика, деньщика и нанятыхъ имъ 4-хъ проводниковъ-туркменовъ, пустился въ путь къ Хивѣ 19 сентября 1819 г., съ караваномъ, шедшимъ туда же для закупки хлѣба, и 6-го октября былъ остановленъ, по приказанію хана, въ крѣпостцѣ Иль-гельды. Здѣсь нашъ посолъ содержался болѣе полутора мѣсяца подъ строгимъ, стѣснительнымъ надзоромъ, такъ какъ ханъ, напуганный разными нелѣпыми слухами о цѣли прибытія Муравьева, не зналъ, на что рѣшиться; одно время предполагалось даже лишить его жизни; однако этотъ злой умыселъ былъ вскорѣ оставленъ изъ боязни возмездія. Наконецъ, когда Муравьевъ намѣревался уже тайно бѣжать изъ мѣста своего заточенія, Муха-

---

[1]) Дѣло Азіятскаго Д-та Мин. И. Д. $\frac{\text{№ 55}}{\text{1819 г.}}$ отд. 1: «Объ открытіи сношеній съ туркменами и объ отправленіи двухъ экспедицій къ восточ. берегамъ Каспійскаго моря».

медъ-Рахимъ-ханъ потребовалъ его въ Хиву, и 20 ноября посолъ представился хану. Послѣдній выразилъ желаніе утвердить дружественныя отношенія къ Россіи, но не согласился на предложеніе Муравьева—направлять караваны къ Красноводскому заливу, объяснивъ, что хотя путь на Мангышлакъ и длиннѣе, но за то тамъ кочуютъ преданные Хивѣ туркмены, тогда какъ по дорогѣ въ Красноводскъ хивинскіе караваны будутъ подвергаться нападенію со стороны яумудовъ, большею частью признающихъ власть каджаровъ (царствующей въ Персіи династіи). Этимъ и ограничились переговоры съ ханомъ, и 21-го ноября Муравьевъ выѣхалъ изъ Хивы въ обратный путь, въ сопровожденіи присоединившихся потомъ къ нему двухъ хивинскихъ посланцевъ [1]). По возвращеніи Муравьева на Кавказъ, прибывшіе съ нимъ хивинскіе посланцы и два туркменскихъ депутата представлены были главнокомандующему; задача первыхъ состояла исключительно въ передачѣ генералу Ермолову отвѣтнаго письма Мухамедъ-Рахима, а послѣдніе подтвердили принятое ихъ соплеменниками рѣшеніе поступить подъ покровительство Россіи.

Посольство Муравьева въ Хиву оказалось такимъ же безцѣльнымъ, въ смыслѣ упроченія нашихъ торговыхъ сношеній, какъ и всѣ предшествовавшія ему попытки подобнаго рода; прибавимъ тутъ же—какъ и всѣ послѣдующія. По поводу же заявленія туркменовъ, Ермоловъ находилъ необходимымъ поспѣшить устройствомъ крѣпостцы въ Балханскомъ заливѣ, считая эту мѣру полезною не только въ видахъ обезпеченія торговли съ Среднею Азіею, но и на случай войны съ Персіею, а также для завоеванія Хивы и Бухары. На счетъ послѣдняго предположенія знаменитый главнокомандующій выражался довольно уклончиво, не надѣясь, вѣроятно, встрѣтить сочувствіе его взглядамъ со стороны правительства, избѣгавшаго, невызываемаго крайностью, расширенія нашихъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, мысль объ овладѣніи Хивой и Бухарой Ермоловъ признавалъ «странною», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ ее легко осуществимою, и главнѣйшую выгоду отъ обладанія этими двумя ханствами видѣлъ въ возможности установить прямыя сношенія между Россіею и Сѣверною Индіею. (Отношеніе генер. Ермолова къ вице-канцлеру отъ 21 апрѣля 1820 г.) [2]).

Согласно Высочайше утвержденному журналу Азіятскаго Коми-

---

[1]) *Н. Муравьевъ.* Путешествіе въ Туркменію и Хиву. Москва, 1822, ч. I, стр. 55—179.

[2]) Дѣло Азіят. Д-та $\frac{\text{№ 55}}{\text{1819 г.}}$

тета 29 іюня 1820 года, Ермолову предложено было: объявить депутатамъ туркменскаго народа, что Государь Императоръ соизволяетъ на утвержденіе постоянныхъ дружественныхъ и торговыхъ съ нимъ сношеній, подобно тѣмъ, какія существуютъ съ прочими независимыми народами; для избранія же наилучшаго мѣста подъ устройство укрѣпленія, снарядить вторую морскую экспедицію, съ цѣлію подробнаго осмотра восточнаго берега Каспійскаго моря и въ особенности Киндерлинскаго и Красноводскаго заливовъ. Экспедиція эта была ввѣрена полковнику Муравьеву, который, въ теченіи навигаціи 1821 года, осмотрѣлъ и снялъ инструментально Балханскій заливъ съ островами и Красноводскою косою и посѣтилъ Балханскія горы; Киндерлинскій заливъ не могъ быть изслѣдованъ имъ, вслѣдствіе развившейся между людьми экипажа болѣзни. Мѣсто для укрѣпленія выбрано было Муравьевымъ, по прежнему, на Красноводской косѣ, гдѣ, по близости, имѣлась и удобная гавань [1]); но такъ-какъ вода въ этомъ пунктѣ оказывалась «не лучшаго качества», то, изъ опасенія вреднаго вліянія ея на здоровье войскъ гарнизона въ проектированномъ укрѣпленіи, предположеніе о постройкѣ его въ Красноводскомъ заливѣ было оставлено.

Не останавливаясь на посольствѣ въ Хиву чиновника Бекчурина, ѣздившаго туда изъ Оренбурга вслѣдъ за Муравьевымъ, такъ какъ оно не имѣло никакого значенія, упомянемъ здѣсь о миссіи статскаго совѣтника Негри въ Бухару, интересной, между прочимъ, потому, что ее сопровождалъ, въ видѣ конвоя, военный отрядъ до самой столицы ханства. Миссія эта отправлена была въ 1820 году, по просьбѣ бухарскаго «эмира» [2]) Хайдера, желавшаго видѣть у себя русское посольство, и въ составѣ ея находились три офицера генеральнаго штаба, въ томъ числѣ баронъ Мейендорфъ, оставившій описаніе путешествія и бухарскаго ханства. Посольство выступило изъ Оренбурга 10-го октября, подъ прикрытіемъ отряда изъ пѣхоты и казаковъ, при двухъ орудіяхъ, всего 530 чел., и благополучно достигло Бухары во второй половинѣ декабря. Результатомъ этой миссіи было разрѣшеніе эмира направлять въ его владѣнія караваны подъ вооруженною охраною, для защиты отъ киргизовъ и въ особенности хивинцевъ, и съемка всего пути съ астрономическимъ опредѣленіемъ широты нѣсколькихъ пунктовъ. Пробывъ три мѣсяца въ Бухарѣ, гдѣ членамъ посольства удалось со-

---

[1]) Дѣло Азіат. Д-та $\frac{\text{№ 55}}{\text{1819 г.}}$

[2]) Титулъ эмира или повелителя правовѣрныхъ впервые присвоилъ себѣ основатель нынѣ властвующей въ Бухарѣ мангытской династіи, Шахъ-Мурадъ, извѣстный также подъ именемъ Маасума-газы (1785,6—1801 г.).

брать много важныхъ свѣдѣній о состояніи страны и ея населеніи, оно возвратилось въ Россію въ маѣ 1821 года [1]).

Этимъ актомъ завершились наши дипломатическія сношенія съ средне-азіятскими ханствами при императорѣ Александрѣ I. Выиграли мы отъ нихъ немного, чтобы не сказать—ничего: не говоря уже о Хивѣ, которая, со времени печальной участи Бековича и его отряда, встрѣчала всѣ наши посольства съ затаенною злобою и нескрываемою подозрительностью, даже Бухара, дѣйствительно искавшая развитія торговыхъ оборотовъ съ Россіею, не могла вполнѣ отрѣшиться отъ присущаго полудикимъ правительствамъ недовѣрія къ мирнымъ цѣлямъ нашихъ сношеній съ нею: такъ, напримѣръ, отправленный г. Негри нарочный съ бумагами въ министерство иностранныхъ дѣлъ, былъ на пути остановленъ бухарскими властями, которыя не поцеремонились вскрыть пакеты, приглашенной самимъ эмиромъ, русской миссіи. Очевидно, такое настроеніе нашихъ азіятскихъ сосѣдей не могло не вселить въ правительствѣ убѣжденія въ безполезности частой отправки къ нимъ оффиціальныхъ агентовъ, и въ послѣдующія двадцать лѣтъ отношенія къ Хивѣ и Бухарѣ съ нашей стороны поддерживаются только торговыми караванами, да рѣдкими поѣздками туда частныхъ лицъ.

Начало нынѣшняго столѣтія не внесло никакой существенной перемѣны въ положеніи дѣлъ Малой киргизской орды: то же безсиліе ханской власти и вооруженныя проявленія неудовольствія со стороны киргизскихъ батырей, пользовавшихся сочувствіемъ народа; тѣ же грабежи и разбои, отъ которыхъ страдала торговля; наконецъ, тѣ же нерѣшительныя дѣйствія администраціи и неудачныя попытки вмѣшательства ея во внутреннія дѣла киргизовъ, въ надеждѣ положить конецъ бѣдственному порядку вещей. Между тѣмъ расходы правительства по управленію ордою все возрастали, такъ какъ, кромѣ содержанія хану, производилось жалованье и назначались подарки разнымъ султанамъ и вліятельнѣйшимъ родоначальникамъ, преданность которыхъ Россіи оставалась, по-прежнему, болѣе чѣмъ сомнительною; доходовъ же съ подвластныхъ намъ киргизовъ вовсе не получалось. Чтобы нѣсколько вознаградить свои затраты, правительство установило небольшую плату съ каждой головы скота, взимавшуюся при пропускѣ его черезъ линію на

[1]) *Bar. Meyendorff.* Voyage d'Orenbourg à Boukhara. Paris, 1826; Записки Геогр. Общ. 1851 г. V, стр. 328 и 329; *Л. Мейеръ:* Киргизская степь оренбург. вѣдом. стр. 38. Мейендорфъ упоминаетъ, что конвой миссіи состоялъ всего изъ 200 пѣхотинцевъ, 200 казаковъ и 25 башкировъ, не считая артиллеристовъ. Цифра же конвоя въ 530 ч. взята у Мейера, пользовавшагося оффиціальными документами оренбур. архива, а потому должна быть признана болѣе достовѣрною.

зимовку, но мѣра эта, конечно, имѣла самое ничтожное значеніе въ смыслѣ финансовомъ. Цифра расходовъ особенно увеличилась вслѣдствіе частой посылки отрядовъ въ степь для наказанія за грабежи и охраненія торговыхъ каравановъ, которымъ, въ особенно смутные періоды междоусобій, положительно не было прохода, какъ отъ киргизскихъ, такъ и отъ хивинскихъ шаекъ. Въ 1819 году хивинскій ханъ, пользуясь безпорядками между нашими киргизами, распространилъ свое вліяніе на роды, кочевавшіе по Сыръ-дарьѣ, поставилъ надъ ними своего хана изъ подданныхъ намъ султановъ и высылалъ сборщиковъ податей для взиманія съ нихъ зякета; а въ февралѣ слѣдующаго года Мухамедъ-Рахимъ напалъ, съ 10-ти тысячнымъ скопищемъ, на киргизовъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей степи, преданнаго Россіи султана Арунгази и нанесъ имъ громаднѣйшій уронъ, раззоривъ до двухъ тысячъ ауловъ [1]. Въ это же время увозъ людей въ плѣнъ и убійства на линіи приняли ужасающіе размѣры, и усилились разбои на Каспійскомъ морѣ, гдѣ адаевцами захваченъ въ плѣнъ самъ приставъ Эмбенскихъ водъ съ вооруженною шлюпкою [2]. Высылка отрядовъ въ степь, иногда весьма значительнаго состава, мало способствовала возстановленію порядка и нерѣдко вела только къ еще большему раззоренію киргизовъ. Попытка отправленія торговыхъ каравановъ подъ военнымъ прикрытіемъ въ Бухару,—на что, какъ уже упомянуто выше, получено было миссіею Негри согласіе эмира Хайдера,—кончилась на первыхъ же порахъ полнѣйшею неудачею. Зимою 1824 года выступилъ изъ Оренбурга большой караванъ, подъ конвоемъ отряда изъ 625 чел., при двухъ орудіяхъ; начальникомъ его былъ полковникъ Ціолковскій. Благополучно прослѣдовавъ черезъ Сыръ и Яны-дарьи, караванъ былъ атакованъ въ кызылъкумскихъ пескахъ многочисленными шайками хивинцевъ и киргизовъ, отбивался отъ нихъ въ теченіи 15 дней и, наконецъ, оставивъ на мѣстѣ большую часть товаровъ, долженъ былъ вернуться обратно [3].

Такимъ образомъ, не взирая на частое появленіе нашихъ войскъ среди киргизовъ, русская власть не сдѣлала никакихъ успѣховъ въ Малой ордѣ въ теченіе первой четверти настоящаго столѣтія; правда, въ 1810 году мы заняли мѣстность между рр. Илекомъ и

---

[1]) Государ. архивъ. Дѣло I—13 $\frac{№ 4}{1817-1830 г.}$ При этомъ набѣгѣ хивинцевъ убито и увезено въ плѣнъ много людей и отбито у киргизовъ слишкомъ 78,000 головъ скота.

[2]) *Мейеръ*, loc. c., стр. 41 и 42.

[3]) Караванъ-записки *Кайдалова* и *Л. Мейеръ*, стр. 43 и 44.

Бердянкой, начали возводить тамъ форпосты и заселять ее русскимъ элементомъ, но въ смыслѣ подчиненія намъ киргизовъ мѣра эта не имѣла значенія. Оренбургское начальство долго еще продолжало держаться «пограничной системы» и не рѣшалось перенести въ глубь степи своихъ непосредственныхъ органовъ управленія, хотя бы въ томъ видѣ, какъ это принято было для Средней орды, на основаніи «устава о сибирскихъ киргизахъ». Однако, назначенный, въ 1817 году, оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ генералъ Эссенъ ясно видѣлъ, что никакія мѣры правительства не приведутъ къ успокоенію степи, пока будетъ существовать ненавидимая народомъ ханская власть. Послѣ долгихъ колебаній, Эссену дозволено было, наконецъ, въ 1824 году, устранить хана Ширгази и замѣнить его другими лицами: ханское достоинство, этимъ самымъ, было упразднено, и Малая орда получила новое устройство. Вся степь киргизовъ оренбургскаго вѣдомства была раздѣлена географически на три части и каждая ввѣрена управленію особыхъ старшихъ султановъ, впослѣдствіи переименованныхъ въ султаны-правители, которымъ назначено жалованье и приданъ отрядъ изъ 200 казаковъ для наказанія киргизовъ за грабежи. Преобразованіе это, однако, выразилось преимущественно съ формальной стороны дѣла, не коснувшись сущности системы управленія киргизами: взамѣнъ упраздненнаго хана явились въ степи трое султановъ-правителей, т. е. такихъ же хановъ, которые, пользуясь административною властью, подкрѣпляемою русскою вооруженною силою, безконтрольно притѣсняли и обирали народъ; султаны по-прежнему назначались правительствомъ, исключительно изъ киргизской аристократіи, безъ всякаго участія во внутреннемъ управленіи ордою вліятельнѣйшихъ представителей черной кости; какъ русскіе чиновники, султаны должны были исполнять безпрекословно всѣ требованія администраціи, весьма часто не согласовавшіяся съ нуждами и складомъ киргизскаго быта, чѣмъ, конечно, вселили къ себѣ ненависть народа; и послѣдняя вскорѣ приняла такіе размѣры, что султаны—правители не смѣли показываться въ степи иначе, какъ подъ прикрытіемъ казачьяго конвоя или военныхъ отрядовъ, и большею частью «маячили около линіи». Знакомство наше съ характеромъ и обычаями киргизовъ сдѣлало, какъ видно, мало успѣховъ въ столѣтній періодъ владѣнія Малой ордою; мы какъ-бы нарочно отстранялись отъ нашихъ подданныхъ кочевниковъ, смотрѣли на нихъ какъ на чужестранцевъ, и потому-то центральное управленіе всѣми киргизами въ Петербургѣ вѣдалось, почти до 60-хъ годовъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Злоупотребленія султановъ-правителей, зачастую ложно прикрывавшіяся

будто-бы распоряженіями оренбургской администраціи, бросали незаслуженную тѣнь на русское имя и порождали волненія въ степи. Плоды такой системы, давно уже осужденной опытомъ, но, къ сожалѣнію, продержавшейся безъ малаго полтора вѣка, долго и тяжело отзывались на благосостояніи Малой орды и прилинейныхъ русскихъ жителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ давали поводъ Хивѣ къ частому вмѣшательству въ дѣла нашихъ ордынцевъ и покровительству враждебныхъ Россіи киргизскихъ старшинъ.

Совершенно иначе шли дѣла въ Средней ордѣ, подчиненной главному завѣдыванію сибирской администраціи. Мы видѣли, что и тамъ, до 1820-хъ годовъ, придерживались такого же взгляда на управленіе степью, какъ и въ Оренбургѣ; и если эта система не имѣла для Средней орды тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какими она отражалась на оренбургскихъ киргизахъ, то причина тому заключалась, главнымъ образомъ, въ географическомъ положеніи среднеордынской степи, менѣе подвергавшейся внѣшнимъ враждебнымъ вліяніямъ, а также въ болѣе осторожныхъ дѣйствіяхъ русскаго начальства, воздерживавшагося отъ безусловной поддержки ханской власти въ ея эгоистическихъ и корыстолюбивыхъ стремленіяхъ. Оттого и киргизское населеніе Средней орды смотрѣло болѣе довѣрчиво на нашу администрацію, неоднократно обращаясь къ ней съ просьбами о принятіи его, цѣлыми массами, въ непосредственное завѣдываніе русскаго правительства [1]).

Вступленіе въ управленіе Сибирью знаменитаго Сперанскаго повело за собою важныя перемѣны въ устройствѣ Средней орды. Этотъ государственный человѣкъ рѣшился на мѣру, которая, въ то время, въ глазахъ большинства, должна была показаться слишкомъ смѣлою: выработавъ для Сибири особое положеніе объ управленіи ею, онъ призналъ возможнымъ распространить и на степь общія сибирскія учрежденія, примѣняясь къ условіямъ жизни киргизовъ. Въ 1822 году Высочайше утвержденъ Уставъ о сибирскихъ киргизахъ и съ этого времени начинается постепенное введеніе между кочевниками Средней, а потомъ и Большой ордъ русскаго законодательства, въ отношеніи администраціи и суда, по возможности согласованнаго съ бытомъ народа.

Все населеніе сибирской киргизской степи раздѣлено на округа, управляемые «приказами» — коллегіальными учрежденіями, подъ предсѣдательствомъ старшихъ султановъ, и въ число членовъ которыхъ входили русскіе чиновники; округи составлены изъ волостей,

[1]) Такъ, напримѣръ, еще въ 1795 г. такая просьба заявлена была слишкомъ 120 тысячами киргизовъ Средней орды. См. *А. Левшинъ*, loc. c., стр. 328, ч. II.

которыя, въ свою очередь, подраздѣлены на аулы. Назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ изъ киргизовъ, какъ въ приказахъ, такъ и въ подчиненныхъ мѣстныхъ управленіяхъ, предоставлено народному выбору. Высшее завѣдываніе степи, подъ главнымъ руководствомъ генералъ-губернатора, сосредоточено было въ омскомъ областномъ правленіи, существовавшемъ до 1838 года, когда омская область была упразднена и для управленія сибирскими киргизами образовано въ Омскѣ же пограничное управленіе [1]).

Реформа Сперанскаго имѣла, конечно, свои недостатки, какъ напримѣръ: двойственность въ управленіи киргизами и поселенными рядомъ съ ними казаками; неотдѣленіе администраціи отъ суда; неудовлетворительность системы выборовъ киргизскихъ должностныхъ лицъ и необезпеченіе ихъ соразмѣрнымъ содержаніемъ, что̀ давало поводъ къ злоупотребленіямъ, и пр. Тѣмъ не менѣе, заслуга ея неоспорима уже потому, что административные пункты управленія киргизами перенесены вглубь степи, а не оставались на ея окраинахъ, какъ въ Малой ордѣ, и, главное, кочевники получили право участія въ выборѣ своихъ правителей, чѣмъ положено основаніе дѣйствительному ослабленію родоваго начала [2]).

Введеніе въ дѣйствіе устава о сибирскихъ киргизахъ началось съ 1824 года постепеннымъ открытіемъ окружныхъ приказовъ въ тѣхъ волостяхъ, которыя, присягнувъ на подданство, будутъ особенно просить покровительства Россіи; а въ 1839 году новое устройство степи охватило уже всю Среднюю орду, съ небольшею частью Большой, перекочевавшей въ наши предѣлы. которые въ это время распространились до подножья Семирѣченскаго Алатау.

Одновременно съ устройствомъ окружныхъ приказовъ, началось и заселеніе нѣкоторыхъ пунктовъ киргизской степи казаками съ линій и крестьянами изъ внутреннихъ и сибирскихъ губерній, зачисленными въ казачье сословіе. Мѣра эта принесла весьма благодѣтельные результаты, вдвинувъ значительный русскій элементъ въ среду кочевниковъ, и тѣмъ во многомъ способствовала какъ развитію гражданственности между сибирскими киргизами, такъ и сближенію ихъ съ господствующимъ въ государствѣ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вокругъ приказовъ стали возникать русскія поселенія, мало-по-малу обратившіяся въ города, какъ Акмолинскъ, Капалъ и др., составившіе центры мѣстной торговой дѣятельности, къ которымъ охотно стекались киргизы, довольные тѣмъ, что имъ не прихо-

---

[1]) *Красовскій:* «Область Сибир. киргизовъ», 1868 года, ч. III, стр. 151—184.
[2]) Объяснительная записка Степной Коммисіи къ проекту управленія въ киргизскихъ степяхъ 1868 года.

дилось уже прикочевывать къ отдаленной линіи для пріобрѣтенія необходимыхъ имъ предметовъ.

Прилинейные сибирскіе киргизы были обложены, еще съ 1800 года, «ясачнымъ сборомъ», т. е. однопроцентною податью со скота (кромѣ верблюдовъ), перепускаемаго черезъ линію; съ введеніемъ же устава о сибирскихъ киргизахъ, сборъ этотъ распространенъ на все кочевое населеніе, принявшее новое устройство; причемъ ясакъ дозволено вносить и деньгами, по довольно низкой оцѣнкѣ. Для опредѣленія количества этого сбора, производилось каждые три года исчисленіе скота по волостямъ, и полученное число его принималось за норму для взиманія подати на слѣдующее трехлѣтіе. Условія кочеваго хозяйства крайне затрудняли вѣрное исчисленіе скота командируемыми для того лицами, которыя должны были полагаться на показанія волостныхъ правителей и аульныхъ старшинъ и нерѣдко входили съ ними въ предосудительныя сдѣлки [1]).

Въ числѣ дѣйствительно полезныхъ мѣръ реформы Сперанскаго, слѣдуетъ упомянуть еще о предоставленномъ киргизамъ всей сибирской степи правѣ свободной перекочевки внутрь линіи и обратно, а также объ оставленіи неприкосновеннымъ народнаго суда біевъ, за которымъ сохранено разбирательство большинства дѣлъ между киргизами, за исключеніемъ уголовныхъ.

Сосѣди наши къ востоку отъ Средней орды, китайцы, весьма подозрительно смотрѣли на упроченіе въ ней нашей власти и на распространеніе ея къ югу. Благодаря двуличному поведенію бывшихъ хановъ и султановъ, принимавшихъ и русское, и китайское подданство, пограничныя власти дайцинской имперіи не переставали заявлять претензіи на обладаніе киргизскою степью. Такъ, лѣтомъ 1824 года, небольшой китайскій отрядъ, подъ начальствомъ Хэбей-амбаня, преспокойно проникъ до уроч. Баянъ-аула, съ цѣлью торжественнаго возведенія въ ханы Средней орды одного изъ киргизскихъ султановъ. Исполненію этого намѣренія помѣшала, однако, быстрая распорядительность нашего отряднаго начальника, который захватилъ претендента—султана, допустилъ его до свиданія съ китайцами, гдѣ султанъ заявилъ, что онъ уже принялъ русское подданство и отрекается отъ ханства, а затѣмъ отправилъ его въ Омскъ; китайцы не протестовали и возвратились въ Кульджу.

Впрочемъ, подобныя рѣшительныя дѣйствія не согласовались съ господствовавшимъ тогда въ правительствѣ взглядомъ на отношенія наши къ Китаю. Министерство иностранныхъ дѣлъ находило, что

[1]) *Красовскій* ч. III, стр. 114—123 и «Объяснительная записка Степной Коммисіи».

появленіе китайскаго отряда въ подвластной намъ ордѣ есть «происшествіе довольно обыкновенное» и что вліяніе китайскаго правительства на нашихъ киргизовъ, существующее издавна, «никогда не производило какого-либо разстройства въ зависимости киргизскихъ ордъ отъ Россійской державы;... правительство наше — говорилось далѣе — снисходительно принимало прошенія возведенныхъ китайцами хановъ о подтвержденіи ихъ въ семъ званіи, охотно удовлетворяло этимъ ожиданіямъ, жалуя ихъ грамотами и приличными инвеститурными знаками, въ томъ убѣжденіи, что съ возвышеніемъ почестей, киргизскіе старѣйшины пріобрѣтутъ въ народѣ вѣсъ и силу, необходимые для удержанія его въ повиновеніи» [1]).

Исходя изъ такого взгляда, министерство иностранныхъ дѣлъ предписало сибирскому начальству поддерживать самыя дружественныя и привѣтливыя отношенія къ китайцамъ, а въ случаѣ появленія ихъ властей въ нашей степи, устранять всякіе поводы къ недоразумѣніямъ, оказывая широкое гостепріимство. Подобная щепетильность, конечно, подстрекала только китайцевъ къ заявленіямъ разныхъ неосновательныхъ протестовъ, какъ напримѣръ, по поводу постройки дома на р. Караталѣ для принявшаго наше подданство султана Большой орды; и въ этомъ случаѣ, для избѣжанія неудовольствія пекинской палаты внѣшнихъ сношеній, мы не замедлили разрушить возведенныя нами постройки. Впрочемъ, дальнѣйшія попытки вмѣшательства китайскихъ пограничныхъ властей въ дѣла Средней орды, большею частью безъ вѣдома пекинскаго правительства, были отклоняемы твердостью нашихъ отрядныхъ начальниковъ въ степи, а потому съ 1830-хъ годовъ онѣ и прекратились [2]). Вскорѣ затѣмъ, постепенно ослабѣвавшая власть Китая надъ киргизами Большой орды уступила мѣсто коканскому на нихъ вліянію, и кочевники эти, притѣсняемые и обираемые своимъ новыми повелителями, обратились къ покровительству Россіи. Обстоятельство это поставило насъ въ необходимость оградить безопасность Большой

---

[1]) «Историческая записка по матеріаламъ омскаго архива». Въ предписаніи управляющаго министер. иностр. дѣлъ къ начальнику омской области, отъ 15 авг. 1824 г., указывалось на то, что русское правительство высоко цѣнитъ союзъ дружбы съ Китаемъ и весьма далеко отъ того, чтобы возвышеніе киргизскаго султана принять поводомъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ; поэтому предписывалось не препятствовать амбаню въ его намѣреніи (онъ уже удалился въ то время изъ нашихъ предѣловъ), «избѣгая токмо, чтобы никто изъ россіянъ не былъ свидѣтелемъ обряда возведенія Габайдуллы въ ханское достоинство и замѣтивъ съ кротостію, сему султану несовмѣстность настоящаго его поступка съ обязанностями россійскаго вѣрноподданнаго». Впрочемъ, Габайдулѣ предоставлялось дѣйствовать, въ этомъ случаѣ, по собственному усмотрѣнію, не дѣлая ему никакихъ упрековъ и угрозъ, а, напротивъ, предлагалось еще препроводить къ нему «подарки отъ монаршихъ щедротъ».

[2]) Тамъ-же.

орды отъ посягательствъ Кокана и повлекло за собою безостановочное движеніе за Тянь-шань.

Между тѣмъ безпокойное состояніе оренбургской степи, увозъ русскихъ людей съ линіи и, въ особенности, на Каспійскомъ морѣ, — наконецъ, подстрекательство киргизовъ къ грабежамъ со стороны Хивы, служившей главнымъ рынкомъ для продажи нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ въ рабство, — все это давно уже побуждало правительство къ изысканію способовъ для устраненія такого анормальнаго порядка вещей. Оно хорошо сознавало, что достиженіе этой цѣли зависѣло, прежде всего отъ прекращенія вреднаго внѣшняго вліянія на киргизскую степь; и дѣйствительно, хотя система управленія Малой ордой, не отвѣчавшая условіямъ народнаго быта, была вообще несостоятельна, однако, благодаря удачному выбору Эссеномъ людей въ старшіе султаны и, главное, справедливымъ и заботливымъ попеченіямъ о киргизахъ предсѣдателя пограничной комиссіи Генса [1]), дѣла въ степи могли бы постепенно уладиться, еслибы тому не препятствовали постоянные происки безпокойной Хивы. Особеннымъ предметомъ заботливости правительства была несчастная участь русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ и Бухарѣ, на которую обращали вниманіе какъ усиленныя просьбы объ освобожденіи самихъ плѣнныхъ, такъ и донесенія Муравьева и Негри. Еще въ царствованіе Екатерины II, въ оренбургскую пограничную комиссію повелѣно было отпускать по 4000 руб. въ годъ «на искупленіе русскихъ плѣнныхъ изъ азіятскихъ областей»; но мѣра эта весьма слабо достигала цѣли, какъ потому, что хивинцы и бухарцы неохотно разставались съ своими русскими невольниками, слывшими въ Средней Азіи за самыхъ крѣпкихъ и трудолюбивыхъ работниковъ, такъ и потому, что даже выкупленные нашими торговцами плѣнные, на обратномъ пути каравановъ въ Оренбургъ, весьма часто отбивались тѣми же хивинцами или киргизами и опять продавались въ рабство. Для мирнаго разрѣшенія вопроса о плѣнныхъ и другихъ возникавшихъ недоразумѣній, рѣшено было, въ 1822 году, пригласить на линію уполномоченныхъ отъ Хивы и Бухары, съ тѣмъ, чтобы, совмѣстно съ нашимъ повѣреннымъ, установить взаимное соглашеніе; однако, ни одно изъ тѣхъ ханствъ не отозвалось на призывъ [2]).

[1]) Генсъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и, въ теченіе почти 20-ти лѣтней своей службы предсѣдателемъ оренбургской пограничной коммисіи, оказалъ важныя услуги какъ администраціи, такъ и наукѣ, тщательнымъ собраніемъ всевозможныхъ свѣдѣній о средне-азіятскихъ странахъ.

[2]) Всеподдан. докладъ графа Нессельроде, въ дѣлѣ Азіятскаго Департамента I—9, № 1 (1820—1833 г.) «Свѣдѣнія о плѣнникахъ въ Хивѣ и другихъ странахъ Средней Азіи и пр.».

Неуспѣхъ миролюбивыхъ попытокъ къ прекращенію грабежей и захвата людей въ степи, питаемыхъ наущеніями извнѣ, заставилъ правительство убѣдиться въ необходимости, рано или поздно, прибѣгнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для достиженія своихъ справедливыхъ и гуманныхъ цѣлей. Но такое серьезное предпріятіе, какъ экспедиція противъ Хивы, отдѣленной отъ границъ нашихъ обширнымъ, трудно проходимымъ и безводнымъ пространствомъ, требовало предварительной тщательной подготовки и изученія путей, ведущихъ къ ханству.

Въ 1825 году рѣшено было наказать киргизовъ, кочевавшихъ въ низовьяхъ Эмбы и своими разбоями наносившихъ весьма чувствительный вредъ нашимъ рыбопромышленникамъ на Каспійскомъ морѣ и Уралѣ. Предназначенной для того экспедиціи признано было полезнымъ поручить осмотръ степи между нижне-уральскою линіею и Аральскимъ моремъ, а также изслѣдовать выгоды и препятствія, которыя можетъ представить это пространство, въ случаѣ направленія по немъ отряда въ Хиву. Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ полковникъ квартирмейстерской части Бергъ (впослѣдствіи графъ и генералъ-фельдмаршалъ) и въ составъ ея вошли нѣсколько спеціалистовъ для научныхъ изысканій. Военный отрядъ состоялъ изъ 2310 чел. съ нестроевыми, при 6 конныхъ орудіяхъ, а для возки продовольствія и фуража взято было 872 пароконныхъ телѣгъ и небольшое число верблюдовъ.

Экспедиція выступила изъ Сарайчиковскаго поста въ самое суровое время, 16 декабря, съ тою цѣлью, чтобы настигнуть эмбенскихъ хищниковъ въ ихъ зимовыхъ стойбищахъ, откуда они не могли бы укрыться вглубь степи, какъ въ теплое время года. Расчетъ этотъ удался вполнѣ: уральскіе казаки внезапно напали на киргизовъ и захватили нѣсколькихъ главныхъ коноводовъ и многихъ сообщниковъ ихъ; плѣнные, подъ прикрытіемъ конвоя, при двухъ орудіяхъ, были отправлены въ Гурьевъ. Экспедиція обогнула сперва сѣверо-восточное прибрежье Каспія; потомъ, вступивъ на платò Устюрта, слѣдовала по немъ въ прямомъ восточномъ направленіи къ Аральскому морю, спустилась вдоль западнаго его берега верстъ на 80 къ югу и затѣмъ, направившись обратно, вернулась въ Сарайчикъ 5 марта 1826 года.

Научные результаты экспедиціи были весьма важны: они выразились въ барометрической нивеллировкѣ между Каспіемъ и Араломъ и въ астрономическихъ опредѣленіяхъ нѣсколькихъ пунктовъ. Что касается условій военнаго движенія по степи, то полковникъ Бергъ находилъ, что, въ случаѣ похода на Хиву, слѣдовало пред-

почесть путь отъ Оренбурга,—какъ главнаго центра средствъ пограничнаго края, — чрезъ Устюртъ, къ западному берегу Аральскаго моря и оттуда на Кунградъ; удобнѣйшимъ временемъ для выступленія въ походъ онъ признавалъ ноябрь мѣсяцъ, чтобы воспользоваться первымъ выпавшимъ снѣгомъ и не сильными еще морозами, для перехода черезъ устюртское плато. По собраннымъ экспедиціею свѣдѣніямъ, оказывалось, что движеніе лѣтомъ или осенью затруднительно, отъ недостатка воды, ѣдкости кормовыхъ травъ и топкихъ солончаковъ, тогда какъ зимой снѣгъ можетъ замѣнять воду и уничтожаетъ слишкомъ острый для лошадей вкусъ подножнаго корма, а морозы сковывая поверхность солончаковъ, дѣлаютъ ихъ удобопроходимыми; за то, съ другой стороны, и зима представляетъ свои трудности для похода, вслѣдствіе жестокихъ морозовъ съ буранами, глубокаго снѣга и недостатка топлива въ степи. Во время экспедиціи Берга, отрядъ, большею частью, не встрѣчалъ слишкомъ глубокихъ снѣговъ, но терпѣлъ не мало отъ сильнѣйшаго холода, достигавшаго 31° по Реомюру; за неимѣніемъ въ степи кустарника для топлива, приходилось употреблять на дрова освобождавшіяся изъ-подъ продовольствія телѣги, а на обратномъ пути, у подножія Устюрта, отрядъ выдержалъ, въ теченіе трехъ сутокъ, жесточайшій буранъ при 24 градусахъ мороза, и одну ночь долженъ былъ провести безъ огня. Необыкновенно низкая температура зимы съ вьюгами, отъ которой падало много лошадей, заставила полковника Берга, двѣ недѣли послѣ выступленія изъ Сарайчика, уменьшить составъ отряда и продолжать движеніе лишь съ одною тысячью уральскихъ казаковъ, привыкшихъ къ невзгодамъ степи, и двумя орудіями. Здоровье этихъ людей было все время, до половины февраля, вполнѣ удовлетворительно, такъ-что число больныхъ не превышало 7 чел., и только вслѣдствіе усилившихся затѣмъ холодовъ, цифра эта возрасла внезапно до 37—40 чел., изъ которыхъ, ко дню возвращенія въ Сарайчикъ, умерло пятнадцать [1]).

Мы съ намѣреніемъ остановились нѣсколько подробно на условіяхъ зимняго похода по степи, совершеннаго въ 1825—1826 годахъ, такъ какъ онъ, до извѣстной степени, послужилъ указаніемъ для предпринятой впослѣдствіи, въ 1839 году, экспедиціи къ Хивѣ.

Движеніе Берга по Устюрту къ Аральскому морю, хотя и не направленное собственно противъ Хивы, произвело, однако, на это ханство сильное впечатлѣніе, заставивъ его нѣсколько воздержаться

---

[1]) Дѣло канцеляріи Военнаго Министерства 1840 года, № 61. Записка подъ заглавіемъ «Expédition vers la mer d'Aral de 1825 à 1826.

отъ грабительскихъ подвиговъ. Страхъ передъ ожидавшимся вторженіемъ русскихъ былъ такъ великъ, что хивинцы, бросивъ всякую мысль о сопротивленіи, готовили уже ключи отъ своей столицы для поднесенія ихъ начальнику нашего экспедиціоннаго отряда [1]). Но опасенія эти продолжались недолго, и когда полковникъ Бергъ, окончивъ возложенное на него порученіе, вернулся обратно, Хива съ одинаковою легкостью перешла отъ малодушнаго страха къ заносчивой самоувѣренности, убѣжденная въ недоступности ея предѣловъ.

Тревога, овладѣвшая-было хивинскимъ Аллахъ-Кули-ханомъ, при первыхъ слухахъ о сборѣ войскъ для экспедиціи на Устюртъ, заставила его даже примириться съ бухарскимъ эмиромъ и просить его посредничества для отвращенія грозы, ожидавшейся со стороны Россіи; по крайней мѣрѣ, прибывшій, въ 1825 году, на линію бухарскій посланецъ, какъ можно догадываться, пытался дѣйствовать въ этомъ направленіи, хотя и неофиціально [2]). Въ слѣдующемъ же, 1826 году, прибылъ въ Оренбургъ и непосредственный посланецъ отъ Аллахъ-Кули къ императору Николаю Павловичу. Между условіями допущенія его въ Петербургъ, ему предъявлено было требованіе возвратить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ или, по крайней мѣрѣ, находящихся у самого хана, съ тѣмъ, чтобы послѣдній обязался воспретить во всѣхъ своихъ владѣніяхъ покупку русскихъ людей въ рабство. Посланецъ отговорился неимѣніемъ ханскаго полномочія для переговоровъ объ этомъ предметѣ и потому долженъ былъ возвратиться обратно [3]).

Хотя правительство пришло уже въ то время къ убѣжденію, что водвореніе совершеннаго спокойствія и пресѣченіе хищничества въ киргизской степи можетъ быть достигнуто только посредствомъ «сильнаго и рѣшительнаго поиска на Хиву, питающую издавна въ киргизахъ духъ своевольства и грабежа»... [4]), тѣмъ не менѣе, оно не желало прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ, не испытавъ предварительно всѣхъ мирныхъ средствъ къ достиженію желаемой цѣли и къ освобожденію находившихся въ неволѣ русскихъ подданныхъ. Относительно послѣдняго обстоятельства, министерство иностранныхъ дѣлъ находило неудобнымъ выкупать нашихъ плѣнныхъ со-

---

[1]) Записка генералъ-адъютанта Перовскаго, представленная въ 1839 году. Дѣло государственнаго архива XI, № 1209, 1839 года.

[2]) Дѣло Азіятскаго Департамента, I—13 $\frac{\text{№ 4.}}{\text{1817 — 1830 г.}}$

[3]) Дѣло Азіятскаго Департамента, I—9 $\frac{\text{№ 1.}}{\text{1820 — 1833 г.}}$

[4]) Письмо директора Азіятскаго Департамента, тайнаго сов. Родофиникина, къ генералу Эссену отъ 31 августа 1828 г. № 1468, въ томъ же дѣлѣ.

отечественниковъ на опредѣленную для того сумму, такъ какъ хивинцы и киргизы могли бы сдѣлать изъ этого хорошую аферу и, получая чрезъ выкупъ значительные барыши, еще съ большимъ рвеніемъ стали бы заниматься захватомъ плѣнныхъ. Поэтому рѣшено было предостерегать прилинейныхъ жителей отъ хищниковъ и вознаграждать усерднѣйшихъ изъ киргизовъ за возвращеніе плѣнниковъ изъ Хивы, съ выдачею имъ подарковъ на счетъ образовавшейся, отъ ежегодныхъ ассигнованій, суммы для выкупа русскихъ невольниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, предложено оренбургскому военному губернатору, не найдетъ ли онъ, съ своей стороны, какое либо мирное средство къ освобожденію этихъ несчастныхъ [1]).

Между тѣмъ Аллахъ-Кули, подобно отцу своему, продолжалъ мутить нашихъ киргизовъ, назначилъ имъ ханомъ своего родственника, киргизскаго султана, и на лѣвомъ берегу Куванъ-дарьи построилъ нѣсколько укрѣпленій для сбора податей съ окрестныхъ кочевниковъ и взиманія пошлинъ съ проходящихъ каравановъ; содержавшихся же въ Хивѣ нашихъ плѣнниковъ строго запретилъ продавать обратно въ Россію. Какъ Эссенъ, такъ и оренбургская пограничная коммисія доносили, что «дерзость новаго владѣльца Хивы превзошла всякую мѣру, и доколѣ не образумитъ его сила россійскаго оружія, до того времени не перестанетъ онъ волновать Малую киргизскую орду и навлекать безпокойство нашему правительству» [2]). Но вниманіе Россіи было отвлечено отъ Средней Азіи другими важными событіями: сперва войнами съ Персіею и Турціею, а затѣмъ—положеніемъ дѣлъ въ Западной Европѣ и возстаніемъ въ Польшѣ, а потому, на всеподданнѣйшемъ докладѣ представленія пограничной коммисіи о томъ, что къ освобожденію русскихъ плѣнныхъ нѣтъ другихъ способовъ, кромѣ военной экспедиціи противъ Хивы, императоръ Николай, 21-го октября 1830 года, собственноручно положилъ резолюцію: «теперь не время» [3]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, при управленіи оренбургскимъ краемъ графомъ Сухтеленомъ, внутренняя часть Малой орды пользовалась, относительно говоря, нѣкоторымъ спокойствіемъ; при немъ же введена была мѣра, просуществовавшая до конца шестидесятыхъ годовъ,—раздѣленіе всей прилегавшей къ линіи полосы степи на дистанціи, съ назначеніемъ въ каждую особаго начальника изъ киргизовъ, чѣмъ облегчалось управленіе періодически мѣнявшимся кочевымъ населеніемъ близь нашей границы. Множество киргизовъ,

---

[1]) Высочайше утвержденный, 27 августа 1827 года, докладъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
[2]) Письмо ген. отъ инф. Эссена къ гр. Нессельроде, отъ 22 іюня 1827 г. № 580.
[3]) Дѣло Азіятскаго Департамента, № 1-й, 1820—1833 г.

наглядно убѣждавшихся, что чѣмъ ближе они къ мѣстамъ пребыванія русскихъ властей, тѣмъ легче находили они защиту отъ произвола киргизскихъ должностныхъ лицъ, стали прикочевывать къ линіи и просить разрѣшенія строить дома. Къ сожалѣнію, Сухтеленъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда взгляда, что киргизы могутъ быть полезны государству лишь какъ кочевой народъ, занимающійся скотоводствомъ и служащій потребителемъ нашихъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній, считалъ вреднымъ поощрять хлѣбопашество среди киргизовъ и не дозволялъ имъ селиться [1]). Система эта получила еще большее развитіе при преемникѣ Сухтелена, генералѣ Перовскомъ; и въ то время, какъ въ сибирской степи распространеніе между киргизами земледѣлія и даже осѣдлости дѣлало постепенные успѣхи, въ отношеніи къ Малой ордѣ долго продолжали придерживаться упомянутой ложной теоріи, тормозя дѣло мирнаго успокоенія степи.

На окраинахъ послѣдней, именно на Сыръ-дарьѣ и сѣверо-восточномъ прибрежьѣ Каспія, положеніе дѣлъ все ухудшалось. Придарьинскіе киргизы, еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, сдѣлались предметомъ притязаній со стороны двухъ азіятскихъ ханствъ, Кокана и Хивы. Овладѣвъ въ 1814 году гор. Туркестаномъ, коканцы рѣшились распространить свои владѣнія внизъ по Сыру и, послѣ безпрерывныхъ набѣговъ на киргизовъ, имъ удалось завести на рѣкѣ нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, въ томъ числѣ Акъ-мечеть, близь выхода изъ Сыра Яны-дарьи. Съ юга на киргизовъ дѣйствовала Хива и успѣла подчинить ихъ своему вліянію, обложивъ даже податью. То же самое мы видимъ и на восточномъ берегу Каспійскаго моря, по отношенію къ киргизамъ-адаевцамъ и къ туркменамъ. Здѣсь особенно вредно отражалось на насъ вліяніе хивинцевъ, поддерживавшихъ работорговлю, и захватъ русскихъ рыбопромышленниковъ достигъ, въ тридцатыхъ годахъ, такихъ размѣровъ, что ежегодно увозилось въ плѣнъ до 200 чел.

Чтобы нѣсколько обуздать адаевцевъ и прекратить ихъ разбои, рѣшено было, наконецъ, осуществить уже столько разъ возникавшую мысль объ устройствѣ укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ, и въ 1834 году, въ заливѣ Кайдакъ (къ востоку отъ полуострова Бузачи), заложено Ново-Александровское укрѣпленіе; для связи его, въ зимнее время, съ Гурьевымъ, выставлялся по Каспійскому морю рядъ казачьихъ пикетовъ.—Но выборъ мѣста подъ это укрѣпленіе, не смотря на то, что оно было осмотрѣно еще въ 1832 году, оказался крайне неудачнымъ, въ особенности въ гигіеническомъ отношеніи;

[1]) *Мейеръ*, loc. c. стр. 46—49.

притомъ положеніе этого пункта не удовлетворяло главной цѣли— наблюденію за морскими разбойниками и покровительству торговлѣ. Финансовыя причины долго препятствовали перенесенію укрѣпленія на другое, болѣе удобное мѣсто; это исполнено было лишь въ 1846 году, когда укрѣпленіе перемѣщено было на Тюпъ-караганскій мысъ (на Мынгышлакѣ) и названо Ново-Петровскимъ, а въ 1858 году переименовано въ Александровское [1]).

Одною изъ первыхъ мѣръ административной дѣятельности генералъ-адъютанта Перовскаго въ Малой ордѣ было отмежеваніе отъ киргизскихъ земель полосы по лѣвому берегу Урала, отъ Орска къ сѣверу, и устройство вдоль ея новой линіи. Въ 1835 году приступлено къ возведенію на ней нѣскольких фортовъ и заселенію ея оренбургскими казаками; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличена плата за пропускъ киргизскаго скота, на зимовку, за линію. Надежды, которыя Перовскій возлагалъ на послѣдствія устройства новой линіи, оказались ложными: казаки съ явнымъ неудовольствіемъ селились на отведенныхъ имъ въ степи мѣстахъ, а киргизы, раздраженные покушеніемъ на ихъ земли, отвѣчали дерзкими набѣгами на линіи. Къ этому прибавились бунты противъ султановъ-правителей и откочевки киргизовъ то къ Хивѣ, то къ коканцамъ. Пришлось ежегодно высылать отряды въ степь, достигая лишь временныхъ результатовъ и тратя на это значительныя суммы, съ слабою надеждою на умиротвореніе степи [2]).

Мысль о прочномъ утвержденіи русской власти среди киргизовъ, посредствомъ возведенія въ ихъ кочевьяхъ укрѣпленія, возникла было еще въ 1835 году, и генералъ Перовскій предполагалъ, прежде всего, основать таковое на низовьяхъ р. Сыра, о чемъ даже ходатайствовала часть киргизовъ, сильно притѣсняемыхъ хивинскими и коканскими сборщиками податей. Устройствомъ укрѣпленія, съ заведеніемъ при немъ русской осѣдлости, имѣлось въ виду не только упрочить наше вліяніе на кочевниковъ, но и обезпечить себѣ опорный складочный пунктъ на Сыръ-дарьѣ, на случай военнаго движенія къ Хивѣ; кромѣ того, этою мѣрою достигалась бы безопасность торговаго сообщенія съ Бухарой [3]). Осуществленіе приведеннаго проекта было, однако, вскорѣ отложено, какъ надо думать, потому, что Перовскій опасался подвергнуть рискованному положе-

---

[1]) Дѣло Департамента генеральнаго штаба (оренбургское), № 2-й, 1857 года.

[2]) Мейеръ, стр. 49—52.

[3]) Составленіе проекта устройства укрѣпленія на Сыръ-дарьѣ поручено было Перовскимъ генеральнаго штаба капитанамъ Никифорову и Иванину. Подробности объ этомъ см. въ ст. *Залѣсова* «Посольство въ Хиву капитана Никифорова въ 1841 г.» (Военный Сборникъ 1861 г., т. XXII, стр. 61—64), и у *М. Иванина* «Описаніе зимняго похода въ Хиву 1839—1840 г.» Спб. 1874 г. стр. 32—34.

нію и гарнизонъ, и русское поселеніе на Сырѣ, въ то время, когда власть наша за Мугоджарскими горами была еще крайне слаба.

Отношенія наши къ Хивѣ все ухудшались. Аллахъ-Кули не ограничивался запрещеніемъ своимъ подданнымъ продавать плѣнныхъ обратно въ Россію, но и требовалъ, чтобы бухарскій эмиръ не отпускалъ своихъ русскихъ невольниковъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, захватывать ихъ въ пути [1]). Разбои адаевцевъ на Каспійскомъ морѣ и грабежи хивинскими шайками нашихъ и бухарскихъ каравановъ на Сырѣ стали нормальнымъ явленіемъ. Число русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ возрастало въ ужасающей прогрессіи. Такое наглое поведеніе хищническаго ханства должно было, наконецъ, истощить долготерпѣніе Россіи, и лѣтомъ 1836 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о задержаніи на оренбургской и сибирской линіяхъ, а также въ Астрахани, всѣхъ хивинскихъ торговцевъ, съ секвестрованіемъ ихъ имущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, въ письмѣ къ Аллахъ-Кули-хану [2]), уговаривалъ его измѣнить свои отношенія къ сосѣдней имперіи, возвратить всѣхъ плѣнныхъ, не вмѣшиваться въ управленіе киргизами и не поощрять разбоевъ; только по исполненіи этихъ требованій и предоставленіи русскимъ подданнымъ въ хивинскихъ владѣніяхъ одинаковыхъ правъ съ тѣми, которыми пользовались хивинцы въ Россіи, ханъ могъ разсчитывать, что «старое будетъ забыто».

Арестованіе хивинскихъ купцовъ не произвело, на первыхъ порахъ, желаемаго дѣйствія. Напротивъ, въ отвѣтъ на это распоряженіе, надменный Аллахъ-Кули, бившій монеты съ древнимъ титуломъ «Харезмъ-шаха» [3]), объявилъ своимъ подданнымъ, что они могутъ, не опасаясь, ѣздить, по прежнему, въ Россію, такъ какъ онъ отвѣчаетъ имъ за всякое притѣсненіе или оскорбленіе, которымъ они могутъ тамъ подвергнуться. Тѣмъ не менѣе, предвидя, что недоразумѣнія съ Россіей не ограничатся, быть-можетъ, однимъ арестованіемъ его подданныхъ, ханъ старался, на всякій случай, запастись союзниками и съ этою цѣлью заискивалъ у Бухары [4]).

Съ этимъ послѣднимъ ханствомъ мы продолжали вести вполнѣ дружественныя сношенія, чему, главнѣйшимъ образомъ, способствовали значительныя торговыя выгоды, доставляемыя ими Бухарѣ, и

---

[1]) Дѣло Азіатскаго Департамента, I—6 $\frac{№\ 1}{1836\ г.}$

[2]) Отъ 18-го сентября 1836 г.

[3]) Этотъ титулъ, а также «падишаха», впервые появился на аверсѣ хивинскихъ монетъ со вступленіемъ на ханство Аллахъ-Кули. См. *В. Вельяминова—Зернова*: «Бухарскія и хивинскія монеты». Спб. 1850 года, стр. 444—447 и *Р. Lerch*: «Khiva etc». S 1.

[4]) Дѣло Азіатскаго Департемента, № 1-й, 1836 года.

*

отсутствіе, въ то время, какихъ бы то ни было серьезныхъ, взаимно сталкивающихся интересовъ. Поэтому эмиръ Насръ-улла остался глухъ къ искательствамъ своего хивинскаго собрата и продолжалъ аккуратно отправлять посольства въ Петербургъ съ изъявленіями благодарности за дружбу и обѣщаніями покровительствовать торговлѣ. Одинъ изъ бухарскихъ послацевъ, бывшій въ Россіи вслѣдъ за посѣщеніемъ Бухары прапорщикомъ Виткевичемъ въ 1836 году, заявилъ, между прочимъ, по порученію эмира, что съ нѣкотораго времени къ нему стали часто наѣзжать британскіе агенты [1]), съ предложеніемъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ Бухарой, обѣщая взамѣнъ того доставлять бухарцамъ всѣ нужные предметы самымъ выгоднымъ для нихъ образомъ. Кромѣ того, Насръ-Улла увѣдомлялъ, что кабульскій владѣлецъ (Достъ-Муха-медъ), угрожаемый лагорскимъ магараджей Ренджитъ-Сигомъ, просилъ оказать ему поддержку бухарскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, для совокупнаго дѣйствія противъ враговъ [2]).

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое заняла Великобританія по отношенію къ Россіи въ Средней Азіи. Выше уже было вкратцѣ упомянуто о непонятныхъ опасеніяхъ, зародившихся въ умахъ индо-британскихъ политиковъ, по поводу слуховъ о какихъ-то завоевательныхъ замыслахъ Франціи и Россіи на Индію, послѣ тильзитскаго свиданія. Съ этого времени началось среди англичанъ развитіе той «руссофобіи», которая, прикрываясь необходимостью ограждать британскіе интересы въ Азіи, привела англійское правительство къ дѣйствіямъ, слѣды которыхъ долго и чувствительно отзывались именно на этихъ интересахъ.

Начиная съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, въ средне-азіятскихъ владѣніяхъ по сѣверную сторону Гиндукуша появляется рядъ англійскихъ «путешественниковъ и торговцевъ», не ограничивающихся одними туристскими впечатлѣніями и коммерческими дѣлами. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только сами англичане, но

[1]) Въ 1832 году былъ въ Бухарѣ и Борисъ. О политическомъ характерѣ его поѣздки см. примѣч. 41 къ историческимъ дополненіямъ *В. Григорьева* въ переводѣ его Риттерова «Кабулистанъ и Кафиристанъ». Спб. 1867, стр. 883.

[2]) Доведя объ этомъ до свѣдѣнія русскаго правительства, послапецъ, мирза Курбанъ-бекъ, просилъ отъ имени эмира наставленія, какъ дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ отвѣтной нотѣ вице-канцлера къ посланцу было, между прочимъ, сказано: поручается вамъ донести высокостепенному владѣтелю вашему, что Его Императорскому Величеству всегда будетъ пріятно видѣть разныя владѣнія Средней Азіи магометанскаго исповѣданія соединенными между собою тѣснымъ союзомъ дружбы, для защиты себя отъ всякихъ враждебныхъ покушеній иноплеменныхъ народовъ противъ благосостоянія ихъ взаимныхъ подданныхъ». См. Дѣло Азіатскаго Департамента, I—6 $\frac{\text{№ 1}}{\text{1836 г.}}$

и донесенія нашихъ пограничныхъ начальствъ и показанія прибывавшихъ въ Россію азіятцевъ [1]). Между такими путешественниками были люди, обезсмертившіе свои имена важными изслѣдованіями въ неизвѣстныхъ и полуварварскихъ странахъ, но примѣшавшіе къ своимъ смѣлымъ научнымъ подвигамъ цѣли, не имѣвшія ничего общаго съ задачами науки. Русское правительство, какъ видимъ, знало объ этихъ проискахъ, направленныхъ противъ него, но смотрѣло на нихъ довольно равнодушно и безъ той тревоги, которая обуяла англичанъ при одномъ призракѣ возможности вторженія русскихъ въ Индію.

Въ 1837 году персидскій шахъ задумалъ овладѣть гератскою областью Афганистана, и въ этомъ, легко объясняемомъ исторіей фактѣ, проницательные политики Лондона и Калькутты прозрѣли таинственную руку Россіи, направляющую Персію къ расширенію ея владѣній до береговъ Инда. Появленіе одного русскаго офицера (подпоручика Виткевича) въ Кабулѣ и любезный пріемъ, оказанный ему Достъ-Мухамедомъ, послѣ тогокакъ англичане отказали послѣднему въ своей поддержкѣ, произвелъ настоящую панику въ остъ-индскомъ правительствѣ; паника приняла еще большіе размѣры, когда прошелъ слухъ о приготовленіяхъ Россіи къ походу на Хиву Очевидно, тѣнь отъ великаго «московскаго» государства грозила. затмить вліяніе Англіи за Гинду-кушемъ, и необходимо было какъ можно скорѣе предотвратить это бѣдствіе; лондонскій кабинетъ торопилъ остъ-индскаго генералъ-губернатора принять мѣры для противодѣйствія «коварнымъ замысламъ» Россіи. Въ концѣ 1838 года полковникъ Стоддартъ посылается въ Бухару съ оффиціальными инструкціями добиться освобожденія русскихъ плѣнныхъ и для заключенія дружественнаго договора съ эмиромъ; а въ началѣ слѣдующаго года индо-британская армія вторгается въ Афганистанъ, съ цѣлью утвержденія «законнаго вліянія британской націи въ Средней Азіи и противодѣйствія иноземнымъ интригамъ», а также «для установленія постоянной преграды наступательнымъ планамъ противъ нашей сѣверо-западной границы» [2]). Такими мотивами, выраженными въ прокламаціяхъ генералъ-губернатора Индіи и главнокомандующаго экспедиціонною «индскою арміею» оправдывала Англія

---

[1]) Письма полков. Берга (Изъ Оренбурга) къ гр. Дибичу отъ 22 декабря 1824 г. и генер. Эссена къ гр. Нессельроде отъ 29-го іюля 1825 г. № 635; донесеніе начальника оренб. таможен. округа къ мин. финансовъ, гр. Канкрину, отъ 10-го іюля 1825 г., № 263, и отзывъ ген.-губерн- Зап. Спб. генер. Капцевича къ вице-канцлеру, отъ 12 августа 1825 г., № 1415

[2]) *J. W. Kaye*: «History of the war in Afganistan». London, 1851, v. I., pp. 355—359 and 503 и *H Rawlinson:* «England and Russia in the East». Lond. 1875, p. 147. — Декларація лорда Окленда издава въ Симлѣ 1-го октября 1838 года.

свое вооруженное вмѣшательство въ дѣла Афганистана, и въ такое именно время, когда, въ дѣйствительности, ничто не угрожало англо-индійскому господству; напротивъ, шахъ, напуганный появленіемъ англійскаго флота въ Персидскомъ заливѣ, еще въ началѣ сентября снялъ осаду Герата, а Достъ-Мухамедъ былъ тогда безсиленъ даже противъ своихъ братьевъ и сейкскаго владѣтеля Ренджитъ-Синга, ловко отхватившаго уже у него пишауэрскую область [1]). Сами англичане, сохранившіе безпристрастный взглядъ на дѣло, сознаютъ, что декларація индо-британскаго правительства о причинахъ къ экспедиціи въ Афганистанъ была, по меньшей мѣрѣ, «недобросовѣстнымъ извращеніемъ истины» [2]). Но тогдашіе руководители англо-индійской политики находились въ какомъ-то болѣзненно-настроенномъ возбужденіи: имъ уже мерещилось, что тамъ, далеко на сѣверѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Инда, двигались, по безпріютнымъ степямъ, русскія колонны, направляясь къ подножію Гинду-куша, и... роковой шагъ былъ сдѣланъ. Онъ стоилъ Англіи слишкомъ 18,000 человѣческихъ жизней, 15 милліоновъ фунтовъ стерл. [3]) а, главное, ненесъ тяжелый ударъ военному и политическому значенію ея въ Азіи. И все это изъ за ложнаго страха передъ воображаемыми «интригами» Россіи въ ущербъ индо-британскому могуществу.

Въ то время, какъ по ту сторону Гинду-куша англичане готовились устроивать преграду противъ наступательныхъ замысловъ на ихъ сѣверо-западную границу, мы все еще не теряли надежды мирными средствами добиться отъ Хивы удовлетворенія нашихъ требованій. Убѣдившись, что арестованіе хивинскихъ купцовъ въ Россіи причиняетъ громадный вредъ благосостоянію его подданныхъ [4]), а слѣдовательно и его карману, Аллахъ-Кули рѣшился прибѣгнуть къ маленькой хитрости: въ теченіе двухъ лѣтъ онъ, дѣйствительно, возвратилъ 105 чел. русскихъ плѣнныхъ, ожидая, что правительство этимъ и удовольствуются для освобожденія задержанныхъ хивинцевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая даромъ лишиться такого числа невольниковъ, коварный ханъ выслалъ свои шайки на

---

[1]) *J. W. Kaye*, l. c., pp. 128 and 271—282, vol. I.

[2]) Тамъ-же стр. 360 и 361.

[3]) Цифры эти взяты изъ соч. *Buist-'a:* «Ostline of the operations of the bristolt troops in Scinde and Afghanistan. Bombay, 1843, и приведены В. Григорьевымъ въ его дополненіяхъ къ «Землевѣдѣнію Риттера (Кабулистанъ и Кафиристанъ)», стр. 941.

[4]) Цѣны, на привозимыя изъ Россіи мануфактурныя издѣлія поднялись въ Хивѣ на 15%, а сырые матеріалы вздорожали на 90%; хивинскіе же продукты упали въ цѣнѣ на половину. См. приложенія къ ст. *Залѣсова* «Посольство Никифорова въ Хиву» (Воен. Сборн. т. XXII на стр. 82).

Мангышлакъ и захватилъ тамъ до 200 русскихъ [1]), съ лихвою вознаградивъ себя этимъ разбойничьимъ подвигомъ за уступленныхъ имъ плѣнниковъ.

Было очевидно, что нѣтъ другихъ средствъ образумить Хиву, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, и оренбургскому военному губернатору повелѣно готовиться къ походу.

Въ февралѣ 1839 года генералъ-адъютантъ Перовскій, согласно Высочайшему повелѣнію, представилъ всеподданѣйшую записку съ проектомъ военнаго поиска на Хиву. На основаніи данныхъ, доставленныхъ экспедиціею Берга и высылавшимися, почти ежегодно, въ степь отрядами, а также имѣвшихся свѣдѣній о состояніи хивинскаго ханства, генералъ Перовскій признавалъ вполнѣ достаточнымъ сформировать для похода отрядъ въ 4000 ч. при 12 орудіяхъ. Изъ всѣхъ путей къ Хивѣ, сравнительно лучшимъ признавался путь отъ Оренбурга къ верховьямъ Эмбы и далѣе черезъ Устюртъ, по западному берегу Аральскаго моря, а относительно времени года для движенія по степи, записка находила, что удобнѣе всего выступить съ средней части линіи въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, съ тѣмъ, что бы пуститься въ обратный путь съ наступленіемъ осени; впрочемъ, Перовскій не отвергалъ возможности начать экспедицію и осенью, прибавивъ при этомъ, что «можно бы почти рѣшиться и на зимній походъ, но въ этомъ случаѣ выгоднѣе выступить съ нижне-уральской линіи, потому что эмбенскія болота замерзаютъ и путь сокращается». Въ степи, на избранныхъ пунктахъ, предполагалось основать два «становища», для склада продовольствія и фуража, и устроить такой же складъ въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи, на берегу Каспійскаго моря.

Соображенія генерала Перовскаго были обсуждены въ особомъ комитетѣ и, 11 марта 1839 года, удостоились Высочайшаго утвержденія [2]).

---

[1]) *Залѣсовъ* loc. c., стр. 45 и *Мейеръ*, стр. 54.

[2]) Комитетъ состоялъ изъ: военнаго министра генер.-ад. гр. Чернышева, вице-канцлера гр. Нессельроде, морскаго министра кн. Меньшикова и генер.-ад. Перовскаго. Сущность журнала комитета заключалась въ слѣдующемъ: 1) Экспедиція необходима для утвержденія нашего политическаго и торговаго вліянія въ Средней Азіи и для противодѣйствія англичанамъ. 2) Если бы хивинцы до начала экспедиціи возвратили нашихъ плѣнныхъ, то и тогда отнюдь не отмѣнять ее, принявъ для того предлогъ, который изыскать можно, какъ-то: требованіе въ кратчайшій срокъ какой-либо уплаты за издержки для выручки плѣнныхъ, и т. п. 3) Во всякомъ случаѣ поискъ на Хиву не предпринимать ранѣе будущаго года, дабы англичанамъ дать возвратиться изъ Афганистана. 4) Посему сохранить въ *строжайшей тайнѣ* сіе предпріятіе, а такъ какъ приготовленія могли бы разгласить оное, то принять для сего предлогъ ученой экспедиціи къ Аральскому морю, о которой рѣчь идетъ уже нѣсколько лѣтъ; а для подкрѣпленія сей мысли министерству иностр. дѣлъ спестись съ министер. народ. просвѣщенія о составленіи инструкціи ученымъ и о соображеніи плана ученой экспедиціи.

Журналомъ комитета, между прочимъ, было постановлено походъ противъ Хивы предпринять весною 1840 года; по занятіи ханства свергнуть Аллахъ-Кули-хана и на его мѣсто назначить другого изъ преданныхъ намъ киргизовъ, и на расходы по экспедиціи ассигновать исчисленные генераломъ Перовскимъ 1,698.000 р. ас. и 12.000 червонцевъ, всего около 575.000 рублей сер. [1]).

Но едва принялся Перовскій за подготовительныя распоряженія какъ онъ уже донесъ о необходимости измѣненій въ утвержденномъ планѣ похода. Къ этому его побудили опасенія, что, въ случаѣ выступленія въ походъ весною, отрядъ можетъ очутиться, въ самое жаркое время, безъ достаточнаго количества воды, и невозможность добыть зимою необходимое число верблюдовъ, такъ какъ киргизскія зимовки находились, большею частью, вдали отъ линіи. Поэтому генералъ Перовскій, въ видахъ лучшаго обезпеченія отряда перевозочными средствами и устраненія недостатка въ водѣ, которая, по его мнѣнію, могла быть, зимою, замѣнена снѣгомъ, рѣшилъ собрать нужныхъ верблюдовъ въ теченіе лѣта и выступить въ походъ осенью 1830 года, съ такимъ расчетомъ, чтобы пройти до Устюрта, прежде, чѣмъ степь покроется глубокимъ снѣгомъ.

Опасенія Перовскаго, относительно возможности нанять верблюдовъ зимою, могутъ быть оправданы и другими, болѣе вѣскими причинами. Хотя всѣ приготовленія къ экспедиціи должны были производиться безъ огласки и подъ видомъ предполагавшагося ученаго изслѣдованія при-аральскихъ степей, тѣмъ не менѣе извѣстіе о нихъ скоро дошло до Хивы. Разумѣется, ханъ, съ своей стороны, началъ принимать мѣры противъ угрожавшей ему опасности: прежде всего онъ отправилъ своихъ эмиссаровъ на Эмбу и Сыръ-дарью, для возмущенія киргизовъ, и грозилъ имъ страшнымъ мщеніемъ за содѣйствіе русскимъ и доставку имъ верблюдовъ. Если бы Перовскій отложилъ сборъ перевозочныхъ средствъ до зимы, то, весьма вѣроятно, что значительная часть киргизовъ, ближе другихъ кочевавшихъ къ хивинскимъ предѣламъ, поддалась бы

5) Исчисленные для поиска въ Хиву 1.698,000 р. и 12 тысячъ червонныхъ отпустить изъ особыхъ источниковъ военнаго министерства, дабы требованіемъ сихъ денегъ изъ государственнаго казначейства не огласить предпріятія. 6) Предоставить оренбургскому военному губернатору окончательную ревизію по отчетности расходованія отпущенныхъ на экспедицію денегъ. 7) По занятіи Хивы свергнуть хана и назначить другого изъ преданныхъ намъ кайсаковъ, подобно англичанамъ, предпринявшимъ нынѣ возведеніе Суджа-эль-Мулька на мѣсто Достъ-Магомета кабульскаго. 8) Ученой экспедиціи занять въ степи становища, которыя послужатъ опорными пунктами для поиска на Хиву. (Дѣло государ. арх. XI, № 1209, 1839 г.).

[1]) Впослѣдствіи генералу Перовскому предоставлено было за недостаточностью ассигнованныхъ суммъ, относить издержки на нужды экспедиціи на мѣстный съ киргизовъ сборъ.

влiянiю угрозъ хана и, въ теченiи лѣта, откочевала бы со своими стадами къ восточнымъ и южнымъ окраинамъ нашей степи, гдѣ значенiе русской власти было еще слишкомъ слабо. Надо было предупредить возможность такихъ откочевокъ, чтобы не лишить экспедицiю подъемныхъ средствъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ высланы были въ степь два отряда для устройства складочныхъ пунктовъ, которые и были основаны: одинъ въ верховьяхъ Эмбы, при устьѣ рѣчки Атыякши, въ 472 вер. отъ Оренбурга, а другой—въ 160 вер. къ югу отъ перваго, на уроч. Чукша-куль. Въ возведенныя тамъ укрѣпленiя перевезено было къ ноябрю, на 7500 башкирскихъ и мещеряцкихъ троечныхъ подводахъ, четырехмѣсячное для отряда продовольствiе, и заготовлены на мѣстѣ запасы фуража и топлива. Сверхъ того, для обезпеченiя экспедицiи продовольствiемъ на время пребыванiя въ Хивѣ, приказано доставить двухмѣсячный запасъ его, моремъ, въ Ново-Александровское укрѣпленiе, откуда оно могло быть подвезено къ отряду въ хивинскихъ владѣнiяхъ.

Для поднятiя нужнаго количества продовольствiя при самомъ отрядѣ войскъ, всѣхъ войсковыхъ тяжестей, а частью и людей пѣхоты, требовалось, по расчету, до 12800 верблюдовъ. Сборъ ихъ, по найму, возложенъ былъ на султановъ-правителей. Благодаря разумнымъ мѣрамъ предсѣдателя пограничной комиссiи, генерала Генса, и присутствiю въ степи двухъ нашихъ отрядовъ, большая часть киргизскихъ родовъ, безъ принужденiя, выставила къ 1 ноября 10160 верблюдовъ, а съ пожертвованными и частью купленными, число ихъ простиралось до 11500; лишь нѣкоторые роды уклонились отъ поставки и успѣли откочевать къ Хивѣ.

Къ половинѣ октября 1839 года почти всѣ приготовленiя были окончены и въ Оренбургѣ собранъ экспедицiонный отрядъ въ составѣ около 4250 чел. [1]), при 18 орудiяхъ, и 2090 киргизскихъ возчиковъ и верблюдовожатыхъ.

Въ концѣ мѣсяца выступилъ въ степь первый небольшой эшелонъ отряда при 4 орудiяхъ, съ провiантскимъ транспортомъ, а 14-го ноября началось выступленiе въ походъ и главныхъ силъ, четырьмя послѣдовательными колоннами. По соединенiи ихъ на р. Илекѣ, отрядъ двинулся къ Эмбенскому посту, раздѣленный также

[1]) Здѣсь показаны только строевые нижнiе чины; кромѣ того, при отрядѣ состояло 12 ниж. чин. саперной и ракетной командъ, везлись понтоны, разборныя лодки и будары, для управленiя которыми командированы 64 гурьевскiе казака. Въ гарнизонахъ степныхъ укрѣпленiй находилось: въ Эмбенскомъ 634 ч., а въ Чушка-кульскомъ—399 ч., послѣднiй долженъ былъ впослѣдствiи присоединиться къ главному отряду. См. дѣло гос. арх., № 1209, строевую записку Перовскаго о числѣ отряда, а также *Иванина* «Описанiе зимняго похода въ Хиву», стр. 61, 78 и 205—208.

на четыре колонны, но слѣдовавшія на близкомъ другъ отъ друга разстояніи. Не смотря на снабженіе людей всѣмъ необходимымъ для зимняго похода, движеніе было чрезвычайно трудное, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и выпавшаго глубокаго снѣга, въ которомъ вязла пѣхота, такъ какъ вся она не могла быть посажена на верблюдовъ, какъ предполагалось вначалѣ; особенно замедлялось движеніе слабостью верблюдовъ и трудностью слѣдованія тяжелыхъ орудій. Тѣмъ не менѣе, отрядъ благополучно достигъ, 19-го декабря, Эмбенскаго укрѣпленія, не имѣя серьезно пострадавшихъ отъ мороза людей, но потерявъ до 3000 верблюдовъ.

Между тѣмъ, Аллахъ-Кули-ханъ, убѣдившись въ безуспѣшности своей попытки взволновать нашихъ киргизовъ и лишить отрядъ перевозочныхъ средствъ, воспользовался представившимся ему удобнымъ случаемъ, чтобы обратиться къ содѣйствію иноземной поддержки [1]), а пока выслалъ свои шайки на встрѣчу русскимъ, черезъ Устюртъ. Одна изъ этихъ шаекъ остановила въ «Большихъ Барсукахъ» слѣдовавшее въ Бухару посольство наше [2]), состоявшее изъ капитана Ковалевскаго (бывшаго впослѣдствіи директоромъ Азіятскаго Департамента) и штабсъ-капитана Гернгроса, которые спаслись отъ плѣна только благодаря скрытному бѣгству; затѣмъ, хивинцы, въ числѣ до трехъ тысячъ чел., произвели два нападенія на русскія войска одно на Чукшакульское укрѣпленіе, гдѣ, изъ числа гарнизона, здоровыхъ людей находилось всего 130 ч., а другое—на подходившій къ нему небольшой отрядъ въ 210 чел.; но въ обоихъ случаяхъ непріятель былъ отбитъ съ урономъ, и на обратномъ пути большая часть его погибла отъ холода [3]).

---

[1]) Англійскій политическій агентъ въ Гератѣ, маіоръ Тодъ, лѣтомъ 1839 года, отправилъ къ хивинскому хану письмо, съ предложеніемъ британской дружбы. Въ отвѣтъ на такую предупредительность, Аллахъ-Кули, угрожаемый русскимъ нашествіемъ, поспѣшилъ снарядить въ Гератъ своего посланца, Шукуръ-Уллу, съ порученіемъ къ остъ-индскому правительству. Въ письмѣ, привезенномъ этимъ посланцемъ, ханъ съ удовольствіемъ принималъ предлагаемую ему дружбу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая, вѣроятно, испытать ее, обращался «съ нѣкоторыми просьбами, удовлетвореніе которыхъ Тодъ не могъ взять на свою отвѣтственность». (См. объ этомъ у *James Abbott*: Narrative of a journey from Heraut to Khiva».

[2]) Посольство это отправлено было по просьбѣ бухарскаго эмира, выразившаго чрезъ посланца своего Балта-Кули-бека (бывшаго въ Петербургѣ въ 1838 г.) желаніе о присылкѣ къ нему горнаго инженера, для поисковъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Задержанные хивинцами и видя, что имъ не избѣжать плѣна, Ковалевскій и Гернгросъ, съ 8 другими чинами посольства, бросили все свое имущество и подарки эмиру, и въ ноябрьскую ночь, при страшномъ буранѣ, пустились бѣжать къ Чушка-кульскому укрѣпленію, котораго и достигли благополучно, сдѣлавъ въ двое съ половиною сутокъ около 300 верстъ (*Залѣсовъ*: «Очеркъ дипломат. сношенія съ Бухарой», Воен. Сборн. т. XXVII, стр. 9 и 10, и у *Иванина* loc. c. стр. 122).

[3]) См. показанія афганцевъ и туркменъ, сопровождавшихъ капит. Аббота изъ Хивы въ Ново-Александровское укрѣпленіе, у *Галкина* «Матеріалы по Средней Азіи», стр. 255, 256 и 258.

Эти двѣ встрѣчи съ ничтожною горстью русскихъ показали непріятелю, что онъ не въ силахъ противиться наступленію, и онъ уже болѣе не появлялся. Путь къ Хивѣ казался открытымъ. Но тутъ на помощь ей выступили на сцену новые союзники, участіе которыхъ не было принято въ разсчетъ составителями плана экспедиціи: жестокая зима и болѣзни уже начали свое разрушительное дѣло.

Простоявъ около двухъ недѣль въ Эмбенскомъ укрѣпленіи, отрядъ генерала Перовскаго двинулся къ Чушка-кулю, взявъ съ собою двухмѣсячный запасъ продовольствія и фуража [1]). 160-ти верстный переходъ этотъ, по причинѣ сильныхъ булановъ и все болѣе глубокаго снѣга, сопряженъ былъ съ неимовѣрными трудностями, такъ-что бывали дни, когда колонны не могли сдѣлать болѣе пяти верстъ; верблюды падали во множествѣ отъ усталости и недостатка подножнаго корма, занесеннаго промерзшимъ толстымъ слоемъ снѣга. Когда, къ 1 февралю 1840 года, весь отрядъ сосредоточился на Чушка-кулѣ, у него оставалось лишь съ небольшимъ 5000 верблюдовъ, и то большею частью изнуренныхъ, съ отмороженными ногами.

Здоровье войскъ внушало также серьезныя опасенія: между людьми развились цынга, горячки и глазныя болѣзни, такъ-что, одно время, въ строю находилось не болѣе двухъ тысячъ челов.; одни уральскіе казаки, какъ болѣе привычные къ лишеніямъ степныхъ походовъ, оказались въ хорошемъ состояніи. При такихъ обстоятельствахъ, и убѣдившись, изъ произведенной рекогносцировки, что впереди, къ Устюрту, снѣга еще глубже, что на оставшихся слабосильныхъ верблюдахъ нельзя поднять необходимое до Хивы продовольствіе и больныхъ, — генералъ-адъютантъ Перовскій, скрѣпя сердце, рѣшилъ отдать приказъ о возвращеніи отряда на линію. Въ первыхъ числахъ февраля войска двинулись въ обратный путь и къ половинѣ мѣсяца прибыли въ лагерь на р. Темирѣ, въ окрестностяхъ Эмбенскаго поста, избранный въ виду лучшихъ гигіеническихъ и хозяйственныхъ его условій. Здѣсь отрядъ простоялъ два мѣсяца для поправленія здоровья людей, выжидая наступленія

---

[1]) Отправленный изъ Астрахани, на судахъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе двухмѣсячный запасъ продовольствія не дошелъ по назначенію, такъ такъ суда были затерты льдомъ и нѣкоторыя изъ нихъ сожжены хивинцами и адаевцами, которые при томъ разграбили кочевавшихъ близъ укрѣпленія киргизовъ за содѣйствіе русскимъ; впрочемъ часть продовольствія была спасена и выгружена. Впослѣдствіи адаевцы, по наущенію хивинцевъ, захватили корнета Аитова, шедшаго съ собранными имъ верблюдами, отъ Каспійскихъ береговъ къ Эмбенскому посту, и связаннаго отправили въ Хиву. Они вскорѣ были сильно наказаны за это высланнымъ противъ нихъ казачьимъ отрядомъ.

болѣе теплаго времени и сбора верблюдовъ подъ перевозку войсковыхъ тяжестей и оставшагося еще въ Эмбенскомъ укрѣпленіи значительнаго количества провіанта. Къ 1-му апрѣля, изъ всего числа верблюдовъ, выступившихъ съ отрядомъ въ походъ, осталось въ живыхъ менѣе полуторы тысячи.

Императоръ Николай, получивъ донесеніе генерала Перовскаго о неутѣшномъ исходѣ экспедиціи, повелѣлъ приступить къ приготовленіямъ для новаго похода [1]). Между тѣмъ, отрядъ, съ наступленіемъ весны, сталъ еще болѣе страдать отъ болѣзней и преимущественно отъ цынги; чтобы ослабить ея дѣйствіе, необходимо было спѣшить возвращеніемъ отряда на линію. По сборѣ нужнаго числа верблюдовъ и прибытіи изъ Оренбурга подводъ для перевозки больныхъ, войска тронулись въ путь и въ началѣ іюня возвратились въ свои квартиры; съ приближеніемъ къ линіи, болѣзненность начала, дѣйствительно, уменьшаться, такъ-что больныхъ въ лазаретѣ было всего около 650 чел. Во время почти восьмимѣсячнаго пребыванія въ степи, экспедиціонный отрядъ лишился умершими 1054 чел., потерялъ до 10,000 верблюдовъ и, на обратномъ переходѣ отъ Чушка-куля къ Эмбѣ, долженъ былъ бросить и истребить значительные запасы продовольствія; кромѣ того, при перевозкѣ провіанта, передъ походомъ, въ оба степныя укрѣпленія, пало слишкомъ 8000 лошадей.

Такъ кончился этотъ походъ, вызвавшій со стороны войскъ проявленіе высокихъ качествъ непоколебимой дисциплины при самыхъ жестокихъ лишеніяхъ, но и вселившій во многихъ убѣжденіе въ невозможности дойти съ отрядомъ до Хивы,—убѣжденіе, блистательно теперь опровергнутое историческимъ событіемъ, которому посвященъ настоящій трудъ. Не останавливаясь на разныхъ причинахъ неудачи похода 1839 года, можно признать главною изъ нихъ неправильный выборъ времени года, основанный на ложныхъ взглядахъ на условія зимняго движенія по безлѣсной и безкормной степи, при морозахъ съ средней температурой въ 18° по Реомюру.

---

[1]) Прибывъ въ Петербургъ генералъ Перовскій, въ іюнѣ 1840 г., представилъ свои предположенія «о вторичномъ походѣ на Хиву». Силу дѣйствующаго отряда онъ полагалъ довести до $9^1/_2$ тысячъ чел., а всѣ тяжести и продовольствіе поднять на 17,000 верблюдахъ, пріобрѣтенныхъ покупкою, а не наймомъ; продовольствія въ разныхъ пунктахъ должно было быть заготовлено на годъ. Выступленіе отряда Перовскій думалъ произвести изъ нѣсколькихъ пунктовъ линіи, а возвратиться изъ Хивы на Ново-Александровское укрѣпленіе. Несмотря на опытъ минувшаго похода, онъ все таки признавалъ удобнымъ пройти пространство до Устюрта *позднею осенью* и подняться на плоскую возвышенность съ выпаденіемъ снѣга, находя особенно важнымъ застать еще въ Хивѣ зиму, для облегченія перехода по болотистымъ мѣстностямъ и каналамъ ханства. Всѣ издержки экспедиціи разсчитаны были въ 2.689,225 руб. сер.

Но походъ этотъ послужилъ намъ важнымъ урокомъ для будущихъ предпріятій подобнаго рода, и хотя, съ военной точки зрѣнія, онъ не увѣнчался успѣхомъ, однако, въ политическомъ отношеніи, привелъ къ достиженію той цѣли, съ которой предпринята была экспедиція къ Хивѣ [1]).

Еще во время стоянки отряда на р. Темирѣ, 19 апрѣля, прибыли къ нему хивинскіе посланцы съ заявленіемъ, что ханъ готовъ исполнить требованія Россіи. Такая уступчивость со стороны Аллаха-Кули вызвана была, главнымъ образомъ, дошедшимъ до него извѣстіемъ о приготовленіяхъ къ новому противъ него походу и все болѣе усиливавшимся упадкомъ хивинской торговли. Къ тому же, вѣроятно, не остались на него безъ вліянія и доводы находившихся въ то время въ Хивѣ иностранныхъ агентовъ.

Выше мы видѣли, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на англо-индійское правительство одинъ только слухъ о готовившемся походѣ русскихъ на Хиву. Опасаясь, что движеніе Россіи поведетъ за собою, прямо или косвенно, уничтоженіе политической независимости узбекскихъ владѣній Средней Азіи и тѣмъ будетъ угрожать Индіи, британскіе политики, съ лихорадочною непослѣдовательностью, хватаются то за одну, то за другую мѣру, способную, по ихъ мнѣнію, предотвратить подобное бѣдствіе. Послѣ разныхъ плановъ о присоединеніи къ Афганистану (бывшему тогда въ рукахъ англичанъ) Герата и мелкихъ ханствъ по южную сторону Аму-дарьи, объ экспедиціи противъ Бухары, для наказанія эмира за его оскорбительное обращеніе съ полковникомъ Стоддартомъ, и, главное, чтобы предупредить установленіе тамъ русской власти или вліянія,—остъ-индское правительство рѣшилось, наконецъ, послать своихъ агентовъ въ Хиву и Коканъ [2]). Изъ вышеизложеннаго можно догадываться, въ чемъ заключалась миссія ихъ; британскимъ агентамъ поручалось также утвердить въ правителяхъ этихъ ханствъ вѣрное понятіе о политикѣ и могуществѣ Англіи въ Европѣ и Азіи и убѣдить ихъ въ необходимости, подъ условіемъ взаимной поруки, воздерживаться отъ всякихъ непріятныхъ для Россіи поступковъ, чтобы не дать этой державѣ поводовъ къ посян-

---

[1]) Матеріалами для изложенія похода противъ Хивы въ 1839—1840 годахъ служили относящіяся къ нему дѣла бывшаго Департамента генеральн. штаба и государств. архива, а также соч. *Иванина*: «Описаніе зимняго похода въ Хиву», Спб. 1874 г.

[2]) Предполагалось также отправить съ предложеніемъ посредничества къ генералу Перовскому сперва Борнса, а когда послѣдній неохотно отозвался на это порученіе, то маіора Уил. Ролинсона и капитана Коноллн; но полученное вслѣдъ за тѣмъ извѣстіе о неудачномъ исходѣ русской экспедиціи разстроило это намѣреніе. См. *Kaye*, loc. cit. 1851, vol. I, pp. 512 and 538.

гательству на ихъ независимость. Съ 1838 года находился уже въ Бухарѣ полковникъ Стоддартъ, котораго эмиръ Насръ-Улла держалъ въ заточеніи; въ концѣ слѣдующаго года отправленъ былъ въ Хиву капитанъ Абботъ, а въ 1840 году за нимъ направились туда же капитаны Шекспиръ и Артуръ Конолли; изъ послѣднихъ второй посѣтилъ потомъ Коканъ и на обратномъ пути былъ задержанъ въ Бухарѣ, гдѣ раздѣлилъ тяжкую участь Стоддарта, съ тѣмъ, чтобы, въ іюнѣ 1842 года, пасть вмѣстѣ съ нимъ подъ ножемъ палачей кровожаднаго Насръ-Уллы [1]).

Всѣ эти миссіи британскихъ агентовъ въ Средней Азіи вовсе не принесли ожидавшихся отъ нихъ результатовъ и уже никакъ не способствовали утвержденію въ узбекскихъ ханствахъ высокаго мнѣнія о могуществѣ Англіи. Абботъ далеко не встрѣтилъ дружелюбнаго пріема со стороны врага нашего Аллаха-Кули, не смотря на то, что англійскій офицеръ предлагалъ хану закрыть русскимъ навсегда доступъ въ его владѣнія, за что обѣщалъ ему заключеніе наступательнаго и оборонительнаго союза съ Великобританіей [2]). Слѣдовавшій за Абботомъ Шекспиръ прибылъ въ Хиву уже въ то время, когда ханъ, напуганный нашими приготовленіями къ новому противъ него походу, заявилъ о своемъ желаніи исполнить всѣ требованія Россіи. 18-го іюля 1840 года Аллахъ-Кули обнародовалъ манифестъ, которымъ запрещалъ своимъ подданнымъ, подъ страхомъ наказанія, дѣлать набѣги на русскія владѣнія и покупать нашихъ плѣнныхъ, объявляя, что онъ ищетъ высокой дружбы Россійскаго Императора [3]). Поэтому Шекспиръ, если только порученіе его ограничивалось исключительно ходатайствомъ объ освобожденіи русскихъ плѣнныхъ, нашелъ въ Хивѣ уже вполнѣ готовую для этого почву. Вслѣдъ за обнародованіемъ упомянутаго фирмана, ханъ освободилъ бывшихъ у него лично и у его подданныхъ нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ и корнета Аитова, захваченнаго киргизами, во время слѣдованія его, съ собранными верблюдами, къ отряду генерала Перовскаго. Отправивъ Аитова прямо въ Оренбургъ, съ извѣстіемъ объ исполненіи требованій нашего правительства, Аллахъ-Кули снарядилъ въ путь 418 чел. бывшихъ русскихъ плѣнниковъ, снабдилъ ихъ деньгами и продовольствіемъ и

---

[1]) Весьма интересныя данныя объ англійсшой политикѣ въ отношеніи Россіи во время хивинскаго похода 1839—1840 г. можно найти у *Kaye*, loc. c., vol. I, въ главѣ «The grat game in Central Asia»; у него же во II части, стр. 502—528, любопытныя подробности о пребываніи Стоддарта и Конолли въ Бухарѣ.

[2]) *Rawlinson*: «Englund and Russia in the East», pp. 153 and 154.

[3]) *Зальсовъ*: «Посольство Никифорова». Военный Сборникъ, т. XXII, стр. 46.

отпустилъ ихъ, вмѣстѣ съ Шекспиромъ, въ Ново-Александровское укрѣпленіе, куда они прибыли въ концѣ августа 1840 года [1]).

Одновременно съ освобожденными плѣнными отправленъ былъ въ Оренбургъ и хивинскій посланецъ Ата-Ніязъ съ просьбою о возстановленіи пріязненныхъ и торговыхъ сношеній съ Россіею и о наначеніи въ Хиву постояннаго русскаго агента. Такъ какъ главное требованіе наше—освобожденіе плѣнныхъ—было исполнено ханомъ, то императоръ Николай повелѣлъ прекратить приготовленія къ новому походу на Хиву, отпустить на родину арестованныхъ хивинскихъ купцовъ, возвративъ имъ ихъ товары, и допустить посланца Аллахъ-Кули-хана въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало разрѣшеніе возобновить торговлю съ Хивой, и въ томъ же 1840 году туда отправилось нѣсколько русскихъ купцовъ съ товарами; они были приняты ханомъ съ большимъ радушіемъ, и, взамѣнъ прежнихъ 10%, пошлина съ привезенныхъ ими товаровъ взыскана была въ размѣрѣ всего $2^1/_2$ проц. дѣйствительной ихъ стоимости.

Такая перемѣна въ отношеніяхъ къ намъ хивинскаго хана, обѣщавшая, повидимому, успѣхъ въ стараніяхъ нашихъ устранить всякія несогласія съ Хивою и обезопасить русскую торговлю въ Средней Азіи, побудила правительство воспользоваться благопріятною минутою, чтобы, посредствомъ переговоровъ, окончательно установить условія мирныхъ отношеній къ этому ханству. Съ другой стороны, на случай возможной неудачи въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ дипломатическимъ путемъ и необходимости прибѣгнуть вновь къ вооруженному давленію, полезно было заручиться болѣе точными свѣдѣніями о новыхъ путяхъ къ Хивѣ и объ ея военныхъ и экономическихъ средствахъ. Съ этою цѣлью, въ концѣ 1840 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи въ Хиву, для переговоровъ о мирномъ соглашеніи, генеральнаго штаба капитана Никифорова [2]), съ которымъ долженъ былъ вернуться на родину и хивинскій посланецъ Ата-Ніязъ.

---

[1]) Тамъ же. См. также показанія афганца Худай-берды, сопровождавшаго Шекспира и хивинскаго посланца съ освобожденными плѣнными (*Галкинъ*, loc. c. стр. 262). и у *Иванина* loc. c. стр. 157. Насколько доводы британскаго агента имѣли вліянія въ освобожденіи нашихъ соотечественниковъ изъ Хивы, рѣшить, конечно трудно; но что Шекспиръ дѣйствительно хлопоталъ объ этомъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, во-первыхъ потому, что это дѣлалось не столько въ интересахъ Россіи, сколько самой Англіи, и, во-вторыхъ изъ показанія авганца видно, что на путевые расходы отпущенныхъ плѣнныхъ ханъ выдалъ деньги именно ему, и Шекспиръ-же наблюдалъ въ дорогѣ за здоровьемъ и порядкомъ слѣдованія партіи. Если бы показаніе это было преднамѣренно ложно, то оно могло быть опровергнуто самими бывшими плѣнными.

[2]) Еще передъ назначеніемъ капитана Никифорова, генералъ-адъютантъ Перовскій представилъ соображенія объ отправленіи въ 1841 году временныхъ, а

Предъ отправленіемъ, Никифорову вручены были: Высочайшая грамота и письмо вице-канцлера къ Аллахъ-Кулихану, а также двѣ подробныя инструкціи отъ министерства иностранныхъ дѣлъ и оренбургскаго военнаго губернатора касательно возлагаемаго на нашего агента дипломатическаго порученія.

Инструкція графа Нессельроде заключала въ себѣ слѣдующія главныя основанія для установленія добрыхъ и прочныхъ отношеній между Россіей и хивинскимъ ханствомъ: 1) уничтоженіе рабства и захвата въ плѣнъ русскихъ, а также обезпеченіе личности и имущества ихъ во владѣніяхъ хана; 2) ограниченіе незаконнаго вліянія Хивы на подданныхъ Россіи кочевниковъ; по поводу этой статьи, хотя Никифорову и вмѣнялось уклоняться отъ положительныхъ объясненій на счетъ границы нашихъ владѣній въ степи, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражено было, что правительство не встрѣчаетъ неудобства признать за хивинскимъ ханомъ право управленія тѣми племенами, которыя кочуютъ къ югу отъ Сыръ-дарьи и параллели Ново-Александровскаго укрѣпленія; затѣмъ уже «всякія неблагонамѣренныя сношенія» Хивы съ кочевниками къ сѣверу отъ этой условной границы должны, конечно, прекратиться. Наконецъ, третье условіе состояло: въ правѣ свободной торговли и безпрепятственныхъ разъѣздовъ русскихъ купцовъ по хивинскимъ владѣніямъ; въ установленіи необременительной пошлины (не выше 3 или 5% съ привозимыхъ нашихъ товаровъ, при участіи русскаго чиновника; въ обезпеченіи безопасности торговли какъ съ Хивой, такъ и съ другими сосѣдними владѣніями, и въ срытіи укрѣпленій на Сыръ-дарьѣ.

Въ случаѣ благопріятнаго исхода переговоровъ, Никифорову поручалось оставить въ Хивѣ русскимъ агентомъ поручика Аитова и склонить хана къ составленію обязательнаго акта или мирнаго договора; въ крайности же удовлетвориться включеніемъ постановленныхъ на переговорахъ условій въ письмо, которое долженъ былъ отправить ханъ на имя Государя Императора. Если бы, наконецъ, не смотря на всѣ старанія агента, предложенія наши встрѣтили дурной пріемъ со стороны хивинцевъ и нельзя было разсчитывать на перемѣну къ лучшему, то ему предписывалось, безъ всякихъ переговоровъ, возвратиться обратно [1]).

потомъ и постоянныхъ нашихъ агентовъ въ Бухару, Хиву и Коканъ. Временными агентами предназначались: въ Бухару горный офицеръ (туда и былъ посланъ маіоръ Бутеневъ), а въ Коканъ и Хиву — офицеры генеральнаго штаба. Содержаніе временныхъ агентовъ исчислено было въ 32.000 р., а постоянныхъ — въ 21.000 р. сер. См. *Залѣсовъ*: «Посольство въ Хиву» и пр., стр. 47.

[1]) Заключительныя слова инструкціи вице-канцлера Никифорову были слѣдующія: «Главная цѣль посылки вашей есть не столько пріобрѣтеніе вещественныхъ выгодъ для Россіи, какъ упроченіе довѣрія къ ней Хивы, и этою цѣлью вы

Въ инструкціи Перовскаго развивались тѣ же общія основанія, однако съ нѣкоторыми отступленіями; такъ, напримѣръ, онъ требовалъ: чтобы Хива признала все восточное побережье Каспійскаго моря до устья р. Гюргеня достояніемъ Россіи; чтобы пошлина съ ввозимыхъ товаровъ не превышала $2\frac{10}{20}$ дѣйствительной ихъ цѣны, въ какомъ размѣрѣ она и была взыскана съ нашихъ приказчиковъ въ 1840 году; въ случаѣ несогласія хана на уничтоженіе сыръ-дарьинскихъ крѣпостей, добиваться отмѣны пошлиннаго сбора на р. Сырѣ, и относительно появленія, на будущее время, въ нашей степи хивинскихъ эмиссаровъ, объявить, частнымъ образомъ, хану, что таковые будутъ предаваться смертной казни, какъ возмутители. Наконецъ, Перовскій особенно настаивалъ на заключеніи съ ханомъ письменнаго акта.

Кромѣ этого, чисто политическаго порученія, на обязанность миссіи Никифорова возложено было собрать военнотопографическія и стратегическія данныя о хивинскомъ ханствѣ.

Посольство капитана Никифорова, состоявшее, кромѣ него, изъ поручика Аитова, двухъ топографовъ и конвоя изъ 12 казаковъ съ нѣсколькими киргизами, отправилось въ путь весною 1841 года, одновременно съ миссіею горнаго инженеръ-маіора Бутенева, командированнаго въ Бухару взамѣнъ несостоявшагося посольства Ковалевскаго. Обѣ миссіи сопровождалъ до Сыръ-дарьи особый рекогносцировочный отрядъ изъ 4-хъ уральскихъ сотенъ и ста человѣкъ пѣхоты, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Бларамберга.

Переправившись близь самаго устья р. Сыра, Никифоровъ и его спутники, производя по дорогѣ съемку, слѣдовали вдоль праваго берега Аральскаго моря и прибыли въ Хиву 9-го августа. Черезъ день Аллахъ-Кули радушно принялъ наше посольство и затѣмъ весьма часто приглашалъ къ себѣ для бесѣдъ капитана Никифорова, живо интересуясь политическими отношеніями Европы и въ особенности Россіи и Англіи. Но въ переговорахъ съ нашимъ агентомъ ханъ сразу заявилъ невозможныя претензіи на срытіе Ново-Александровскаго укрѣпленія и на признаніе сѣверною границею его владѣній рр. Эмбы, Иргиза и Тургая. Никифоровъ, державшій себя вообще, въ сношеніяхъ съ ханомъ и его совѣтниками, съ гордымъ достоинствомъ, горячо оспаривалъ домогательства Аллаха-Кули и, обыкновенно, къ концу совѣщанія, успѣвалъ убѣждать хана въ несправедливости

должны руководствоваться во всѣхъ поступкахъ вашихъ, какъ важнѣйшимъ условіемъ для будущаго политическаго вліянія Россіи на сосѣдственныя съ нею ханства Средней Азіи». См. предписаніе графа Нессельроде отъ 19 февраля 1841 года, № 446.

его требованій; однако, при слѣдующемъ свиданіи, ему приходилось вновь выслушивать ихъ и опять тратить время и усилія на ихъ опроверженіе. Относительно размѣра пошлинъ съ товаровъ ханъ заявилъ, что не можетъ измѣнить религіознаго закона, по которому зякетъ съ иновѣрцевъ долженъ взыскиваться вдвое противъ магометанъ, т. е. въ размѣрѣ 5% съ цѣны товаровъ, но соглашался, взамѣнъ зякета, установить впослѣдствіи особый пошлинный сборъ, примѣнительно къ русскимъ таможеннымъ постановленіямъ.

Несмотря на частыя препирательства съ ханомъ, которому Никифоровъ высказывалъ подчасъ не совсѣмъ пріятныя его «падишахскому» тщеславію вещи, личныя отношенія ихъ оставались все время дружественными. Миссія наша пользовалась даже небывалою до того свободою въ своихъ дѣйствіяхъ; такъ, Никифоровъ нерѣдко измѣрялъ улицы, снималъ планы, а топографъ, съ состоявшимъ при посольствѣ оренбургскимъ купцомъ Дѣевымъ, разъѣзжалъ по хивинскимъ городамъ и снималъ путевые маршруты.

Прошелъ уже мѣсяцъ со времени прибытія миссіи въ Хиву, а между тѣмъ переговоры не подвигались ни на шагъ. Съ особеннымъ упрямствомъ отстаивалъ ханъ принадлежащее, будто бы, ему право собирать зякетъ съ подвластныхъ намъ киргизовъ и не соглашался на установленіе предложенной русскимъ правительствомъ условной границы въ степи, опасаясь, что въ этомъ случаѣ Россія возведетъ свои крѣпости слишкомъ близко къ предѣламъ Хивы.

Уклончивость Аллахъ-Кули-хана, то соглашавшагося съ доводами нашего агента, то заявлявшаго, на другой день, еще большія притязанія, а также недоброжелательство важнѣйшихъ хивинскихъ сановниковъ, въ отношеніи которыхъ Никифоровъ не соблюдалъ всѣхъ тонкостей азіятской вѣжливости,—все это крайне разстроивало его, тѣмъ болѣе, что онъ уже тогда страдалъ отъ недуга, который вскорѣ свелъ его въ могилу.

Наконецъ, потерявъ надежду убѣдить хана къ принятію нашихъ предложеній, Никифоровъ прибѣгъ къ болѣе рѣшительному тону. Онъ явился къ Аллаху-Кули и, въ присутствіи главнѣйшихъ его совѣтниковъ, вручилъ ему декларацію, въ которой, именемъ оренбургскаго губернатора, объявилъ, что всякій хивинскій подданный, посланный для сбора податей съ киргизовъ, кочующихъ къ сѣверу отъ р. Сыра, на сѣверныхъ частяхъ Устюрта и близь Каспійскаго моря, будетъ схваченъ и преданъ смерти; точно также будетъ поступлено и съ хивинцами, являющимися въ подданные намъ киргизскіе аулы, для нарушенія ихъ спокойствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Никифоровъ заявилъ хану, что будетъ ли Хива находиться въ дружбѣ съ Россіей

или нѣтъ, во всякомъ случаѣ мѣры, объявленныя ему въ деклараціи, будутъ приводиться въ исполненіе, и что теперь условія Россіи предлагаются хану въ послѣдній разъ. Окончивъ свою рѣчь, агентъ нашъ передалъ Аллаху-Кули проектъ мирнаго договора и потребовалъ, въ случаѣ несогласія на этотъ актъ, дозволенія возвратиться въ Россію.

Такой смѣлый и непривычный для необузданнаго деспота поступокъ русскаго агента поколебалъ, по-видимому, упрямство хана, который упрашивалъ Никифорова не торопиться отъѣздомъ и приглашалъ его съ собою на охоту; но физическія страданія энергическаго агента не дозволили ему воспользоваться этимъ приглашеніемъ, а когда ханъ черезъ мѣсяцъ вернулся въ Хиву, то впечатлѣніе грозной рѣчи русскаго офицера успѣло изгладиться, и ханъ, въ аудіенціи, данной Никифорову, заявилъ уже, что признаетъ границею Россіи р. Уралъ. На это Никифорову пришлось отвѣчать новыми возраженіями [1]) и требованіями, которыя привели лишь къ тому, что Аллахъ-Кули обѣщалъ еще разъ обсудить сдѣланныя ему русскимъ правительствомъ предложенія; ханъ согласился только на одно изъ нихъ: назначеніе поручика Аитова постояннымъ агентомъ въ Хивѣ.

Этимъ собственно и окончилась миссія Никифорова, и хотя, послѣ того, еще цѣлый мѣсяцъ продолжались разныя совѣщанія съ хивинскими сановниками, старавшимися убѣдить нашего агента въ томъ, что киргизы не могутъ считаться русскими подданными, однако ханъ, подъ вліяніемъ своихъ приближенныхъ, уже рѣшилъ не давать Никифорову окончательнаго отвѣта, а отправить отъ себя въ Россію посланцевъ съ новыми условіями. Вскорѣ затѣмъ всенародно объявлено было въ Хивѣ, что ханъ не хочетъ слушать предложеній ни оренбургскаго военнаго губернатора, ни русскаго агента. Тогда Никифоровъ прервалъ переговоры съ Аллахомъ-Кули, который все-таки простился съ нашимъ посольствомъ ласково и одарилъ его, и 27-го октября выступилъ изъ Хивы въ обратный путь, черезъ Устюртъ, къ Сарайчиковской крѣпости, куда прибылъ въ первыхъ числахъ декабря [2]). Съ Никифоровымъ отправились семь чел. освобожденныхъ плѣнныхъ и два хивинскіе посланца. Оставшійся же агентомъ въ Хивѣ Аитовъ, которому, между прочимъ, поручено было проѣхать оттуда въ Бухару и Коканъ, получилъ,

---

[1]) Между прочимъ, въ разговорѣ съ ханомъ, Никифоровъ сказалъ ему: «Если Государь Императоръ изволитъ признать нужнымъ занять правый берегъ Сыра, то вашему высокостепенству Сыръ-дарьи не видать».

[2]) На пути въ Петербургъ капитанъ Никифоровъ серьезно заболѣлъ и умеръ въ январѣ 1842 года, не доѣхавъ до столицы.

черезъ день послѣ отъѣзда Никифорова, приказаніе отъ хана выѣхать изъ его владѣній; онъ, дѣйствительно, оставилъ Хиву и возвратился въ Оренбургъ [1]).

Миссія Никифорова не имѣла успѣха, во-первыхъ потому, что агентъ нашъ слишкомъ энергично настаивалъ на признаніи Аллахомъ-Кули опредѣленной границы въ киргизскихъ степяхъ, тогда какъ инструкція вице-канцлера совѣтовала, напротивъ, уклоняться отъ положительныхъ объясненій по этому предмету, не разсчитывая, вѣроятно, на благопріятный исходъ ихъ. Съ другой стороны, и ханъ, подобно своимъ предшественникамъ, находившій величайшую славу и выгоду для себя въ грабежѣ сосѣднихъ народовъ, не могъ, разумѣется, отказаться отъ права собирать, гдѣ можно, съ киргизовъ подати и высылать въ степь шайки для грабежа; наконецъ, еслибы ханъ и согласился признать предложенную нами границу, подтвердивъ даже свое согласіе письменнымъ договоромъ, то и тогда, безъ принятія болѣе дѣйствительныхъ средствъ, невозможно было бы разсчитывать на невмѣшательство Хивы въ киргизскія дѣла. Послѣдующій тридцатилѣтній опытъ служитъ тому подтвержденіемъ.

Заявляя Никифорову свои права на всѣхъ киргизовъ, кочующихъ къ югу отъ Эмбы и Иргиза, Аллахъ-Кули соглашался, однако, на словахъ сдѣлать уступку въ отношеніи торговыхъ пошлинъ, и желая, вѣроятно, ослабить непріятное впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на русское правительство исходъ переговоровъ 1841 года, поручилъ своимъ посланцамъ Эвайзъ-Ніязу и Ишъ-Ніязу заключить съ Россіею актъ на условіяхъ, предложенныхъ Никифоровымъ, за исключеніемъ вопроса о границѣ. Относительно послѣдняго посланцамъ приказано было войти съ особымъ ходатайствомъ къ высшему правительству. Въ письмахъ же хана къ Государю Императору и къ вице-канцлеру, кромѣ обыкновенныхъ выраженій дружбы, ни о чемъ другомъ не упоминалось, и даже тонъ ихъ показывалъ какъ бы снисходительность Аллаха-Кули къ нашему желанію поддерживать съ нимъ добрыя отношенія.

Тѣмъ не менѣе, правительство сочло возможнымъ воспользоваться заявленіемъ хивинскихъ посланцевъ о готовности хана заключить съ нами договоръ и, для окончанія начатыхъ переговоровъ, назначило агентомъ въ Хиву состоявшаго при генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, для особыхъ порученій, подполковника Данилевскаго.

---

[1]) Подробности о посольствѣ нашемъ въ Хиву въ 1841 году заимствованы изъ статьи г. *Залѣсова* (въ Воен. Сборникѣ», т. XXII, стр. 41—92), составленной по оффиціальнымъ источникамъ.

Въ составъ его миссіи, кромѣ переводчика и письмоводителя, вошли: естествоиспытатель Базинеръ, два топографа и конвой въ 20 казаковъ.

Инструкція, которою снабженъ былъ Данилевскій отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, мало чѣмъ разнилась отъ вышеприведенной инструкціи Никифорову. Она, такъ же, какъ и послѣдняя, ставила главною задачею агента укрѣпленіе хивинскаго хана въ довѣріи къ безкорыстнымъ цѣлямъ Россіи и утвержденіе въ Хивѣ нашего нравственнаго вліянія; далѣе, поручалось выхлопотать установленіе постоянной пошлины, не болѣе 5%, съ ввозимыхъ въ ханство нашихъ товаровъ. Наконецъ, относительно самаго щекотливаго предмета — разграниченія сферы русскаго и хивинскаго вліянія въ киргизской степи, инструкція находила болѣе осторожнымъ не касаться его, впредь до благопріятнаго случая; тѣмъ не менѣе, и Данилевскому, точно такъ же, какъ его предшественнику въ Хивѣ, предоставлялось право, при удобныхъ къ тому обстоятельствахъ, опредѣлить нашу границу въ степи по сѣверному чинку Устюрта, сѣвернымъ берегамъ Аральскаго моря и по р. Сыру [1]).

Сверхъ этого порученія, на подполковника Данилевскаго возложено было уговорить хивинскаго хана освободить хотя часть находившихся въ его владѣніяхъ персидскихъ плѣнныхъ, о чемъ шахъ просилъ наше правительство; съ этою же цѣлью, по настоянію петербургскаго и лондонскаго кабинетовъ, отправленъ былъ въ Хиву персидскій посланникъ съ чиновникомъ англійской миссіи въ Тегеранѣ, Томсономъ.

Въ инструкціи Данилевскому, касавшейся этого послѣдняго предмета, между прочимъ, указывалось, что англійскому агенту поручено «исключительно» стараться объ освобожденіи персидскихъ невольниковъ, и потому, предлагая нашей миссіи относиться къ Томсону дружественно и содѣйствовать ему въ достиженіи цѣли его командировки, вице-канцлеръ особенно настаивалъ, чтобы Данилевскій, ни подъ какимъ видомъ, не допускалъ англійскаго чиновника вмѣшиваться въ наши дѣла съ Хивой, такъ какъ «государь императоръ не желаетъ имѣть посредниковъ въ дѣлахъ, касающихся собственно до Россійской имперіи» [2]).

Данилевскій, вмѣстѣ съ своими спутниками и обоими хивинскими посланцами, выѣхалъ, 1-го августа 1842 года, изъ Оренбурга въ Хиву, слѣдуя черезъ Устюртъ, по западному Аральскому

[1]) Предписанія вице-канцлера подполк. Данилевскому отъ 29-го мая 1842 г. № 1608.

[2]) То же, отъ того-же числа за № 1609.

берегу, и прибылъ въ столицу ханства въ отсутствіе Аллаха-Кули, находившагося тогда въ походѣ противъ Бухары. Вскорѣ, однако, ханъ возвратился и любезно принялъ наше посольство. Данилевскій выразилъ ему удивленіе русскаго правительства, что переговоры съ Никифоровымъ не имѣли желаемаго успѣха и прибавилъ, что только въ виду убѣдительныхъ заявляній хивинскихъ посланцевъ о желаніи ихъ повелителя поддерживать дружбу съ Россіей, ему поручено продолжать начатые переговоры.

Будучи человѣкомъ весьма ловкимъ, уклончивымъ, Данилевскій не коснулся прямо вопроса о разграниченіи степи, а прочія условія договора съумѣлъ облечь въ такую форму, что главнѣйшія возраженія хана заключались лишь въ требованіи, чтобы и Россія, съ своей стороны, письменно обязалась соблюдать тѣ же условія, которыя предлагаются Хивѣ. Такимъ образомъ, начало переговоровъ обѣщало благопріятный исходъ ихъ; но не Аллаху-Кули суждено было привести ихъ къ окончанію: въ концѣ ноября онъ умеръ и на ханство вступилъ сынъ его, Рахимъ-Кули.

Переговоры съ новымъ ханомъ продолжались еще мѣсяцъ и результатъ ихъ выразился, наконецъ, въ скрѣпленномъ ханскою печатью обязательномъ актѣ [1]) въ девяти пунктахъ, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: ханъ, какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ и подвластныя ему племена, обязывался: никогда не предпринимать ни явныхъ, ни тайныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи; не потворствовать грабежамъ и разбоямъ въ степи, виновныхъ въ томъ строго наказывать и ограбленное имущество немедленно возвращать пострадавшимъ; не имѣть въ своихъ владѣніяхъ русскихъ плѣнниковъ и отвѣчать за личную и имущественную безопасность нашихъ подданныхъ въ ханствѣ, а бѣглыхъ и мятежниковъ изъ тѣхъ-же подданныхъ выдавать русскому пограничному начальству; съ товаровъ, привозимыхъ въ хивинскія владѣнія русскими купцами, брать пошлину только однажды въ годъ и не свыше 5%, а съ тѣхъ же товаровъ, отправляемыхъ въ Бухару или далѣе, черезъ Сыръ-дарью, и обратно, вовсе не взимать пошлинъ; наконецъ, караванамъ изъ азіятскихъ владѣній въ Россію не дѣлать никакихъ препятствій [2]), взимая, по закону, зякетъ.

Съ своей стороны, уполномоченный нашъ, «во взаимство поста-

---

[1]) Актъ этотъ подписанъ 29 декабря 1842 года.

[2]) Условія этого пункта входили также въ инструкцію капитана Никифорова, такъ какъ объ этомъ особенно просили бухарскіе посланцы; но агентъ нашъ признавалъ не своевременнымъ возбуждать о томъ переговоры, въ виду того, что Аллахъ-кули находился тогда во враждебныхъ отношеніяхъ къ Бухарѣ.

новленныхъ въ томъ актѣ условій», сдѣлалъ на немъ письменное удостовѣреніе, въ силу котораго Россія предавала забвенію всѣ прежнія непріязненныя дѣйствія Хивы; отказывалась отъ вознагражденія за разграбленные караваны и обѣщала полную безопасность и покровительство пріѣзжающимъ въ ея предѣлы хивинцамъ, предоставляя у себя хивинскимъ торговцамъ всѣ преимущества, которыми пользуются купцы прочихъ азіятскихъ владѣній. При этомъ Данилевскій счелъ не лишнимъ сдѣлать письменную же оговорку, что точное соблюденіе хивинскими владѣтелями условій упомянутаго акта будетъ обезпечено личностью и собственностью хивинскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ Россіи.

Это былъ единственный договоръ, опредѣлявшій, и то въ извѣстной только степени, отношенія наши къ Хивѣ до послѣдняго похода 1873 года; а между тѣмъ, чтобы добиться такого скромнаго результата, сколько выказано было Россіей долготерпѣнія, сколько потрачено жертвъ, и людьми, и деньгами.

Хотя Данилевскій не затрогивалъ въ переговорахъ вопроса о взаимной границѣ въ степи, однако онъ пытался-было уговорить хана не распространять своего вліянія на киргизовъ слишкомъ далеко къ сѣверу, на что Рахимъ-Кули отвѣчалъ, «что будетъ поступать такъ, чтобы не навлечь на себя неудовольствія русскаго правительства». Что же касается усилій добиться освобожденія части персидскихъ невольниковъ, то они оказались безуспѣшными.

Миссія подполковника Данилевскаго оставила Хиву черезъ день по утвержденіи обязательнаго акта и, вмѣстѣ съ хивинскимъ посланцемъ Мухамедъ-Эминомъ, прибыла въ русскіе предѣлы въ февралѣ 1843 года. Правительство наше осталось довольно заключеніемъ и тѣхъ условій, которыми хивинскій ханъ обязывался руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ къ России, и 30-го іюня вицеканцлеръ, отъ имени государя, ратификовалъ пункты, объявленные нашимъ уполномоченнымъ въ надписи на обязательномъ актѣ [1]).

Самымъ существеннымъ результатомъ посольства Данилевскаго были богатые матеріалы, доставленные членами миссіи по топографіи, статистикѣ и естественной исторіи хивинскаго ханства которые, вмѣстѣ съ съемками и маршрутами Никифорова, служили до послѣдняго времени главнѣйшимъ руководствомъ для ознакомленія съ этою частью Средней Азіи. Практическое же значеніе хивинскаго

[1]) Миссія подполк. Данилевскаго изложена по оффиціальнымъ документамъ, послужившимъ для статьи г. *Залѣсова* въ «Воен. Сборн. т. XLIX 1866 г., стр. 41—75; см. также K. Baer und Gr. Helmersen: «Beiträge zur Keintniss des Russ. Reichs», Bändchen XV, статью *Baziner:* «Naturwissenschaftlige Reise nach Chiwa».

обязательнаго акта, важнѣйшей цѣли дипломатическихъ миссій Никифорова и Данилевскаго, было совершенно нитожно, въ чемъ мы и не замедлили убѣдиться. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1842 года, Россія уже не входитъ ни въ какія политическія сношенія съ Хивой, а послѣдняя попытка въ этомъ родѣ, сдѣланная въ 1858 году, только подтвердила не разъ уже высказанное нашими агентами мнѣніе, что азіятскіе деспоты уважаютъ только силу, а не слова мира и дружбы, какъ-бы они искренни ни были.

Чтобы закончить очеркъ главнѣйшихъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Среднею Азіею въ царствованіе императора Николая I, упомянемъ также о посольствѣ въ Бухару маіора Бутенева, отправившагося въ путь одновременно съ миссіей Никифорова, въ маѣ 1841 года. Выше сказано было, что командированіе Бутенева состоялось взамѣнъ недоѣхавшаго до Бухары посольства капитана Ковалевскаго и по просьбѣ эмира, ходатайствовавшаго о присылкѣ къ нему спеціалиста для изслѣдованій по горной части. Въ составъ миссіи, кромѣ начальника ея, вошли: чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Н. Ханыковъ (извѣстный оріенталистъ), горный офицеръ съ нѣсколькими техниками, натуралистъ Леманъ (сопровождавшій хивинскую экспедицію Перовскаго), нѣсколько другихъ лицъ и конвой въ 10 казаковъ.

Бутеневъ былъ снабженъ обширною инструкціей, въ которой ему поручалось заключить также съ ханомъ нѣкоторыя условія взаимныхъ отношеній его съ Россіей и собрать возможно достовѣрныя свѣдѣнія о Бухарѣ и сосѣднихъ съ нею странахъ. Условія, къ принятію которыхъ полагалось склонить эмира, были, въ общемъ, тѣ же самыя, которыя потомъ включены были въ инструкцію Данилевскому и перечислены въ обязательномъ актѣ Рахимъ-Кули-хана. Кромѣ того, Бутеневу предложено было употребить всѣ усилія къ выручкѣ могущихъ находиться въ Бухарѣ русскихъ плѣнниковъ и содержавшагося тамъ подъ арестомъ англійскаго агента, полковника Стоддарта, объ освобожденіи котораго великобританское правительство просило нашего содѣйствія.

Миссія Бутенева, вмѣстѣ съ возвращавшимися на родину дѣтьми и свитой бухарскаго посланца Мукинъ-бека [1]), умершаго въ Россіи,

[1]) Посланецъ этотъ прибылъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1840 года съ оффиціальнымъ порученіемъ просить содѣйствія къ прекращенію враждебныхъ отношеній Хивы съ Бухарой и свободнаго пропуска бухарскихъ богомольцевъ чрезъ Россію въ Мекку. Въ запискахъ же, поданныхъ Мукинъ-бекомъ предсѣдателю оренбургской коммисіи, ген.-маіору Генсу и вице-канцлеру, онъ, между прочимъ, излагалъ опасенія, которыя внушали Бухарѣ частыя посѣщенія Хивы англичанами, замышлявшими утвердиться въ какой-либо мѣстности къ сѣверу отъ Гиндукуша; упоминалъ по приказанію эмира, что англичане и хивинскій ханъ

переправилась через Сыр близ уроч. Майлибаш и в начале августа достигла Бухары. Прошел месяц но не смотря на свиданія с эмиром и «дозволенія» являться по пятницам во дворец к утренней молитве, агент наш не мог приступить к серьезным переговорам; разрешено было только ученым членам миссіи посетить некоторыя местности ханства, а Стоддарту, который жил тогда лишь под присмотром, поместиться в доме, занимаемом нашим посольством. Однако, личныя отношенія эмира к Бутеневу поддерживали еще в последнем надежду на успешное выполненіе его порученія. Но, во возвращеніи Насрь-Уллы из коканскаго похода, обстоятельства совершенно изменились: в Афганистане произошло возстаніе, кончившееся гибелью англичан, и хитрый эмир, заискивавшій до того сближенія с Россіей из опасенія перед утвердившимися в Кабуле «френгами», [1]), не считал более нужным вступать с нами в переговоры. Стоддарт и прибывшій из Ташкента в Бухару капитан Конолли, которых эмир обещал отпустить с Бутеневым, брошены в тюрьму; агенту нашему отказано было в освобожденіи русских пленных без особаго за них вознагражденія, и Насрь-Улла видимо избегал свиданій с Бутеневым. Так безполезно для политических наших целей тянулось время, когда, в апреле 1842 года, бухарскій эмир отправился во вторичный поход на Кокан, поручив, мимоходом, Бутеневу окончательно объясниться с одним из хивинских сановников. Агент наш подал тогда записку, в которой требовал ответа эмира на следующіе пункты: заключеніе договора с Россіей; освобожденіе русских пленных и отпуск в Россію Стоддарта и Конолли; пониженіе таможенных пошлин с русских товаров. На это получен был, с пути, от эмира уклончивый ответ, в котором Насрь-Улла требовал предварительно подписанія акта Государем Императором и пониженія пошлин с бухарских торговцев в Россіи. Относительно же обоих англійских офицеров, эмир заявил, что он написал о них к ко-

---

дважды присылали своих людей в Бухару, с ходатайством о выдаче им Стоддарта, но получили отказ; последняго хотели-было отправить потом в Россію с Мукин-беком, однако раздумали, из боязни, чтобы хивинцы не отняли на дороге британскаго офицера. Далее бухарскій посланник говорил, что если англичане овладеют Хивой, то это будет вредно как Бухаре, так и Россіи, и потому если бы русское правительство освободило несколько человек из содержавшихся в то время под арестом хивинцев, то «тогда соединились бы бухарцы, хивинцы и коканцы и выгнали бы франков (англичан), давали бы друг другу помощь и началась бы свободная торговля» (Записка Генсу от 6 августа 1840 г.);

[1]). В словесных объясненіях с Генсом, бухарскій посланец прямо заявил, что ему поручено просить Государя Императора об оказаніи высочайшаго покровительства эмиру бухарскому («Воен. Сборн., т. XXVII, 1862 г., стр. 41).

ролевѣ и, по полученіи отъ нея отвѣта, отправитъ ихъ въ Англію [1]). Наконецъ, по приказанію Насръ-Уллы, Бутеневу передано, что эмиръ «имѣетъ къ Государю Императору только чувства дружбы и почтенія».

Этимъ и кончилась дипломатическая миссія Бутенева. Какъ видно, владыка Бухары имѣлъ особенныя понятія о чувствахъ дружбы и почтенія, если позволилъ себѣ отнестись съ такою безцеремонностью къ скромнымъ требованіямъ уполномоченнаго отъ сосѣдней великой державы; но въ то время Насръ-Улла, отуманенный своими недавними успѣхами въ Кокацѣ и вновь собиравшійся туда на звѣрскіе подвиги, воображалъ себя ничуть не ниже русскаго Императора, и даже, быть-можетъ, не находилъ ничего обиднаго въ томъ, что продержалъ нашу миссію восемь мѣсяцевъ въ Бухарѣ для того только, чтобы передать ей вышеприведенный наглый отвѣтъ. По крайней мѣрѣ, послѣ такого неуваженія къ заявленіямъ русскаго правительства, эмиръ нисколько не стѣснился, вслѣдъ за Бутеневымъ, отправить и своего посланца къ высочайшему двору.

Посольство наше оставило Бухару 8 апрѣля 1842 года, но и тутъ эмиръ выказалъ еще разъ крайнюю неделикатность въ отношеніи къ нашему агенту: взятые Бутеневымъ изъ Бухары шесть чел. изъ откупившихся уже русскихъ плѣнныхъ были черезъ два дня отобраны по приказанію Насръ-Уллы, въ присутствіи сопровождавшихъ миссію бухарскихъ чиновниковъ и киргизовъ.

Въ одномъ только отношеніи продолжительное пребываніе посольства въ бухарскомъ ханствѣ принесло дѣйствительную пользу: мы говоримъ о важныхъ трудахъ по описанію края, принадлежащихъ членамъ миссіи, и объ обширныхъ глазомѣрныхъ съемкахъ малоизвѣстныхъ пространствъ, составленныхъ топографомъ Яковлевымъ.

Правительство наше осталось, конечно, весьма недовольнымъ невнимательностью, оказанною въ Бухарѣ его агенту, а потому, прибывшему въ Оренбургъ посланцу эмира, Худояру, не дозволено было ѣхать въ столицу имперіи. Когда же посланецъ отказался выдать потребованныя отъ него грамоту и письма эмира, то ему ве-

---

[1]) Насръ-Улла, очевидно, умышленно лгалъ, заявляя Бутеневу, что ждетъ только отвѣта британской королевы для освобожденія двухъ ея подданныхъ, такъ какъ отвѣтъ этотъ, послѣдовавшій не отъ королевы, а отъ ея министра иностранныхъ дѣлъ, полученъ былъ эмиромъ еще въ декабрѣ 1841 года. Тщеславіе эмира было сильно оскорблено тѣмъ, что не сама королева почтила его письмомъ и что Пальмерстонъ указывалъ ему обращаться по всѣмъ дѣламъ къ остъ-индскому правительству. Черезъ нѣсколько дней послѣ полученія такого отвѣта, когда пришла вѣсть о кабульской рѣзнѣ, Насръ-Улла выместилъ свою обиду на несчастныхъ Стоддартѣ и Коноли, засадивъ ихъ въ яму, изъ которой, черезъ полгода они выведены были на казнь (*Kaye.*, loc. c., v II, pp. 502—504 and 523)

лѣно выѣхать изъ Оренбурга и объявлено неудовольствіе Государя Императора за неуваженіе къ требованіямъ русскаго уполномоченнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по порученію вице-канцлера, Худояру сообщено, для передачи эмиру, что одни словесныя и письменныя увѣренія въ преданности, не подкрѣпленныя фактическими доказательствами, не могутъ вселять довѣрія къ бухарскому правительству и что «для снисканія себѣ вновь благорасположенія Его Величества ханъ бухарскій долженъ, безъ промедленія, отпустить въ Россію находящихся въ Бухарѣ россійскихъ плѣнныхъ и содержащихся тамъ двухъ англичанъ, Стоддарта и Конолли» [1]).

Но уже было поздно: названные англичане покончили свою жизнь позорною казнью, а Насръ-Улла, пользуясь отдаленностью своего ханства отъ русскихъ границъ и неупроченностью нашей власти въ киргизской степи, мало безпокоился неудовольствіемъ россійскаго государя и не думалъ возвращать плѣнныхъ.

Такимъ образомъ всѣ, дорого стоившія усилія наши къ установленію прочныхъ и обоюдовыгодныхъ отношеній России съ Хивой и Бухарой остались тщетными. Правительство убѣдилось, наконецъ, что достигнуть безопасности нашихъ пограничныхъ подданныхъ, свободнаго развитія торговли и подобающаго Россіи вліянія въ Средней Азіи можно не нравственными убѣжденіями, непонятными азіятскимъ деспотамъ, а лишь проявленіемъ матеріальной силы, которую одну они привыкли уважать. Поэтому дальнѣйшія дипломатическія сношенія съ названными ханствами были, съ нашей стороны, прекращены, какъ безполезныя. Вскорѣ, притомъ, вниманіе Россіи привлечено было въ другую сторону, откуда намъ угрожало распространеніе коканскаго вліянія внизъ по Сыръ-дарьѣ, гдѣ кочевали подданные намъ киргизы, просившіе защиты русскаго правительства. Но прежде, чѣмъ перейти къ дѣйствіямъ нашимъ въ этомъ направленіи, необходимо бросить взглядъ на положеніе дѣлъ въ киргизской степи и на мѣры, принятыя къ болѣе дѣйствительному подчиненію ея нашей власти послѣ экспедиціи 1839—1840 годовъ.

Неудачный исходъ этого похода, къ счастью, не отразился вредно на спокойствіи степи, какъ вслѣдствіе нахожденія въ ней отрядовъ, такъ и потому, что хивинскій ханъ, во время веденія переговоровъ съ Никифоровымъ и Данилевскимъ, воздерживался отъ вмѣшательства въ киргизскія дѣла; отсутствію волненій также спо-

---

[1]) Отношеніе вице-канцлера къ оренбургскому военному губернатору отъ 7-го августа 1842 года, № 2263. О посольствѣ маіора Бутенева см. Дѣло Азіятскаго Департамента Министерства иностранныхъ дѣлъ №   , а также ст. *Н. Залѣсова*: «Очеркъ дипл. сношеній Россіи съ Бухарой». (Воен. Сб. т. XXVII. 1862 г.).

собствовали въ многомъ вліяніе, которымъ пользовался предсѣдатель пограничной коммисіи Генсъ среди киргизскихъ старшинъ, и, отчасти, начатое въ 1840 году разграниченіе степи между оренбургскимъ и сибирскимъ вѣдомствами. Но такое сравнительно мирное состояніе степи продолжалось не долго: во главѣ недовольныхъ постепенно вводимыми между киргизами новыми порядками и дѣйствіями султановъ-правителей являются двѣ энергичныя личности: султанъ Кенисара Касимовъ и простой киргизъ Исетъ Кутебаровъ, которые, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поддерживаютъ, съ помощью хивинцевъ, волненія въ степи и наносятъ громадный вредъ благосостоянію народа и нашей торговлѣ. Важнѣйшія происшествія, связанныя съ этими двумя именами, относятся къ сороковымъ годамъ, въ періодъ управленія оренбургскимъ краемъ генерала Обручева.

Переходя къ изложенію послѣдующихъ событій въ степи, необходимо прежде упомянуть о важной законодательной мѣрѣ, принятой еще во время губернаторства Перовскаго, именно о введеніи, въ 1837 году, кибиточнаго съ киргизовъ сбора, въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ кибитки [1]). До этого времени, какъ извѣстно, единственный доходъ, получавшійся правительствомъ съ киргизовъ Малой орды, заключался въ процентномъ сборѣ со скота за право зимней тебеневки его по линіи и на содержаніе аманатовъ, которые брались съ киргизовъ на это время. Затруднительность вѣрнаго исчисленія скота и желаніе постепенно утвердить между киргизами сознаніе о личномъ ихъ подданствѣ русскому государству побудили замѣнить этотъ сборъ податью съ кибитокъ—киргизскаго кочеваго жилья. Сначала подать эта коснулась лишь прилинейныхъ кочевниковъ, а потомъ была постепенно распространена и на остальныхъ киргизовъ, съ распредѣленіемъ ихъ по дистанціямъ; взиманіе ея возложено было на дистаночныхъ начальниковъ и родоправителей, подъ главнымъ наблюденіемъ султановъ. Понятно, что кибиточная подать, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы служить и статистическимъ цѣлямъ администраціи, поступала весьма неправильно, такъ какъ правительство, не имѣя въ то время своихъ контрольныхъ органовъ въ степи, лишено было возможности слѣдить за дѣйствительнымъ поступленіемъ сбора и, по-неволѣ, довольствовалось тѣмъ, что ему представляли киргизскія власти. Послѣднія же, конечно, не забывали себя при сборѣ подати, что и служило причиною частыхъ неудовольствій народа, которыми искусно умѣли пользоваться для своихъ личныхъ цѣлей такіе предводители, какъ Кенисара и Исетъ.

---

[1]) *Мейръ:* «Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», стр. 53.

Первый изъ нихъ былъ внукъ извѣстнаго султана Аблая и, слѣдовательно, принадлежалъ къ Средней киргизской ордѣ, гдѣ онъ пріобрѣтаетъ популярность своими разбойничьими подвигами противъ Большой орды и нападеніями на караваны. Движимый честолюбіемъ, онъ старается склонить киргизовъ Средней орды къ отложенію отъ Россіи; но преслѣдуемый сибирскими казаками, переходитъ, въ 1838 году, въ оренбургскую степь, гдѣ къ нему присоединяется много недовольныхъ киргизовъ. Если Малая орда оставалась сравнительно спокойною во время хивинской экспедиціи Перовскаго, то благодаря также тому обстоятельству, что Кенисара перенесъ въ это время свои дѣйствія въ ташкентскія владѣнія, а оттуда снова бросился въ сибирскую степь—защищать преданные ему аулы отъ наказанія казачьихъ отрядовъ.

Въ 1840 году Кенисара, убѣдившись, что киргизы Средней орды, устрашенные высланными противъ нихъ отрядами, уже не оказываютъ ему прежней поддержки, переходитъ опять въ оренбургскую степь, гдѣ трое киргизскихъ родовъ признаютъ его власть. Здѣсь онъ, повидимому, разсчитывалъ утвердиться на правахъ бывшихъ хановъ, при содѣйствіи русскаго правительства, которое, видя, что онъ временно прекратилъ свои разбои и даже возвратилъ часть ограбленнаго имъ, даруетъ ему прощеніе. Казалось, спокойствіе было возстановлено, но властолюбивый Кенисара, не ладившій съ султанами-правителями и не желавшій подчиняться распоряженіямъ администраціи, которая требовала его на линію для разбирательства съ раззоренными имъ киргизами, уже готовился возобновить свои враждебныя дѣйствія.

Назначенный, въ 1842 году, оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто Перовскаго, генералъ-лейтенантъ Обручевъ считалъ неудобнымъ для престижа власти входить въ переговоры съ Кенисарой и, признавая его мятежнымъ русскимъ подданнымъ, рѣшилъ принудить его повиноваться силою. Лѣтомъ 1843 года открылись военныя дѣйствія противъ безпокойнаго султана, который, въ теченіе двухъ лѣтъ, смѣло и искусно велъ борьбу съ высланными противъ него отрядами: быстрыми и неожиданными переходами изъ одной части степи въ другую, Кенисара обманывалъ своихъ противниковъ и утомлялъ преслѣдовавшія его войска, которыя, не имѣя опорныхъ пунктовъ въ степи, должны были везти съ собою обременительный для движенія обозъ. Удачныя дѣйствія султана и страхъ передъ местью его увеличивали ряды кенисариныхъ приверженцевъ. 1844 годъ былъ самымъ успѣшнымъ для подвиговъ Кенисары и, вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ тяжелымъ для степи и нашихъ погранич-

ныхъ жителей, страдавшихъ отъ безпрестанныхъ нападеній его шаекъ; отряды наши, къ которымъ присоединились и султаны-правители, дѣйствовали крайне нерѣшительно, такъ-что Кенисара не только не бѣжитъ отъ нихъ, а, напротивъ, два дня подъ-рядъ нападаетъ на русскій лагерь, и, въ глазахъ его, громитъ преданныхъ намъ киргизовъ. Это еще болѣе увеличиваетъ смѣлость мятежнаго султана: съ пяти-тысячнымъ скопищемъ бросается онъ на новую линію, сжигаетъ предмѣстье Екатерининской станицы, отбиваетъ весь скотъ и уводитъ 40 чел. въ плѣнъ.

Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ поднималась гроза противъ Кенисары: съ сибирской и оренбургской линій высланы были противъ него три сильные отряда; кромѣ того, собраны наготовѣ резервы для движенія въ степь, и, для поощренія киргизовъ къ противодѣйствію мятежникамъ, имъ объявлено Высочайшее повелѣніе о пожалованіи пенсій семьямъ убитыхъ въ дѣлахъ противъ Кенисары. Обойденный, казалось, нашими отрядами, смѣлый партизанъ и тутъ не растерялся: онъ успѣлъ уйти отъ нихъ на Эмбу и съ такою быстротою двинулся внизъ по рѣкѣ, что утомленныя войска не могли нагнать его и должны были вскорѣ вернуться на линіи. Но и самъ Кенисара, несмотря на его неукротимую энергію, сознавалъ свое неравенство въ борьбѣ съ русскими, и въ 1845 году онъ начинаетъ искать примиренія съ нами; предлогомъ къ тому послужилъ взаимный обмѣнъ плѣнныхъ, который и совершился въ присутствіи высланнаго въ степь отряда. Съ этого времени Кенисара, дѣйствительно, перестаетъ враждовать противъ насъ и переноситъ свою дѣятельность на р. Чу, гдѣ подчиняетъ себѣ нѣкоторые киргизскіе роды изъ ташкентскихъ владѣній. Но предпріимчивый духъ султана не давалъ ему покоя: съ 1846 года онъ начинаетъ страшно грабить кочевавшихъ по р. Чу дикокаменныхъ киргизовъ, но въ слѣдующемъ году, увлекшись преслѣдованіемъ ихъ, Кенисара окруженъ въ горномъ ущельи кара-киргизскими толпами, отъ которыхъ отчаянно отбивается впродолженіе трехъ сутокъ; наконецъ, послѣ гибели своихъ сподвижниковъ, онъ взятъ въ плѣнъ и преданъ остервенившимися врагами мучительной казни [1]). Со смертію его, уже не появляется между киргизами ни одного предводителя, равнаго Кенисарѣ по энергіи и значенію въ народѣ, и хотя, послѣ того, много еще было мятежныхъ вспышекъ и волненій въ степи, но они, за исключеніемъ

---

[1]) *Л. Мейеръ*, loc. c., стр. 53, 54 и 59—63; *Красовскій:* «Обл. сиб. киргизовъ» ч. I, стр. 105—108. Кенисара обладалъ рѣдкою способностью привязывать къ себѣ людей, и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ жестокъ, но съ русскими плѣнными всегда обращался великодушно.

1869 года, не имѣли уже того опаснаго для нашего вліянія характера, которымъ отличались дѣйствія султана Кенисары.

Одновременно съ появленіемъ послѣдняго въ Малой ордѣ, въ ней пріобрѣтаетъ извѣстность имя другого богатыря, простаго киргиза Исета Кутебарова; но мотивы его дѣйствій объясняются преимущественно хищническими инстинктами, желаніемъ обогатиться грабежемъ. Такъ, начиная съ 1838 года, онъ производитъ нападенія на линію, уводитъ у казаковъ людей и лошадей и, съ одинаково спокойною совѣстью, грабитъ и купеческіе караваны, и самихъ же киргизовъ. Отъ наказанія за свои разбои Исетъ всегда во-время уходилъ или на Устюртъ или въ хивинскія владѣнія, гдѣ онъ находилъ усердную поддержку у Рахимъ-Кули-хана, давно уже забывшаго о существованіи какого то «обязательнаго» для него акта; вмѣстѣ съ Исетомъ нерѣдко являлись грабить мирные киргизскіе аулы и хивинскія шайки. Человѣкъ двуличный, Кутебаровъ нѣсколько разъ изъявлялъ добровольно покорность русскому правительству, когда онъ находилъ это для себя выгоднымъ, и даже доставлялъ намъ иногда полезныя свѣдѣнія, но въ то же время не прерывалъ и своихъ тайныхъ сношеній съ нашими недругами, въ особенности съ Хивой [1]).

Время управленія оренбургскимъ краемъ генерала Обручева ознаменовалось важною перемѣною во взглядахъ на средства къ болѣе совершенному подчиненію нашей власти киргизской степи и можетъ считаться началомъ новаго періода въ исторіи нашихъ отношеній къ Средней Азіи. Уже сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, зародилась впервые мысль объ утвержденіи русскаго вліянія между киргизами, посредствомъ возведенія среди нихъ укрѣпленія и устройства тамъ нашей осѣдлости; но въ то время многія обстоятельства препятствовали исполненію этого намѣренія: мы не знали ни условій киргизскаго быта, ни характера мѣстности въ степи; оренбургская линія начинала тогда только-что устроиваться; необходимо было прежде всего заботиться объ огражденіи ея безопасности отъ безпокойныхъ номинальныхъ подданныхъ,—и вдаваться далеко въ глубь степи, забросивъ въ ней горсть русскихъ людей, безъ всякой связи съ линіей, которая и сама по себѣ была крайне слаба малочисленностью войскъ и отсутствіемъ сплоченнаго русскаго элемента,—было бы дѣломъ крайне рискованнымъ. Принятая затѣмъ система управленія степью надолго

---

[1]) *С. Зыковъ*: «Очеркъ утвержденія русскаго владычества на Аральскомъ морѣ». (Морской Сборникъ 1862 г., № 6, стр. 335—337) и *Мейеръ*, loc. c. стр. 66 и 69.

отдалила наше знакомство съ нею, и только съ первой четверти настоящаго столѣтія мы стали входить въ болѣе близкое соприкосновеніе съ внутренними дѣлами киргизской орды. Но высылая ежегодно въ степь наши отряды, какъ для изслѣдованія ея, такъ и для наказанія хищниковъ и поддержанія слабой власти султановъ-правителей, мы все-таки не достигали дѣйствительнаго подчиненія намъ киргизовъ, а, напротивъ, часто раздражали ихъ, такъ какъ отъ высылаемыхъ вооруженныхъ отрядовъ страдали иногда и мирные аулы. Кромѣ того, по самому складу ихъ жизни, киргизы, періодически мѣняя свои кочевки, въ теченіе одного и того же года, переходили изъ-подъ вліянія Россіи подъ таковое же Хивы или Кокана, и потому покорность ихъ была только условная, въ зависимости отъ времени года. Приготовленія къ хивинскому походу 1839 года доказали невозможность, въ случаѣ серьезныхъ внѣшнихъ предпріятій въ Азіи, обойтись безъ опорныхъ пунктовъ въ степи; и хотя выстроенныя въ то время два укрѣпленія и были потомъ брошены, но вспыхнувшій вскорѣ бунтъ Кенисары, котораго не могли одолѣть нѣсколько высланныхъ съ отдаленныхъ линій отрядовъ, снова подтвердилъ необходимость прочнаго утвержденія нашего въ самомъ центрѣ степи, съ подчиненіемъ одной государственной власти какъ лѣтовокъ, такъ и зимовокъ киргизовъ.

Заслуга въ осуществленіи этого важнаго предпріятія принадлежитъ генералу Обручеву. По его представленію, Высочайше повелѣно было приступить къ устройству въ степи двухъ укрѣпленій: одного на р. Тургаѣ, названнаго *Оренбургскимъ* (нынѣ гор. Тургай), другого—на р. Иргизѣ, подъ именемъ *Уральскаго* (нынѣ гор. Иргизъ). Обручевъ предполагалъ возвести еще укрѣпленіе на Эмбѣ, но исполненіе этого было отложено. Къ концу 1845 года оба названныя укрѣпленія были почти окончены и заняты гарнизонами [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало разрѣшеніе производить въ этихъ пунктахъ безпошлинную мѣновую торговлю. Обѣ мѣры не замедлили выгодно отразиться на спокойствіи степи: киргизы съ довѣріемъ отнеслись къ появленію русской власти среди ихъ кочевокъ, видя въ этомъ обезпеченіе ихъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ, такъ какъ, подъ охраною укрѣпленій, они могли находить убѣжище отъ притѣсненій хивинскихъ сборщиковъ податей, и русское начальство въ состояніи было ближе слѣдить за, не всегда честными, дѣйствіями султановъ-правителей и ихъ довѣренныхъ лицъ.

На этомъ Обручевъ не остановился: видя благотворное вліяніе,

---

[1]) Въ каждое изъ этихъ укрѣпленій назначенъ гарнизонъ въ 418 чел. и 2 орудія (Дѣло № 10, 1848 г., бывшаго департамента генеральнаго штаба).

оказанное на народъ постройкою въ степи укрѣпленій, онъ рѣшился не откладывать осуществленія мысли, занимавшей еще Перовскаго, — прочно утвердиться и на восточной окраинѣ нашихъ степныхъ владѣній, въ устьѣ Сыръ-дарьи. Кочевавшіе тамъ киргизы находились между двухъ огней: съ юга ихъ грабили хивинцы, иногда даже туркмены-яумуды, съ востока,—коканцы, высылавшіе свои шайки изъ Акъ-мечети и другихъ мелкихъ фортовъ по низовьямъ Сыра; кромѣ того, отъ этихъ сосѣдей много терпѣли и торговые караваны, слѣдовавшіе въ Бухару и обратно.

Въ 1846 году генералъ Обручевъ выслалъ на Сыръ-дарью рекогносцировочный отрядъ для выбора мѣста подъ укрѣпленіе, а весною слѣдующаго года, недалеко отъ устья Сыра, основано укрѣпленіе «Раимское» [1]), переименованное въ 1851 году въ Аральское. Предпріятіе это было исполненно совершенно мирно, такъ какъ киргизы сами не разъ уже заявляли просьбы о принятіи ихъ подъ дѣйствительную защиту русскаго правительства, и, главное, потому, что Обручевъ поддерживалъ добрыя отношенія къ одному вліятельному киргизскому батырю, Джану-ходжѣ, сознательно и честно отстаивавшему русскіе интересы среди своего народа, пока коварные происки султана-правителя не вынудили его стать врагомъ Россіи.

Хивинцы хотя не успѣли помѣшать нашему утвержденію на Сыръ-дарьѣ, но уже лѣтомъ 1847 года открыли рядъ опустошительныхъ набѣговъ на нашихъ при-аральскихъ киргизовъ, за что и были сильно наказаны высланными изъ Раима войсками; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній въ 1848 году, они убѣдились въ своемъ безсиліи поколебать наше положеніе на Сырѣ и на время присмирѣли.

Съ занятіемъ нами устья Сыръ-дарьи, генералъ Обручевъ обратилъ вниманіе и на Аральское море, которое могло имѣть важное для насъ значеніе при будущихъ дѣйствіяхъ въ Средней Азіи, и съ этою цѣлью построены въ Оренбургѣ двѣ военныя шкуны. На одной изъ нихъ лейтенантъ Бутаковъ произвелъ, въ 1848 и 1849 годахъ, подробную опись моря и осмотрѣлъ входы въ устья Аму-дарьи, а въ слѣдующемъ, 1850 году, по иниціативѣ же Обручева, заказанъ въ Швеціи первый желѣзный пароходъ, на которомъ предполагалось доставлять по р. Сыру, изъ коканскихъ владѣній, все необходимое для продовольствія раимскаго гарнизона [2]). Вслѣдъ за постройкой первыхъ военныхъ судовъ для Аральскаго моря, заложенъ былъ,

[1]) Съ гарнизономъ въ 954 чел. и 14 орудіями на вооруженіе (См. тамъ-же).

[2]) Дѣло Д-та генер. штаба $\frac{\text{№ 8}}{\text{1850 г.}}$

въ 1848 году, на полуостровѣ Косъ-Аралѣ, небольшой фортъ того же имени (упраздненный въ 1854 году), для охраненія судовъ и рыболовства, и въ томъ же году, для лучшей связи нашихъ сообщеній съ Сыръ-дарьей, между Уральскимъ укрѣпленіемъ и линіей, основанъ четвертый укрѣпленный пунктъ въ степи—фортъ Карабутакъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ мы сдѣлали важный шагъ впередъ въ дѣлѣ успокоенія оренбургской степи, перейдя отъ безрезультатной и во многихъ отношеніяхъ даже вредной системы періодической высылки отрядовъ къ упроченію нашей власти посредствомъ устройства постоянныхъ укрѣпленій, связавшихъ оренбурскую линію съ Сыръ-дарьею. Но для полнаго подчиненія какъ лѣтнихъ, такъ и зимнихъ кочевокъ киргизовъ необходимо было оградить ихъ отъ внѣшняго вліянія въ южной и восточной части степи. Для достиженія этой цѣли генералъ Обручевъ представилъ соображенія о возведеніи еще новаго укрѣпленія на р. Эмбѣ и о необходимости занятія Хивы и Акъ-мечети, изъ которыхъ высылались шайки для грабежа нашихъ мирныхъ кочевниковъ [1]). Особенно же раззоряли ихъ коканцы, которые, въ 1850 году и въ началѣ слѣдующаго года, отбарантовали у при-дарьинскихъ киргизовъ свыше ста тысячъ головъ скота, что побудило коменданта Аральскаго укрѣпленія, совмѣстно съ упомянутымъ выше киргизскимъ батыремъ Джаномъ-ходжей (назначеннымъ Обручевымъ управителемъ киргизовъ на Сыръ-дарьѣ), выступить противъ коканцевъ: послѣдніе были разбиты на голову, и Джанъ-ходжа овладѣлъ крѣпостцею ихъ Кошъ-курганомъ [2]).

Предположенія Обручева о дѣйствіяхъ противъ Хивы и Кокана не были, однако, утверждены правительствомъ, и въ 1851 году на его мѣсто вновь назначенъ генералъ Перовскій.

Къ несомнѣннымъ заслугамъ по управленію оренбургскимъ краемъ генерала Обручева, положившаго первое начало къ дѣйствительному подчиненію киргизовъ русской власти, слѣдуетъ прибавить еще слѣдующія полезныя мѣры, принятыя имъ въ отношеніи степи: назначеніе въ 1844 году шести «попечителей» изъ русскихъ чиновниковъ для посредничества въ дѣлахъ между киргизами и прилинейными жителями, убѣдившее первыхъ въ болѣе справедливомъ къ нимъ отношеніи лицъ русской администраціи, чѣмъ своихъ ордынскихъ властей, такъ-что съ этого времени стали поступать многочисленныя просьбы киргизовъ о разборѣ ихъ дѣлъ даже между

---

[1]) Дѣло Д-та генер. штаба $\frac{\text{№ 52}}{\text{1851 г.}}$

[2]) Дѣло Департамента генеральнаго штаба, № 66, 1851 года.

собою при посредничествѣ русскихъ чиновниковъ [1]); раздѣленіе всей оренбургской степи на 54 дистанціи, съ назначеніемъ въ нихъ мѣстныхъ и аульныхъ начальниковъ и подчиненіемъ остальныхъ киргизовъ кибиточной подати, которая, съ первоначальной цифры 23-хъ тысячъ руб. (въ 1838 г.), увеличилась къ концу сороковыхъ годовъ до слишкомъ 100 тысячъ р. въ годъ [2]); наконецъ, учрежденіе въ 1847 году съѣздовъ киргизскихъ біевъ для полюбовнаго рѣшенія претензій между сибирскими и оренбурскими киргизами, содѣйствовавшихъ къ уменьшенію между ними распрей и баранты [3]).

Но всѣ эти мѣры къ упроченію нашего положенія въ степи имѣли значеніе только для пространства, лежащаго къ сѣверу отъ Устюрта и Аральскаго моря. Сѣверо-восточное же прибрежье Каспійскаго моря, не смотря на существовавшее тамъ съ 1833 года Ново-Александровское укрѣпленіе, находилось почти внѣ русскаго вліянія: адаевскіе киргизы и сосѣдніе съ ними туркмены-игдыры не только не были обложены никакою податью, но, по-прежнему, продолжали свои нападенія на нашихъ рыбопромышленниковъ, хотя послѣ хивинской экспедиціи 1839—40 годовъ грабежи нѣсколько и уменьшились. Озабочиваясь изысканіемъ средствъ къ обезпеченію безопасности нашей торговли на Каспійскомъ морѣ, правительство полагало достигнуть этого установленіемъ торговыхъ связей съ туркменами, обитавшими вдоль всего восточнаго прибрежья, до Астрабадскаго залива, заинтересовавъ ихъ прибыльными барышами. Съ этою цѣлью, еще въ 1836 году, состоялось, по иниціативѣ бывшаго тогда министромъ финансовъ графа Канкрина, учено-торговая экспедиція Карелина о Бларамберга, доставившая много цѣнныхъ свѣдѣній о восточныхъ берегахъ Каспія, о туркменахъ и соображенія и развитіи тамъ нашей торговли. Туркмены-яумуды, кочующіе между Балханскимъ заливомъ и персидскою границею, охотно отозвались на предложеніе вступить въ тѣсныя торговыя сношенія съ Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подали прошеніе о принятіи ихъ въ русское подданство; что же касается выбора пункта для устройства нашей укрѣпленной факторіи, то наиболѣе выгодными въ этомъ отношеніи мѣстами экспедиція признавала островъ Ашуръ-аде, при входѣ въ Астрабадскій заливъ, и устье рѣчки Багу, впадающей въ него же [4]).

---

[1]) Записка Степной коммисіи.

[2]) Дѣло Департамента генеральнаго штаба $\frac{\text{№ 10}}{\text{1848 г.}}$ (Отчетъ генер. Обручева и управленію краемъ),

[3]) *Мейеръ*, loc. c., стр. 71.

[4]) Дѣло Азіятскаго Департамента министерства иностранныхъ дѣлъ $\frac{\text{№ 1}}{\text{1836 г.}}$

Почти одновременно съ просьбою яумудовъ о принятіи ихъ въ подданство, такое же прошеніе представлено было и туркменскими родами, кочевавшими по Устюрту и на Мангышлакѣ, но правительство, желая поддерживать торговыя сношенія вообще со всѣми прибрежными туркменами, находило, однако, неудобнымъ принимать ихъ въ подданство, которое было бы такимъ только по имени, и притомъ поставило бы насъ въ роль «непремѣнныхъ охранителей персидско-каспійскихъ прибрежій» отъ грабежей яумудовъ [1]). По поводу же прошенія устюртскихъ и мангышлакскихъ туркменовъ, хотя къ нимъ и рѣшено было послать «благонадежнаго человѣка, для узнанія на мѣстѣ ихъ потребностей и желаній», но дѣло это также не имѣло послѣдствій.

Какъ мы ни уклонялись отъ принятія на себя полицейско-охранительныхъ обязанностей въ юго-восточной части Каспійскаго моря, однако неотвратимая сила обстоятельствъ весьма скоро привела насъ къ этому, несмотря на отказъ отъ принятія яумудовъ въ русское подданство. Торговля наша съ персидско-каспійскими портами и рыбный промыселъ, которымъ занимались наши подданные въ Гассанъ-кулинскомъ заливѣ, подвергались многимъ стѣсненіямъ и убыткамъ отъ морскихъ грабежей туркменскихъ хищниковъ, такъ-что уже въ началѣ 1840-хъ годовъ, мы вынуждены были принять мѣры къ прекращенію этого зла. Въ декабрѣ 1840 года состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи военнаго брига къ персидскимъ берегамъ, для наблюденія за туркменами, а въ 1842 году, по случаю предположенной персидскимъ правительствомъ постройки укрѣпленія на островѣ Челекенѣ (къ югу отъ Красноводскаго залива), послана эскадра, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Путятина, для крейсерства въ водахъ Астрабадскаго залива и у туркменскаго прибрежья. Съ этого времени установилось съ нашей стороны постоянное наблюденіе за безопасностью нашей морской торговли въ южной части Каспійскаго моря, и туркмены, относившіеся вначалѣ враждебно къ принятымъ нами мѣрамъ для пресѣченія ихъ разбойничьихъ нападеній на торговыя суда, должны были вскорѣ подчиниться особымъ правиламъ, установленнымъ на полученіе лодками ихъ свободнаго доступа въ Астрабадскій заливъ [2]).

Ежегодная высылка къ послѣднему отряда судовъ Каспійской флотиліи, столько же въ интересахъ нашихъ, какъ и персидскаго правительства, требовала избранія постояннаго пункта для якорной

---

[1]) Журналъ Азіятскаго комитета 20 февраля 1838 года (тамъ-же).

[2]) Дѣла Азіятскагъ Департааента $\frac{\text{№ 64}}{\text{1840 г.}}$ и $\frac{\text{№ 132}}{\text{1841 г.}}$

стоянки крейсерскаго отряда и устройства на немъ факторіи или временнаго склада товаровъ торгующаго съ персидскими портами купечества. Такимъ пунктомъ избранъ былъ, съ 1841 года, островъ Ашуръ-аде, при входѣ въ Астрабадскій заливъ. Персидскія власти отнеслись подозрительно къ этой мѣрѣ, опасаясь, чтобы мы не возвели на островѣ укрѣпленій съ враждебною противъ нихъ цѣлью; но неоднократныя посѣщенія астрабадскими правителями, по приглашенію начальниковъ нашей крейсерской эскадры, острова Ашура разсѣяли эти неосновательныя опасенія, убѣдивъ персидскія власти, что на немъ, кромѣ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, никакихъ другихъ угрожающихъ построекъ не имѣется [1]).

Вообще учрежденіе крейсерства у южныхъ береговъ Каспія принесло хорошіе результаты: туркменскіе грабежи въ 1850-хъ годахъ стали уже рѣдкими исключеніями, и сами туркмены, видя, что отъ прекращенія разбоевъ морская торговля ихъ съ Персіею развивается, усердно заботились о возвращеніи всякаго плѣннаго, захваченнаго, кѣмъ-либо изъ ихъ соплеменниковъ. Съ другой стороны, персидское правительство, обязанное нашей ашуръ-адинской станціи освобожденіемъ многихъ своихъ подданныхъ, взятыхъ въ плѣнъ туркменами не только на морѣ, но и на сухопутной персидской границѣ, сознавало всю пользу, которую оно извлекало отъ присутствія нашихъ судовъ близь Астрабадскаго залива, и поддерживало самыя добрыя отношенія къ русской морской станціи [2]).

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, для хронологической связи обзора нашего положенія на Каспійскомъ морѣ съ дѣйствіями въ другихъ частяхъ Средней Азіи, вернемся къ изложенію событій въ киргизской степи.

Генералъ-адъютантъ Перовскій вторично вступилъ въ управленіе оренбургскимъ краемъ въ то время, когда, только-что утвердившись на низовьяхъ Сыръ-дарьи, мы должны были отстаивать нашихъ киргизовъ отъ насилій коканцевъ, готовившихся также вытѣснить насъ изъ Аральскаго укрѣпленія. Хивинцы, сидѣвшіе еще на Куванъ-дарьѣ, хотя не предпринимали открыто враждебныхъ дѣйствій, но происходившіе въ 1851 году безпорядки и грабежи между Уральскимъ укрѣпленіемъ и кара-кумами не обошлись безъ ихъ участія;

---

[1]) Тамъ-же: донесеніе капитана Путятина, отъ 11-го мая 1842 года № 39, и донесеніе посланника въ Тегеранѣ, графа Медема, отъ 25 февраля 1844 г., № 14. (Дѣло Азіятскаго Департамента $\frac{\text{№ } 138}{1843 \text{ г.}}$).

[2]) Записка командовавшаго Астрабадскою станціею, капитанъ-лейтенанта Лнхарема, отъ 2 августа 1856 года (тамъ-же).

къ тому же получены были свѣдѣнія о намѣреніяхъ ихъ сдѣлать набѣгъ и на сыръ-дарьинскихъ мирныхъ киргизовъ [1]).

Обстоятельства эти не могли не озабочивать Перовскаго на счетъ положенія Аральскаго укрѣпленія, гарнизонъ котораго могъ оказаться недостаточно сильнымъ для противодѣйствія одновременному нападенію коканцевъ и хивинцевъ и для защиты подданныхъ намъ киргизовъ. Болѣе всего угрожала опасность со стороны главнаго коканскаго укрѣпленія на Сырѣ, Акъ-мечети, какъ потому, что тамъ собирались, по слухамъ, значительныя силы, такъ и вслѣдствіе болѣе легкаго доступа отъ него къ Аральскому укрѣпленію, чѣмъ со стороны хивинцевъ, находившихся за рѣкой. Для разъясненія намѣреній противника и очищенія праваго берега Сыръ-дарьи отъ появившихся коканскихъ шаекъ и небольшихъ укрѣпленій, служившихъ имъ притономъ, высланъ былъ, весною 1852 года, на рекогносцировку, отрядъ изъ 470 чел. при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Бларамберга. Отрядъ этотъ, не смотря на затопленныя коканцами окрестности, дошелъ до Акъ-мечети и потребовалъ очищенія укрѣпленія; получивъ уклончивый отвѣтъ отъ коменданта и узнавъ, что онъ ожидаетъ прибытія помощи, Бларамбергъ штурмовалъ коканскую крѣпость, овладѣлъ внѣшнею оградою, но, по неимѣнію достаточной длины лѣстницъ, не могъ взять самаго укрѣпленія и отступилъ. На обратномъ пути имъ разрушены двѣ незначительныя крѣпостцы, Кумышъ-курганъ и Чимъ-курганъ [2]).

Въ слѣдующемъ году генералъ Перовскій испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на занятіе праваго берега Сыръ-дарьи до Каратаускихъ горъ и на устройство на немъ четырехъ укрѣпленій, для окончательнаго упроченія нашего въ этой мѣстности. Весною 1853 года онъ выступилъ изъ Оренбурга съ отрядомъ слишкомъ въ 2000 чел. при 12 орудіяхъ и, присоединивъ часть гарнизона Аральскаго укрѣпленія, двинулся къ Акъ-мечети [3]). На пути отрядомъ заложены были три новыхъ укрѣпленія: фортъ № 1-й (нынѣ гор Казалинскъ), фортъ № 2-й (при впаденіи въ р. Сыръ протока Кара-узяка) и фортъ № 3-й на Куванъ-дарьѣ (на мѣстѣ бывшаго укр. Кумышъ-

[1]) Въ этомъ году произведена была небольшая рекогносцировка лѣваго берега р. Сыра, не подтвердившая ожидавшейся съ этой стороны опасности. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе—не переходить на лѣвый берегъ рѣки, дабы избѣгать поводовъ съ столкновенію съ хивинцами. (Дѣло Департамента генеральнаго штаба, 1851 г., № 118).

[2]) Дѣло Департамента генеральнаго штаба $\frac{№ 43}{1852 г.}$

[3]) Въ этой экспедиціи принималъ также участіе пароходъ «Перовскій», только-что доставленный, вмѣстѣ съ паровымъ баркасомъ «Обручевъ», изъ Швеціи, въ разобранномъ видѣ, и спущенный въ воду въ Аральскомъ укрѣпленіи.

курганъ). Наконецъ, послѣ трехнедѣльной правильной осады, Перовскій овладѣлъ Акъ-мечетью штурмомъ и на мѣстѣ ея заложено четвертое укрѣпленіе, названное именемъ побѣдителя (нынѣ гор. Перовскъ) и ставшее главнымъ опорнымъ пунктомъ нашимъ на Сырѣ. Потерпѣвъ пораженіе, коканцы не сразу помирились съ мыслью объ утратѣ ими господства на нижнемъ теченіи Сыръ-дарьи, и въ концѣ того же года, собравшись съ силами, рѣшились возвратить себѣ потерянное ими укрѣпленіе: 14 декабря они подступили къ форту «Перовскій», въ числѣ до 12 тысячъ чел. при 17 орудіяхъ, и четыре дня производили на него нападенія. 18-го декабря комендантъ выслалъ изъ форта отрядъ силою въ 550 чел., при 4 орудіяхъ, который самъ атаковалъ коканцевъ, разбилъ ихъ на-голову и овладѣлъ всею непріятельскою артиллеріею и лагеремъ [1]). Ударъ былъ рѣшительный, и съ этого времени коканцы уже не смѣли помышлять объ изгнаніи русскихъ съ Сыръ-дарьи, ограничиваясь высылкою шаекъ для грабежа киргизовъ, между фортомъ Перовскій и Джулекомъ, съ цѣлью заставить ихъ откочевать къ гор. Туркестану. Джулекъ, бывшая коканская крѣпостца, въ 150 в. къ востоку отъ Перовска, была частью разрушена нашимъ летучимъ отрядомъ еще во время осады Акъ-мечети, такъ-что главнымъ и ближайшимъ къ нашимъ владѣніямъ на Сырѣ укрѣпленіемъ коканцевъ оставался Туркестанъ.

Къ концу 1853 года мы уже занимали значительное протяженіе Сыръ-дарьи, на 400 слишкомъ верстъ вверхъ отъ ея устья, и хотя обладаніе этимъ пространствомъ могло считаться вполнѣ обезпеченнымъ, благодаря возведеннымъ на немъ фортамъ, тѣмъ не менѣе слабость наступательной силы ихъ гарнизоновъ не представляла еще достаточной защиты окрестнымъ кочевникамъ отъ нападеній коканцевъ. Обстоятельство это и отдаленность нашихъ новыхъ пріобрѣтеній отъ Оренбурга требовали какъ усиленія ихъ военныхъ средствъ, такъ и учрежденія для нихъ особаго частнаго управленія, съ правомъ принимать, въ извѣстныхъ случаяхъ, безотлагательно, мѣры къ огражденію отъ внѣшнихъ враговъ и къ поддержанію внутренняго спокойствія, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія главной власти оренбургскаго края. Въ этихъ видахъ численность войскъ въ укрѣпленіяхъ была увеличена на тысячу челов., и вся степь, вдоль занятой нами части р. Сыра ввѣрена, въ 1854 году, независимому отъ пограничной комиссіи, военному управленію командующаго «Сыръ-дарьинскою линіею»;

[1]) См. донесенія Перовскаго въ дѣлѣ д-та генерал. штаба 1854 г., № 20 (двѣ части).

входящее же въ раіонъ населеніе, въ отношеніи гражданскаго устройства, поставлено въ вѣдѣніе министерства иностранныхъ дѣлъ, для чего назначенъ особый чиновникъ, подчиненный командующему линіей [1]).

Совершенно аналогичное явленіе съ тѣмъ, что происходило на Сыръ-дарьѣ, въ оренбургской степи, видимъ мы и въ дѣйствіяхъ нашихъ со стороны Западной Сибири: какъ тамъ необходимость обезпеченія подвластныхъ намъ киргизовъ отъ вторженія въ ихъ кочевья и разорительныхъ поборовъ хивинцевъ и коканцевъ заставила насъ продвинуться впередъ на Сыръ-дарью, такъ и въ степяхъ сибирскаго вѣдомства та же причина обусловила наше постепенное распространеніе на югъ, къ Тянь-шаньскому хребту. Къ началу сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія власть наша признавалась почти всею Среднею ордою до параллели оз. Балхаша, и киргизы управлялись учрежденными въ самой степи семью окружными приказами. Относительное спокойствіе, которымъ пользовалась степь подъ русскимъ управленіемъ, неоднократно побуждало ближайшую къ нашимъ предѣламъ часть Большой орды, признававшую уже русское подданство, ходатайствовать объ учрежденіи въ ней округа и о присылкѣ военнаго отряда; но правительство, желая избѣгать недоразумѣній съ китайцами, считавшими эту орду себѣ подвластною, отклоняло подобныя просьбы.

Между тѣмъ, вліяніе Китая по западную сторону семирѣченскаго Ала-тау съ каждымъ годомъ все ослабѣвало, и Большая киргизская орда, занимавшая степи за р. Караталомъ (впадающею въ Балхашъ), стала подвергаться притѣсненіямъ коканцевъ, настроившихъ рядъ укрѣпленій между рѣками Таласомъ и Или. Не находя себѣ защиты отъ двигавшагося съ юга врага Большая орда вновь обратилась къ покровительству русской власти и, въ 1845 году, она была принята въ подданство Россіи; въ слѣдующемъ же году, у подножія семирѣченскаго Ала-тау, заложено укрѣпленіе Копалъ, съ поселеніемъ при немъ части сибирскихъ казаковъ [2]). Этимъ положено было первое начало русской колонизаціи въ семирѣченскомъ краѣ, которая, пользуясь благопріятными условіями мѣстности, получила въ скоромъ времени быстрое и успѣшное развитіе.

Съ принятіемъ въ подданство киргизовъ Большой орды, вліяніе наше распространилось до р. Или, хотя она и не могла считаться дѣйствительною границею нашихъ владѣній, такъ какъ за этою рѣкою кочевали многіе роды, признававшіе себя русскими под-

---

[1]) Дѣло Департамента генеральнаго штаба, 1853 г.

[2]) Дѣло Д-та генер. штаба 1844 г. (6 частей), № 70.

данными. Тѣмъ временемъ коканцы не переставали тревожить киргизовъ, высылали въ ихъ кочевья сборщиковъ податей и войска для наказанія ауловъ, отказывавшихся отъ подчиненія коканскимъ властямъ; наконецъ, подстрекали нѣкоторыхъ изъ родоначальниковъ къ безпорядкамъ и грабежамъ. Малочисленность войскъ и въ этой части степи не дозволяла сразу устранить эти вредныя для спокойствія края причины. Достигнуть этого удалось лишь въ 1850 и 1851 годахъ, послѣ военныхъ движеній, произведенныхъ за р. Или и уничтоженія ближайшаго коканскаго укрѣпленія. Перенеся наши дѣйствія въ Заилійскій край, мы очутились въ подгорной странѣ, которая, по свойствамъ почвы и климатическимъ условіямъ, обѣщала служить надежнымъ источникомъ для продовольствія расположенныхъ въ ней войскъ, внѣ зависимости отъ доставки его съ отдаленной линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, занятіемъ этого края мы прикрывали большую часть новыхъ нашихъ подданныхъ отъ вмѣшательства коканцевъ и обезпечивали, въ извѣстной степени, спокойствіе степи. Соображенія эти побудили правительство основать у подножія Заилійскаго Ала тау, на рѣчкѣ Алматы, укрѣпленный пунктъ, постройка котораго окончена въ 1854 году; онъ получилъ названіе укр. Вѣрный нынѣ областной городъ Семирѣченской области) и сталъ главнымъ центромъ русской осѣдлости въ краѣ и исходнымъ пунктомъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, имѣвшихъ столь важное вліяніе на судьбы Средней Азіи [1]).

Вынужденные условіями сосѣдства съ полудикими племенами къ неизбѣжному подчиненію ихъ своей власти, мы въ то же время старались устранять, по-возможности, всякіе поводы къ столкновенію и къ расширенію нашихъ предѣловъ къ сторонѣ Западнаго Китая, хотя власть пекинскаго правительства была далеко не прочна къ этой отдаленной окраинѣ. Интересы обоихъ государствъ, Россіи и Китая, указывали на необходимость поддержанія взаимныхъ добрыхъ отношеній, основанныхъ на упроченіи спокойствія и порядка въ сопредѣльныхъ пограничныхъ областяхъ, и лучшимъ средствомъ въ тому представлялось установленіе правильной торговли, выгоды которой могли бы содѣйствовать мирному преуспѣянію русскихъ и китайскихъ подданныхъ. Съ этою цѣлью заключенъ былъ нами, въ 1851 году, торговый договоръ въ гор. Кульджѣ, открывшій свободный доступъ нашимъ товарамъ въ сосѣднюю Чжунгарію и Восточный Туркестанъ, находившійся тогда еще во власти Китая, а также право имѣть русскія консульства въ Кульджѣ, Чугучакѣ и Кашгарѣ.

---

[1]) Дѣло Д-та генер. штаба 1852 г. № 25 (сибирское).

Послѣдствіемъ этого договора было необычайно-быстрое развитіе нашей торговли съ Западнымъ Китаемъ, которая продолжалась до 1864 года, хотя ей и нанесенъ былъ значительный ущербъ уничтоженіемъ нашей факторіи въ Чугучакѣ, во время возмущенія 1855 года. Несмотря на вполнѣ дружественныя отношенія, установившіяся между нами и китайцами, пограничное начальство послѣднихъ не переставало, по-временамъ, заявлять какъ-бы права свои на подвластныхъ намъ киргизовъ, высылая въ ихъ кочевья свои отряды; подобные случаи, участившіеся послѣ вступленія въ русское подданство, въ концѣ 1850-годовъ, нѣкоторыхъ родовъ кара-киргизовъ, кочующихъ къ востоку отъ бассейна оз. Иссыкъ-куля, улаживались большею частью мирнымъ образомъ, благодаря разумной твердости нашихъ отрядныхъ начальниковъ [1]. Наконецъ, убѣдившись въ безполезности своихъ притязаній на непринадлежащія имъ земли, пограничныя китайскія власти болѣе не возобновляли ихъ, и вскорѣ сами должны были уступить господство надъ Чжунгаріей и Восточнымъ Туркестаномъ грозно поднявшемуся противъ нихъ мусульманскому элементу.

Эпоха восточной войны застаетъ Россію уже глубоко продвинувшеюся въ Среднюю Азію со стороны Урала и Иртыша: длинными линіями укрѣпленій, возведенныхъ въ десятилѣтній періодъ времени, охватили мы большую часть киргизскихъ степей, подчинивъ ихъ фактически своей власти и закрѣпивъ наше вліяніе между номадами устройствомъ вблизи линій русскихъ поселеній. Но остановиться на этомъ мы не могли. Одинъ взглядъ на карту показываетъ, что между обѣими линіями, сыръ-дарьинскою и сибирскою, крайними передовыми пунктами которыхъ были укрѣпленія: фортъ Перовскій и Вѣрный, оставался открытый промежутокъ, на пространствѣ въ 900 слишкомъ верстъ. Это были, такъ сказать, обширныя ворота, черезъ которыя коканцы и подвластные имъ киргизы могли, во всякое время и безнаказанно, проникать внутрь нашихъ степей, прерывать сообщенія линій, грабить и волновать подданныхъ намъ кочевниковъ. Лежавшія вблизи нашихъ передовыхъ укрѣпленій коканскія крѣпостцы служили постоянною угрозою спокойствію мирныхъ киргизовъ, такъ какъ малочисленность нашихъ гарнизоновъ не позволяла имъ далеко отдаляться отъ

---

[1] Дѣла Д-та генер. штаба: № 44—1852 г., № 6—1856 г. и № 4—1859 года; Историч. Записка о пограничныхъ отношеніяхъ къ Китаю, составл. въ Западно-сибир. окружн. штабѣ.—Былъ, однако, одинъ случай открытаго столкновенія съ китайскими войсками на р. Каркарѣ, въ 1862 году, когда начальникъ нашего отряда долженъ былъ прибѣгнуть къ оружію, чтобы удалить китайцевъ изъ русскихъ предѣловъ.

укрѣпленій для защиты преданнаго намъ кочеваго населенія отъ непріятельскаго нападенія.

Естественнымъ средствомъ для окончательнаго успокоенія киргизской степи и обезпеченія ея отъ вторженія грабительскихъ шаекъ съ юга представлялось соединеніе оконечностей обоихъ линій, замкнувъ, такимъ образомъ, нашу южную границу на всемъ пространствѣ отъ форта Перовскаго до Вѣрнаго. Необходимость этого предпріятія сознавалась какъ высшимъ правительствомъ, такъ и мѣстною степною властью; а потому, когда въ 1854 году подвергнуты были обсужденію, въ особомъ комитетѣ, вопросы, относящіеся къ устройству нашихъ средне-азіятскихъ окраинъ, рѣшено было, для прочнаго утвержденія въ нихъ, сомкнуть фланги оренбургской и сибирской линій. Осуществленіе этого важнаго рѣшенія требовало, конечно, соотвѣтственнаго усиленія войскъ и новыхъ расходовъ; но послѣдніе окупились бы постепеннымъ занятіемъ плодородныхъ мѣстностей по склонамъ западныхъ вѣтвей Тянь-шаня, откуда войска могли получать необходимое имъ продовольствіе и гдѣ открывалось новое поле для русскихъ поселеній.

Великая борьба, происходившая въ то время на южныхъ предѣлахъ европейской Россіи, не позволила тогда-же приступить къ исполненію предначертанной для Средней Азіи задачи. Къ тому же осуществленіе ея требовало предварительной подготовки, ознакомленія съ предстоящимъ театромъ дѣйствій, упроченія нашего положенія въ только-что занятыхъ мѣстностяхъ. Этимъ заботамъ и посвящено было вниманіе оренбургскаго и сибирскаго начальствъ до наступленія шестидесятыхъ годовъ.

Между тѣмъ степь оренбургскаго вѣдомства, пользовавшаяся, при управленіи ею Обручевымъ, сравнительнымъ спокойствіемъ, съ 1854 года стала вновь театромъ грабежей, отъ которыхъ страдали наши мирные киргизы. Извѣстный разбойникъ Исетъ Кутебаровъ, по-видимому смирившійся въ 1847 году, открыто выступилъ врагомъ Россіи, въ тайномъ сообщничествѣ съ хивинцами, намѣреваясь помѣшать намъ утвердиться въ при-аральской части степи и на Сыръ-дарьѣ. Еще въ 1853 году Исетъ пытался, хотя и неуспѣшно, воспрепятствовать сбору верблюдовъ для экспедиціи противъ Акъ-мечети и подстрекалъ мирныхъ киргизовъ къ возмущенію; затѣмъ, онъ принимаетъ къ себѣ хивинскихъ сборщиковъ податей, организуетъ большую шайку и смѣло начинаетъ своевольничать въ степи. Какъ ни старался Перовскій обуздать дерзкаго мятежника, сколько ни высылалось противъ него отрядовъ, Кутебаровъ искусно избѣгалъ встрѣчи съ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ нападалъ на небольшія

наши партіи и транспорты. Отсутствіе опорнаго пункта на р. Эмбѣ (противъ устройства котораго, по предположенію Обручева, рѣшительно высказался самъ Перовскій) крайне затрудняло дѣйствія нашихъ отрядовъ, которые не могли далеко углубляться въ степь и преградить Исету путь на Устюртъ, куда онъ всегда удалялся въ случаѣ большой для него опасности. Въ теченіе четырехъ лѣтъ всѣ мѣры, принятыя противъ Кутебарова, оставались безуспѣшными и онъ окончательно смирился лишь въ 1858 году, явясь съ повинною преемнику графа Перовскаго, генералу Катенину [1]).

Къ счастію, киргизы Малой орды уже настолько убѣдились въ пользѣ для нихъ отъ непосредственнаго утвержденія русской власти въ самой степи, что подстрекательства Исета и поддерживавшихъ его хивинцевъ не имѣли между ними большаго успѣха; однако, дѣйствія этого разбойника и высланныхъ противъ него отрядовъ причинили много вреда экономическому благосостоянію кочевниковъ, которые лишились при этомъ значительнаго числа скота—главнаго источника ихъ богатства.

Послѣ взятія Акъ-мечети и отраженія въ томъ же году нападенія на него коканцевъ, дѣла на Сыръ-дарьѣ находились, въ первое время, въ болѣе или менѣе мирномъ положеніи; со стороны Кокана не предпринималось ничего серьезнаго противъ вновь возведенныхъ нами фортовъ, такъ какъ въ самомъ ханствѣ происходили частыя смуты, въ которыя вмѣшивался бухарскій эмиръ; тѣ же внутреннія причины вызвали и ослабленіе хивинскаго вліянія на Сыръ-дарьинскихъ киргизовъ, имѣвшее послѣдствіемъ оставленіе хивинцами укр. Ходжа-Ніязъ на Куванъ-дарьѣ и прекращеніе ими сбора податей съ кочующихъ тамъ киргизовъ. Въ 1855 году графъ Перовскій нашелъ необходимымъ упразднить Аральское укрѣпленіе и перенести всѣ находившіяся въ немъ учрежденія, въ томъ числѣ и адмиралтейство незадолго передъ тѣмъ образованной Аральской флотиліи, въ фортъ № 1, на протокѣ Казала, который и былъ значительно расширенъ. Если эта мѣра и не можетъ быть вполнѣ оправдана военными и хозяйственными соображеніями, за то совершенно правильнымъ было другое распоряженіе Перовскаго, послѣдовавшее въ томъ же году, объ упраздненіи форта № 3, который, по своему положенію въ болотистой мѣстности, не соотвѣтствовалъ своему назначенію [2]).

Спокойствіе на сыръ-дарьинской линіи было, къ сожалѣнію, нарушено въ концѣ 1856 года возмущеніемъ части киргизовъ подъ

---

[1]) Дѣла Д-та генер. штаба: № 1855 г. № 35 и 1857 г. № 2-й.
[2]) *Л. Мейеръ*, loc. c., стр. 79 и 80.

предводительствомъ упомянутаго уже раньше Джана-ходжи; вызвано оно было, какъ нерѣдко случалось и прежде, злоупотребленіями султана-правителя и другихъ киргизскихъ властей, успѣвшихъ вкрасться въ довѣріе мѣстнаго начальства. Джанъ-ходжа, вѣрно оцѣнивавшій интересы своего народа, всегда старался поддерживать въ киргизахъ преданность къ русскимъ и, несмотря на притѣсненія и обиды, которыхъ онъ былъ предметомъ со стороны киргизскихъ чиновниковъ, онъ долго не соглашался возстать противъ насъ. Наконецъ, видя, что жалобы его и обличеніе злоупотребленій остаются безъ послѣдствій, и уступая настоятельнымъ требованіямъ притѣсняемыхъ киргизовъ, Джанъ-ходжа рѣшился открыто стать во главѣ возмущенія, чтобы этимъ, хотя и незаконнымъ, путемъ заявить высшему правительству о жалобахъ и нуждахъ народа. Мятежъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ «джанъ-ходжинскаго» и сопровождавшійся обычными послѣдствіями— грабежами и потерею скота киргизами, былъ, однако, скоро прекращенъ въ нашихъ предѣлахъ, а Джанъ-ходжа удалился на низовья Яны-дарьи, гдѣ и погибъ отъ руки султана Илекея, главнаго его врага и дѣйствительнаго виновника волненій на Сырѣ [1]).

Какъ ни печально подобное явленіе, какъ протесты съ оружіемъ въ рукахъ, оно, тѣмъ не менѣе, принесло ту пользу, что открыло главному начальству края глаза на злоупотребленія киргизскихъ властей и вызвало съ его стороны мѣры къ болѣе дѣйствительному огражденію кочевниковъ отъ притѣсненій и произвола.

Со вступленіемъ въ управленіе оренбургскимъ краемъ, въ 1857 г., генералъ-адъютанта Катенина, въ администраціи оренбургской степи послѣдовала важная перемѣна: управленіе ею передано, въ 1859 г., въ министерство внутреннихъ дѣлъ и пограничная коммисія переименована въ областное правленіе оренбургскихъ киргизовъ; киргизы же сыръ-дарьинской линіи остались, по-прежнему, въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ [2]).

Одновременно съ этимъ Катенинъ обратилъ также вниманіе на мѣры къ упроченію нашего положенія на Сыръ-дарьѣ и на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Хотя коканцы и не осмѣливались направлять свои шайки непосредственно на наши укрѣпленія, но продолжали нападать на окрестныхъ киргизовъ, изъ которыхъ въ особенности страдали кочующіе по направленію къ Джулеку; для защиты ихъ отъ грабежей, о чемъ киргизы не переставали обращаться съ просьбами къ сыръ-дарьинскому начальству, Катенинъ полагалъ

---

[1]) Дѣло Департам. генеральн. штаба 1857 г, № 2-й, и *Мейеръ*, стр. 80—85.
[2]) *Мейеръ*. стр. 86.

необходимымъ возвести въ Джулекѣ русское укрѣпленіе, но предположеніе это осуществилось уже при его преемникѣ. Та же причина, т. е. просьбы киргизовъ, кочевавшихъ за Сыръ-дарьей, по Яны-дарьѣ, объ избавленіи ихъ отъ тяжелыхъ поборовъ хивинскихъ зякетчей, а также желаніе достигнуть спокойствія въ этой сторонѣ, посредствомъ развитія между киргизами земледѣлія въ обширныхъ размѣрахъ, побудили Катенина предпринять рекогносцировку Яны-дарьи для съемки ея береговъ и выбора мѣста подъ укрѣпленіе. Произведенныя изслѣдованія показали, однако, что для орошенія яныдарьинской степи потребуются значительные расходы, и потому вопросъ о занятіи ея пришлось отложить до другаго времени [1]).

Положеніе наше на сѣверо-восточномъ берегу Каспія въ пятидесятыхъ годахъ представлялось уже гораздо болѣе обезпеченнымъ сравнительно съ предшествовавшимъ. Этимъ мы обязаны были генералу Обручеву, перенесшему Ново-Александровское укрѣпленіе изъ залива Кайдакъ на Тюпъ-карагэнскій мысъ Мангышлакскаго полуострова, откуда несравненно дѣйствительнѣе можно было ограждать нашу торговлю и рыболовство отъ морскихъ разбоевъ. Новое укрѣпленіе названо было Ново-Петровскимъ, а въ 1857 году переименовано въ фортъ Александровскій. Дѣйствительно, съ перенесеніемъ укрѣпленія на Мангышлакъ, окрестные туркмены и киргизы должны были болѣе подчиниться русскому вліянію, да и выгоды, которыя они извлекали отъ караванной торговли между фортомъ и Хивой, заставляли большую часть изъ нихъ предпочитать мирныя занятія рискованному успѣху въ грабежѣ.

Въ 1858 году возникло снова предположеніе войти въ ближайшія торговыя сношенія съ туркменами юго-восточнаго Каспійскаго прибрежья, при чемъ организованная г. Бенардаки компанія для рыболовства ходатайствовала объ устройствѣ, въ удобномъ мѣстѣ, укрѣпленной факторіи. Это послужило поводомъ къ снаряженію большой ученой экспедиціи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Дандевиля, для изслѣдованія восточнаго берега Каспійскаго моря. Въ теченіе 1859 года экспедиція съ успѣхомъ выполнила свою задачу, собрала много матеріаловъ о прибрежьѣ, доставила обширныя съемки его и для устройства факторіи избрала мѣсто въ Красноводскомъ заливѣ. Однако возведеніе тамъ постояннаго поста признано было необходимымъ отложить, и оно осуществилось лишь десять лѣтъ спустя [2]).

---

[1]) Дѣла Департамента генер. штаба: 1858 г. № 14 и 1859 г. № 5 (особое).
[2]) Дѣла Департамента генеральнаго штаба 1858 г.: №№ 13 и 15-й.

Въ исторіи нашей торговли съ среднеазіатскимъ краемъ, за послѣднее время можно указать на многія попытки нашихъ торговцевъ и частныхъ лицъ завязать эту торговлю, но во всѣхъ этихъ попыткахъ не было ни системы, ни правильныхъ дѣйствій, а барышническое направленіе, а подъ-часъ и разбойническое, не внушало въ азіатцахъ ни довѣрія къ намъ, ни симпатіи и только въ 1863 году, въ торговлѣ нашей съ Азіей, еще едва возникающей, но уже тогда обѣщающей въ будущемъ огромное развитіе, видное мѣсто заняла дѣятельность извѣстнаго московскаго торговаго дома бр. Хлудовыхъ, довершителемъ которой, былъ Михаилъ Александровичъ Хлудовъ, прибывшій въ Среднюю Азію въ 1863 году, гдѣ, подъ руководствомъ брата своего Ивана, изучившаго всю механику веденія торговаго дѣла въ Бременѣ, въ нѣмецкой конторѣ, имѣвшей торговыя сношенія со всѣми странами мира. Убѣдившись, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ очевидномъ желаніи иностранцевъ держать русскую торговлю въ своихъ рукахъ, отнимая возможность непосредственныхъ сношеній съ иностранными рынками, Хлудовъ рѣшился противодѣйствовать этому. Побывавъ въ Англіи и ознакомившисъ здѣсь съ производствомъ хлопка, онъ въ 1860 году отправился въ Америку и вступилъ въ переговоры съ содержателями плантацій. Изъѣздивъ всю сѣверную Америку вдоль и поперегъ, онъ успѣлъ основать прочныя, прямыя сношенія но, къ сожалѣнію, возникшая война помѣшала успѣху предпріятія. однако онъ успѣлъ разгрузить свой мануфактурный товаръ въ Южныхъ штатахъ, и выгодно обмѣнялъ его на хлопокъ, но, блокирующія суда погнались за добычею и пароходъ съ хлопкомъ,—стоимостью болѣе чѣмъ на милліонъ—былъ конфискованъ сѣверянами, а оставшееся, на берегу вдвое большее количество хлопка было сожжено и такимъ образомъ, первая попытка была неудачна, но уже одна смѣлость и предпріимчивость обратила общее вниманіе на даровитаго и отважнаго русскаго торговца. Наши пріобрѣтенія въ Средней-Азіи, потянувшія къ себѣ многіе изъ торговыхъ домовъ, обратили на себя вниманіе и Хлудовыхъ, но неожиданная смерть Ивана постигла его въ Самаркандѣ.

Постоянный его спутникъ и сотрудникъ въ дѣлѣ, родной братъ его, Михаилъ Александровичъ Хлудовъ, руководствуясь той же справедливой мыслью, что установленіе прочныхъ сношеній съ самими производителями и потребителями есть главнѣйшее ручательство успѣха дѣла, явился нашимъ первымъ піонеромъ торговаго дѣла въ Азіи и съ замѣчательной силой воли и энергіи взялся за продолженіе предпріятія, начатаго его братомъ, употребляя всѣ свои средства и силы на развитіе въ Средней-Азіи русской торговли и

открытіе новыхъ рынковъ для сбыта отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній. М. А. Хлудовъ, первый изъ русскихъ купцовъ посѣтилъ Бухару въ 1863—1865 годахъ, не скрывая своего происхожденія, и устроилъ съ нею торговое сношеніе. Въ послѣдующіе два года онъ, первый же, проѣхалъ въ Коканъ. организовалъ тамъ русскія конторы и устроилъ въ Ходжентѣ европейскую шелкомотательную фабрику; это устройство стоило громаднаго риска и затратъ, такъ какъ шелкоразмотня была отправлена туда волокомъ, по пустыннымъ песчанымъ степямъ. Преодолѣвая самыя невѣроятныя и различныя препятствія, этотъ русскій витязь, какъ справедливо можно назвать Хлудова, проникъ съ своимъ караваномъ въ Кашгаръ и завязалъ непосредственныя сношенія съ владѣльцемъ Актышара, Якубъ-Бекомъ. Поражающій своею энергическою предпріимчивостью, неостанавливающеюся ни предъ какими препятствіями, лишь бы довести задуманное дѣло до успѣшнаго результата М. А. Хлудовъ упрочилъ и широко развилъ русское торговое дѣло въ Средней Азіи, и ему обязаны мы, тому благотворному цивилизующему вліянію этой торговли на туземцевъ Азіи, которое мало-по-малу развивается и даетъ благопріятные результаты.

М. А. Хлудовъ родился 26 октября 1841 года (умеръ 31 мая 1885 г.). Тотчасъ по пріѣздѣ въ Туркестанъ онъ сдѣлался любимцемъ М. Г. Черняева, который видѣлъ въ немъ честную, чисторусскую натуру, готовую на всякое самопожертвованіе. Такъ М. А. Хлудовъ въ пріѣздъ свой въ Бухару, узнавъ о задержанныхъ и посаженныхъ въ тюрьму трехъ путешественикахъ — итальянцахъ, подозреваемыхъ въ шпіонствѣ (Litta Gavazzi Meazza), не смотря на личную небезопасность, настойчиво потребовалъ освобожденія плѣнныхъ, угрожая вмѣшательствомъ русскаго правительства и добился освобожденія несчастныхъ, за что и награжденъ отъ итальянскаго короля орденомъ Св. Маврикія и Лазаря. М. А. Хлудовъ говорилъ на всѣхъ нарѣчіяхъ Средней Азіи и зналъ всѣ дороги и тропинки, чрезъ что очень большія услуги оказывалъ въ походахъ Черняева и др. военно-начальниковъ и нѣсколько разъ самъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ непріятелей и, между прочимъ, при штурмѣ Ура-Тюбе и Джюзака. Объ участіи въ штурмѣ этой крѣпости, начальствующій войскомъ генералъ Романовскій такъ доносилъ генералу Крыжановскому: [1]) «Считаю справедливымъ отдать должную похвалу почетному гражданину М. Хлудову, который заслуженно обратилъ на себя вниманіе своею полезною

---

[1]) Донесеніе Генер. романовткаго отъ 1 Ноября 1866 г. № 5574 (дѣло учен. арх. Главн. Штаба).

добросовѣстною дѣятельностью по введенію въ здѣшнемъ краѣ русской правильной торговли, и будучи вызванъ въ отрядъ на случай торговыхъ сношеній съ Бухарою, добровольно принялъ горячее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Джюзакомъ, находясь въ день штурма съ поручикомъ Кузьминскимъ, онъ вынесъ его раненаго изъ огня, а затѣмъ, въ слѣдующіе дни оставаясь постоянно въ походномъ госпиталѣ, искренно и радушно помогалъ тамъ нашимъ раненымъ». За этотъ подвигъ и свою полезную и энергическую дѣятельность М. А. Хлудовъ удостоился быть представленнымъ Государю Императору и пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 4 ст.

Обратимся теперь къ нашимъ дипломатическимъ сношеніямъ съ Среднею Азіею.

Со времени посольствъ Бутенева и Данилевскаго въ Бухару и Хиву протекло около шестнадцати лѣтъ, и правительство наше, помня безрезультатныя послѣдствія этихъ миссій, воздерживалось все это время отъ непосредственныхъ дипломатическихъ сношеній съ обоими ханствами. Тѣмъ не менѣе и хивинскіе и бухарскіе посланцы не переставали надоѣдать своими посѣщеніями, являясь иногда и къ Высочайшему Двору, хотя министерство иностранныхъ дѣлъ неоднократно старалось отклонять пріѣздъ ихъ въ Петербургъ, вызывавшій лишь безполезные расходы. Случалось, что вмѣстѣ съ этими азіятскими посольствами возвращаемы были и нѣкоторые изъ русскихъ плѣнниковъ; такъ, напр., пріѣзжавшій въ 1850 году хивинскій посланецъ привезъ съ собой нѣсколько человѣкъ освобожденныхъ нашихъ соотечественниковъ, взамѣнъ чего освобождены были 19 хивинцевъ, взятыхъ въ плѣнъ при разновременныхъ нападеніяхъ на нашихъ мирныхъ киргизовъ и содержавшихся въ крѣпостяхъ [1].

Въ 1857 году, почти одновременно, явилось два посольства, изъ Хивы и Бухары, для поднесенія поздравленій съ восшествіемъ на престолъ Государя Александра II; причемъ эмиръ бухарскій, въ своемъ письмѣ, а хивинскій ханъ чрезъ своего посланца, просили о присылкѣ къ нимъ довѣреннаго лица съ отвѣтными грамотами. Какъ ни было убѣждено правительство въ малой пользѣ дипломатическихъ сношеній съ азіятскими ханствами, тогдашнія обстоятельства сложились такимъ образомъ, что предположеніе посланцевъ объ отправленіи нашей миссіи въ Среднюю Азію совпадало съ видами министерства иностранныхъ дѣлъ. Мы видѣли, что въ теченіе долгаго періода времени никто изъ русскихъ образованныхъ лицъ не проникалъ ни въ Хиву, ни въ Бухару, а потому

---

[1] Дѣло Департамента генеральнаго штаба 1850 г. № 15.

имѣвшіяся объ этихъ ханствахъ свѣдѣнія, относившіяся къ началу сороковыхъ годовъ, не могли отвѣчать современнымъ требованіямъ нашей политики; между тѣмъ, съ занятіемъ Сыръ-дарьи, мы настолько приблизились къ названнымъ владѣніямъ, въ особенности къ Хивѣ, что успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ отношеніи къ нимъ могъ зависѣть только отъ вѣрной оцѣнки положенія дѣлъ какъ въ этихъ ханствахъ, такъ и въ сосѣднихъ съ ними странахъ. Кромѣ того, торговыя сношенія наши, по-прежнему стѣснявшіяся несообразными пошлинами и стараніями азіятскихъ торговцевъ воспрепятствовать нашимъ купцамъ самимъ посѣщать торговые рынки ханствъ, вызывали предположеніе еще разъ попытаться достигнуть болѣе выгодныхъ коммерческихъ условій. Наконецъ, вопросъ о значеніи Аму-дарьи, въ торговомъ и политическомъ смыслѣ, обращалъ тогда особенное наше вниманіе и требовалъ также собранія возможно-подробныхъ свѣдѣній объ этой великой рѣкѣ Средней Азіи [1]).

Изложенныя причины побудили правительство изъявить согласіе на просьбы бухарскаго и хивинскаго владѣтелей, и въ концѣ 1857 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отправленіи нашей миссіи, съ прикомандированіемъ къ ней нѣкоторыхъ лицъ отъ академіи наукъ и географическаго общества, а также двухъ офицеровъ генеральнаго штаба, для научныхъ работъ. Начальникомъ миссіи назначенъ былъ флигель-адъютантъ, генеральнаго штаба полковникъ Игнатьевъ (нынѣ генералъ-адъютантъ, бывшій посолъ въ Константинополѣ). По утвержденному предположенію, наше посольство должно было слѣдовать отъ Аральскаго моря на пароходѣ до Хивы, а оттуда, по исполненіи своего порученія,—до Чарджуя, на Аму-Дарьѣ, верстахъ въ ста отъ гор. Бухары; «въ случаѣ нужды, говорилось въ докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ, пароходъ пойдетъ еще далѣе, именно до Балха».

Инструкціи, которыми снабженъ былъ полковникъ Игнатьевъ для переговоровъ съ Хивой и Бухарой, ничѣмъ почти не отличались отъ указаній, данныхъ нашимъ миссіямъ въ 1840 и 1841 годахъ; единственное новое условіе, которое мы имѣли въ виду достигнуть отъ владѣтелей обоихъ ханствъ, заключалось въ правѣ свободнаго плаванія для нашихъ судовъ по Аму-дарьѣ, предоставляя хивинскому хану взимать съ провозимыхъ водою въ Бухару нашихъ товаровъ соотвѣтствующую пошлину.

Въ половинѣ мая 1858 года посольство наше, въ составѣ

---

[1]) Высочайше утвержденный 16 октября 1857 г. докладъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

естественнымъ предѣломъ и охраной противъ нашихъ неспокойныхъ туркестанскихъ сосѣдей. Но красивая на картѣ черта горъ Каратау въ дѣйствительности совершенно не соотвѣтствовала такому предположенію и не могла имѣть серьезнаго значенія связующаго звена между восточной и западной пограничными линіями.

Неравенства двухъ пограничныхъ мѣстностей, между которыми проходили Каратаускія горы, были слишкомъ ярки, чтобы не видѣть, какія громадныя выгоды находятся на сторонѣ Коканда. Тогда какъ къ сѣверу отъ Каратау, т. е. по нашу сторону, лежали необозримыя безводныя степи, а вдоль самыхъ горъ мы не имѣли ни одного обезпеченнаго опорнаго пункта и даже сносной дороги, — тогда какъ вся наша сыръ-дарьинская линія кормилась исключительно привознымъ изъ Оренбурга хлѣбомъ,—по южную сторону тѣхъ-же горъ тянулась живая, культурная полоса, орошенная р. р. Карайчикомъ, Арысомъ, Бугунью, Бадамомъ и множествомъ другихъ рѣчекъ, сбѣгающихъ съ горъ и впадающихъ въ Сыръ-дарью,—край, богатый хлѣбомъ, съ густымъ и торговымъ населеніемъ, съ колесными путями; край, среди котораго Кокандъ имѣлъ противъ насъ такіе сильные и выгодные стратегическіе пункты, какъ Туркестанъ и Ауліеата, связанные въ крѣпчайшій треугольникъ съ самымъ сильнымъ третьимъ угломъ — Чимкентомъ.

Поэтому нисколько не кажется удивительнымъ, почему въ послѣдующихъ проектахъ протяженіе границы по Каратау стало все болѣе сокращаться и отходить на югъ, сначала перенесеніемъ крайнихъ точекъ въ Ауліеата и Яныкурганъ (на Сырѣ), а изъ послѣдняго затѣмъ въ Туркестанъ.

Осуществленіе этого послѣдняго проекта рѣшено было возложить на оба крыла разомъ, какъ со стороны Сибири, такъ и со стороны Оренбурга.

Почти одновременно двинулись съ передовыхъ пунктовъ отряды лѣваго и праваго крыла: одинъ, въ $2^1/_2$ тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Черняева, по направленію къ Ауліеата; другой, въ 1200 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Веревкина, по пути къ Туркестану. Сибирскому отряду суждено было праздновать побѣду раньше.

28 мая онъ выступилъ изъ Мерке и безпрепятственно дошелъ до уроч. Узунъ-булакъ, отстоящаго отъ Ауліеата верстъ на 30. Здѣсь было получено извѣстіе о намѣреніи кокандцевъ встрѣтить русскихъ впереди Ауліеата. Оставивши вагенбургъ съ небольшимъ прикрытіемъ, полковникъ Черняевъ, съ разсвѣтомъ 2-го іюня, двинулся съ остальнымъ отрядомъ впередъ.

Верстъ черезъ 10 показались кокандскіе ведеты и стали отступать къ городу. Не дойдя 7 верстъ до Ауліеата, отряду данъ былъ 3-хъ часовой отдыхъ, послѣ котораго онъ занялъ командующія городомъ высоты, оттѣснивъ съ нихъ кокандскія скопища. Кокандцы переправились на лѣвый берегъ р. Таласа, вывезли-было изъ крѣпости 4 орудія подъ прикрытіемъ пѣхоты и конницы, но огонь нашей артиллеріи съ занятой высоты принудилъ ихъ тотчасъ же возвратиться обратно.

Вечеромъ полковникъ Черняевъ отправилъ къ началенику крѣпости письмо о сдачѣ города безъ боя. Въ назначенный срокъ посланный не вернулся, и по городу и крѣпости былъ открытъ огонь изъ 8 орудій. На другой день, къ 6-ти часамъ утра, посланный пріѣхалъ съ ауліеатинскимъ купцомъ и привезъ отвѣтъ, въ которомъ просилось двѣ недѣли на размышленіе. Начальникъ отряда отвѣтилъ, что его требованія остаются неизмѣнными, и вновь приказалъ открыть огонь, усиливъ осадную артиллерію. 4-го числа произведена рекогносцировка крѣпости, которая оказалась наиболѣе слабой на западной своей сторонѣ, что подало командующему отрядомъ мысль штурмовать ее безъ траншейныхъ работъ, воспользовавшись прикрытіемъ городскихъ построекъ.

На завтра, не смотря на проливной дождь, колонна изъ 5 ротъ, одной сотни и 8 орудій переправилась черезъ рѣку и подошла къ городу съ западной стороны. Вся артиллерія выдвинута была на позицію, и исключительно ея дѣйствіемъ рѣшена побѣда. Кокандцы, сосредоточившіе въ этомъ мѣстѣ большую часть своего гарнизона и 4 пушки, были выбиты изъ своихъ позицій впереди стѣны посланными противъ нихъ тремя ротами, которыя и ворвались въ городъ и крѣпость на плечахъ бѣжавшихъ защитниковъ. Начальникъ крѣпости съ 4 сотнями всадниковъ бѣжалъ, сарбазы побросали орудіе, и, черезъ два часа послѣ первыхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи, городъ былъ въ полной нашей власти. Взятіе его стоило намъ 5 раненыхъ человѣкъ.

Не такъ легко достался Туркестанъ оренбургскому отряду.

8-го іюня онъ достигъ спокойно рѣчки Карайчика (правый притокъ Сыра), встрѣтивъ лишь небольшія партіи кокандцевъ, которые, послѣ небольшой перестрѣлки, уступили переправу, гдѣ и ночевалъ отрядъ, въ 9 верстахъ отъ Туркестана. На другой день отрядъ переправился на ту сторону, и вскорѣ передъ нимъ открылся городъ съ своими садами и грандіозной мечетью Азретъ-Султанъ, высоко поднимавшейся надъ всѣми остальными постройками. Передъ садами отрядъ былъ встрѣченъ пулями, но нѣсколь-

кими орудійными выстрѣлами толпы передъ стѣнами были прогнаны, сады заняты и тотчасъ же сдѣлана рекогносцировка.

Ночью начаты осадныя работы и къ разсвѣту поставлены и вооружены три батареи, съ которыхъ весь день 10-го іюня обстрѣливали городъ и произвели въ немъ нѣсколько пожаровъ.

Но въ тотъ же день, не смотря на высылку казачьей сотни, въ Туркестанъ, на помощь гарнизону, вступилъ отрядъ изъ 120 кольчужниковъ, во главѣ которыхъ былъ сынъ извѣстнаго нѣкогда въ киргизской степи бунтовщика Кенисары, заклятый врагъ русскихъ, успѣвшій составить себѣ репутацію страшнаго атамана разбойничьихъ шаекъ— Садыкъ. А вслѣдъ за Садыкомъ, по слухамъ, долженъ былъ прибыть на поддержку осажденнымъ еще отрядъ изъ Ташкента. Все это заставляло торопиться осадой.

Слѣдующая ночь была лунная, и хотя траншейныя работы и удалось довести на 80 саж. до стѣны и заложить новую батарею, но стрѣльба со стѣнъ по работамъ, а также нѣсколько вылазокъ, сдѣланныхъ кокандцами, стоили отряду 3-хъ убитыхъ и 25 раненыхъ.

Весь слѣдующій день продолжалась сильная стрѣльба съ крѣпости. А съ наступленіемъ ночи кокандцы повели противъ осаждающихъ вылазку за вылазкой: первое нападеніе было сдѣлано на лагерь, затѣмъ на головныя работы съ двухъ сторонъ —конницей и пѣшими стрѣлками. Почти одновременно произведено нападеніе на батарею и вслѣдъ затѣмъ еще одна большая вылазка пѣхоты. Всѣ эти вылазки были отбиты огнемъ съ самой близкой дистанціи, и, не смотря на ихъ непрерывность, осадныя работы подвинулись уже настолько близко къ стѣнѣ, что рабочіе вскорѣ перебѣжали къ передовому рву и уже приготовились для начатія тихой сапы.

Это было передъ разсвѣтомъ 12-го іюня, когда разнеслись слухи о сдачѣ крѣпости и огонь со стѣнъ совершенно прекратился.

Оказалось, что комендантъ туркестанской крѣпости Мурза-Давлетъ, видя, что всѣ его старанія остановить русскихъ безсильны, чѣмъ свѣтъ утромъ вышелъ изъ города съ 360 своихъ приближенныхъ людей, подъ предлогомъ вылазки, и двинулся по ташкентской дорогѣ къ Чимкенту. Съ нимъ ушелъ и Садыкъ. Тогда жители выслали къ полковнику Веревкину депутацію о сдачѣ города и цитадели.

Русскія войска вступили въ Туркестанъ въ 10 ч. утра; занятіе его стоило намъ убитыми 5 и 33 человѣка ранеными и контуженными.

Этими двумя побѣдами—подъ Ауліеата и Туркестаномъ—начался

военный 1864 годъ, который до самаго конца представляетъ непрерывный рядъ военныхъ дѣйствій, сосредоточившихся около Чимкента, какъ пункта, наиболѣе важнаго, взятіе котораго рѣшало судьбу нашего окончательнаго упроченія въ Средней Азіи.

Дѣйствительно, взятіе Аулiеата и Туркестана хотя ставило русскихъ на болѣе прочныя опоры въ отношеніи къ Коканду, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще не разрѣшало окончательно вопроса о сомкнутіи нашей южной границы. Съ одной стороны—разстояніе между ними было еще слишкомъ велико и не обезпечено отъ прорыва, съ другой—въ главномъ углѣ, придававшемъ крѣпость всему треугольнику и составлявшемъ, такъ-сказать, узелъ этой мѣстности—въ Чимкентѣ было далеко не спокойно. Онъ сдѣлался центромъ кокандскихъ военныхъ операцій противъ насъ. Сюда стягивались войска, отсюда высылались шайки и скопища въ нашу сторону, здѣсь стерегли насъ и выжидали удобнаго момента отомстить за Туркестанъ и Аулiеата, одновременнымъ нападеніемъ на оба эти пункта. Это было тѣмъ удобнѣе, что главная дорога, соединявшая Аулiеата съ Туркестаномъ, была въ рукахъ кокандцевъ и проходила чрезъ Чимкентъ; разорвать же существовавшее сообщеніе между нашими крайними пунктами вдоль Каратаускихъ горъ, гдѣ, на протяженіи 300 верстъ, не было ни одного опорнаго пункта, было чрезвычайно легко.

Враждебное положеніе, занятое относительно насъ Чимкентомъ, побудило принять мѣры предосторожности. Такъ, появленіе въ въ верховьяхъ рр. Чоткала и Карабуры (въ сосѣдствѣ съ Аулiеата) кокандскихъ скопищъ, вербовавшихъ нашихъ новыхъ подданныхъ киргизъ, чтобы съ ними двинуться на Аулiеата, заставило полковника Черняева послать въ эту гористую и трудно-доступную мѣстность летучій отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Лерхе. Отрядъ, сдѣлавши нѣсколько быстрыхъ переходовъ,—причемъ ему пришлось перейти два снѣжныхъ перевала чрезъ горы,—достигъ небольшой крѣпостцы Чиназъ, составлявшей исходный пунктъ дѣятельности кокандцевъ въ этой мѣстности, но не могъ захватить уже никого: кокандцы скрылись, уведя заложниками многихъ изъ нашихъ султановъ и біевъ. Точно также скрылся и нѣкій Сарымсакъ—вліятельный и воинственный киргизъ, державшій сторону кокандцевъ, и, съ помощью своихъ вооруженныхъ людей, хозяйничавшій въ верховьяхъ долины Чаткала.

Въ это же время стало положительно извѣстно о движеніи кокандскихъ войскъ къ Чимкенту. Вслѣдствіе этого начальникъ зачуйскаго отряда, желая предупредить дальнѣйшее ихъ сосредоточеніе вблизи нашей границы, рѣшилъ вернуть подполковника

Лерхе въ Ауліеата и затѣмъ подвинуть свой отрядъ къ Чимкенту, еще ранѣе войдя по этому предмету въ соглашеніе съ начальникомъ сыръ-дарьинской линіи, котораго и просилъ выслать съ своей стороны самостоятельный отрядъ съ тою же цѣлью.

7 іюля полковникъ Черняевъ, во главѣ отряда въ 1298 человѣкъ, выступилъ по дорогѣ къ Чимкенту, въ то время какъ изъ Туркестана былъ двинутъ отрядъ въ 405 человѣкъ, подъ начальствомъ капитана Мейера.

Главныя кокандскія силы шли изъ Ташкента подъ предводительствомъ самого регента, Муллы-Алимкула. Передовыя войска, стоявшія въ Чимкентѣ подъ начальствомъ Мынбая, доходили численностью до 6 тыс. при 4-хъ орудіяхъ. Полковникъ Черняевъ остановился, не доходя до урочища Арысъ верстъ 70, на позиціи Якши-су, чтобы выждать опредѣленныхъ извѣстій о томъ, куда намѣренъ направиться Алимкулъ, а также получить точныя свѣдѣнія объ отрядѣ капитана Мейера. Письмо отъ послѣдняго было получено въ ночь на 13-е число. На другой день отрядъ Черняева усиленными переходами двинулся на соединеніе съ туркестанскимъ отрядомъ, пославъ Мейеру увѣдомленіе о томъ, чтобы онъ или дожидался его, или шелъ къ нему навстрѣчу. Но письмо это дошло до Мейера уже тогда, когда онъ, перейдя 13-го числа р. Арысъ, стоялъ на позиціи Акъ-булакъ, окруженный кокандскими войсками настолько, что едва удалось одному изъ джигитовъ прорваться чрезъ ихъ линію, чтобы дать знать въ отрядъ полковника Черняева.

Съ утра 14-го іюля, маленькій отрядъ капитана Мейера, обстрѣливаемый со всѣхъ сторонъ фальконетнымъ и ружейнымъ огнемъ, приступилъ къ укрѣпленію своей невыгодно выбранной позиціи, прикрываясь мѣшками съ провіантомъ и вьючными верблюдами. Первый натискъ бросившихся на отрядъ кокандцевъ былъ отбитъ артиллерійскимъ огнемъ, и вслѣдъ за этимъ партія охотниковъ прогнала кокандскихъ стрѣлковъ изъ ближайшихъ овраговъ. Но послѣ полудня кокандцы поставили на высотахъ три пушки и стали обстрѣливать позицію отряда разрывными снарядами.

На утро дѣло завязалось вновь. Хотя рѣшительная атака кокандцевъ и была отбита, но ихъ регулярная пѣхота, кизылъ-баши) не смѣшалась и, отступивъ, открыла чрезвычайно мѣткій огонь по отряду, стоившій ему не мало потерь.

Во время перемирія, предложеннаго капитаномъ Мейеромъ для уборки кокандцами своихъ убитыхъ и раненыхъ, произошло словесное объясненіе съ посланными начальника кокандскихъ войскъ о причинѣ появленія нашего отряда; причемъ капитанъ Мейеръ счелъ

необходимымъ отвѣтить запиской, что цѣль отряда—произвести съемку мѣстности, сдѣлавъ которую онъ долженъ отойти назадъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній своего начальства.

Между тѣмъ, по запискѣ капитана Мейера, которую привезъ въ ночь на 15-е число прорвавшійся чрезъ кокандскую линію джигитъ, изъ отряда полковника Черняева была двинута на рысяхъ вся конница [1]) на подкрѣпленіе окруженнаго отряда. Не доходя 5 верстъ до позиціи туркестанскаго отряда, конница была атакована кокандцами и задержана на пути. Услыша пальбу изъ орудій, полковникъ Черняевъ поспѣшилъ на помощь съ другимъ коннымъ взводомъ орудій и 25 конными стрѣлками и 30 милиціонерами. Кокандцы должны были отступить. Вслѣдъ за этимъ прекратилась и слышанная прежде пальба со стороны туркестанскаго отряда. Чрезъ нѣсколько часовъ авангардъ догнали верхами и на ротныхъ повозкахъ еще 30 стрѣлковъ, а затѣмъ прибыла рота,—и вновь появившіяся кокандскія скопища были прогнаны почти къ самому Чимкенту. Ко времени прибытія всего отряда на арыкъ Кизылъ-су, полчища, дѣйствовавшія противъ отряда капитана Мейера, сосредоточились на высотѣ передъ отрядомъ полковника Черняева, который заставилъ ихъ очистить позицію и остановился на ней, не могши соединиться съ туркестантскимъ отрядомъ въ тотъ же день, по причинѣ совершеннаго изнеможенія людей и наступившей ночи.

Въ отрядѣ капитана Мейера эта ночь прошла въ приготовленіи къ выступленію. Собравшись съ трудомъ къ утру, онъ двинулся-было по обратной дорогѣ, но узнавъ, что въ тылу находится полковникъ Черняевъ остановился на первой удобной позиціи съ свѣжей водой. Потери туркестанскаго отряда были весьма значительны: убито 13, ранено и контужено 4 офицера, 58 нижнихъ чиновъ и 5 киргизовъ,—всего 80 человѣкъ.

Такъ какъ на пути соединенія полковника Черняева съ капитаномъ Мейеромъ стоялъ Алимкулъ съ 5 тыс. войска, то первымъ былъ посланъ отрядъ изъ 3-хъ ротъ и 4-хъ орудій, который дошелъ до туркестанскаго отряда и на другой день возвратился съ нимъ вмѣстѣ на позицію Кизылъ-су.

16-го же числа Алимкулъ прислалъ къ полковнику Черняеву посланца и началъ переговоры о мирѣ. Начальникъ отряда отвѣчалъ, что, не имѣя права заключать мира, онъ можетъ только временно пріостановить военныя дѣйствія, въ томъ случаѣ, если ханъ отправитъ въ Петербургъ пословъ, съ полномочіемъ согласиться на всѣ тѣ условія, какія наше правительство найдетъ необходимымъ

[1]) 75 казаковъ и 50 конныхъ стрѣлковъ при 2-хъ конныхъ орудіяхъ.

предложить имъ. Отвѣтъ этотъ повезъ магистръ Сѣверцовъ [1]). Мулла Алимкулъ, при пріемѣ г. Сѣверцова, объявилъ ему, что оренбургскій отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ его войсками, просилъ у него пощады, и что онъ, только изъ желанія быть съ русскими въ дружбѣ, отпустилъ отрядъ безъ всякаго вреда, и что въ доказательство всего этого онъ имѣетъ письмо начальника отряда. Г. Сѣверцовъ отвѣчалъ Алимкулу, что навѣрное онъ ошибается, такъ какъ русскіе никогда не станутъ просить пощады, и потребовалъ показать ему письмо капитана Мейера, содержаніе котораго было приведено выше. Дальнѣйшіе переговоры правителя Коканда съ г. Сѣверцовымъ касались возвращенія Туркестана и Ауліета. Нашъ посланный объявилъ, что не уполномоченъ объясняться объ этомъ и даже не совѣтуетъ поднимать подобный вопросъ въ письмѣ къ полковнику Черняеву, такъ какъ это было бы совершенно безполезно. Не смотря на то, Алимкулъ отправилъ посла къ полковнику Черняеву съ письмомъ по тому же самому вопросу письмо оставлено безъ отвѣта и послы тотчасъ же выпровожены изъ лагеря.

На другой день прибылъ новый посолъ, который, не упоминая ни слова о вчерашнемъ письмѣ, заявилъ, отъ имени регента, согласіе на безусловное отправленіе посольства. Полковникъ Черняевъ, желая имѣть гарантіи въ томъ, что начатые переговоры ведутся не съ цѣлью только выиграть время, въ отвѣтъ на заявленіе Алимкула потребовалъ выполненія слѣдующихъ предварительныхъ условій: 1) чтобы посольство имѣло грамоту отъ хана на заключеніе мира на тѣхъ условіяхъ, какія ему будутъ предложены; 2) всѣхъ киргизскихъ султановъ и біевъ, заявившихъ намъ письменно свое подданство, а равно и тѣхъ, которые принадлежатъ къ киргизамъ Большой орды, немедленно возвратить въ волости; 3) по отъѣздѣ пословъ немедленно распустить собранныя въ Чимкентѣ войска, и 4) впредь до возвращенія пословъ, временной границей принять р. Арысъ, съ тѣмъ, чтобы кокандцы обязались не брать съ жителей долины Арыса никакихъ поборовъ.

Въ назначенный день отвѣта на эти условія получено не было, и поковникъ Черняевъ объявилъ, что прекращаетъ переговоры.

Окопавши лагерь рвомъ и оставивъ въ немъ обозъ, больныхъ и раненыхъ, подъ прикрытіемъ туркестанскаго отряда, полковникъ Черняевъ 22-го іюля двинулся съ своимъ отрядомъ на рекогносцировку Чимкента.

---

[1]) Находившійся при отрядѣ для научныхъ изслѣдованій.

Не смотря на высланную навстрѣчу кокандскую конницу, числомъ до 15 т., рекогносцировка удалась вполнѣ. Обратное движеніе отряда также не было задержано кокандскими скопищами, сильно поплатившимися за нѣсколько предпринятыхъ атакъ, встрѣченныхъ картечью [1]). Въ числѣ убитыхъ былъ и Мынбай, начальникъ чимкентскаго отряда.

Простоявъ на позиціи еще сутки, весь отрядъ двинулся обратно къ Арысу, гдѣ онъ раздѣлился на двѣ части: одинъ направился къ Туркестану, другой двинулся вверхъ по Арысу къ Ауліеата.

Такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ отношеніи къ Коканду нисколько не измѣнилось, и Чимкентъ, по прежнему, остался центромъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій и держалъ все населеніе въ тревожномъ настроеніи. Вмѣстѣ съ этимъ въ Чимкентѣ начались приготовленія по его укрѣпленію и вооруженію, такъ-что этотъ выгодный стратегическій пунктъ становился еще опаснѣе.

Къ этому времени (именно 18 іюля), изъ раздѣленныхъ до того сыръ-дарьинской линіи и алтавскаго округа, была образована новококандская линія, въ которую вошло все пространство отъ р. Чу до Яны-кургана на Сыръ-Дарьѣ, съ назначеніемъ начальникомъ ея и командующимъ войсками генералъ-маіора Черняева.

Предпринявши поѣздку вдоль линіи до Туркестана, генералу Черняеву вездѣ пришлось выслушивать жалобы кочующихъ киргизъ только-что принявшихъ наше подданство, на открытые грабежи и разбои разъѣзжающихъ кокандскихъ отрядовъ, обезпечить отъ которыхъ, на протяженіи ничѣмъ не прикрытой линіи вдоль трудно доступныхъ Каратаускихъ горъ, можно было только расположеніемъ большихъ военныхъ силъ по границѣ. Около самаго Туркестана мѣстность оставалась почти совершенно покинутой напуганными киргизами, укочевавшими отъ кокандцевъ къ Джулеку или за Каратау.

Необходимость завоеванія Чимкента становилась все настоятельнѣе. Генералъ Черняевъ рѣшилъ не откладывать далѣе, и въ половинѣ октября двинулъ два отряда, составлявшіе всѣ наличныя силы, которыя находились тогда въ его распоряженіи: изъ Туркестана, подъ личнымъ начальствомъ генерала, $6^1/_2$ ротъ пѣхоты и $1^1/_2$ сотни казаковъ при 8 орудіяхъ и 2 мортирахъ; изъ Ауліеата— 4 роты, казачья сотня при 4-хъ орудіяхъ и 3 мортирахъ; еще 1000 милиціонеровъ изъ киргизъ [2]).

---

[1]) Въ самомъ отрядѣ было 3 легко раненыхъ, оставшихся въ строю.

[2]) Въ Ауліеата и въ Туркестанѣ оставались только по 2 роты и по полусотнѣ казаковъ.

Сентября 19-го оба отряда соединились, и тотчасъ же была произведена рекогносцировка цитадели и укрѣпленій города.

Въ ту же ночь заложили батарею, открывшую, съ разсвѣтомъ, огонь, на который кокандцы отвѣчали съ своей стороны весьма энергично. На слѣдующую ночь вылазка со стороны кокандцевъ помѣшала окончить новую батарею, заложенную ближе къ цитадели. Помимо этого, кокандцы повели встрѣчныя траншейныя работы, постепенно перенося въ нихъ батареи, и стали высылать стрѣлковъ впереди своихъ работъ. Воспользовавшись такой смѣлостью кокандцевъ, наша пѣхота ударила въ штыки на сарбазовъ, сбила ихъ и, преслѣдуя до самыхъ воротъ крѣпости, ворвалась въ городъ. Слѣдомъ за этими передовыми двинулся генералъ Черняевъ съ 2 ротами и 2 орудіями. Черезъ часъ крѣпость и ея неприступная цитадель были окончательно заняты [1]).

Взятіе Чимкента, помимо пріобрѣтенія нами крѣпкаго опорнаго пункта, совершенно обезпечивавшаго нашу сомкнутую, наконецъ, границу, кромѣ того приносило съ собой множество и другихъ преимуществъ. Чимкентъ составлялъ центръ обширнаго района, съ густымъ населеніемъ и богатѣйшей, обработанной почвой. Съ утвержденіемъ въ немъ, мы вступили, наконецъ, въ ту житницу, которая обезпечивала насъ средствами продовольствія и избавляла отъ тяжестей прежняго положенія, когда всякій сухарь получался изъ далекаго Оренбурга; такъ-что на взятіе Чимкента мы можемъ смотрѣть, какъ на послѣдній прочный камень въ длинномъ ряду другихъ, на которыхъ строилась огромная стѣна вдоль нашей среднеазіятской границы. Но онъ же былъ и первымъ камнемъ, заложеннымъ близь центра будущаго Русскаго Туркестана, и отъ котораго, силою послѣдующихъ обстоятельствъ, русская власть далеко расширила свое вліяніе. Съ 20 сентября 1864 г. начинается уже новый періодъ въ историческихъ судьбахъ среднеазіятскихъ ханствъ. За этотъ періодъ движеніе въ глубь Азіи русскихъ идетъ почти непрерывно: начавшись Ташкентомъ и занятіемъ въ 1866 г. Ходжента и Джизака,—что разорвало ближайшее и стариннѣйшее сосѣдство Коканда съ Бухарой,—движеніе это оканчивается присоединеніемъ большей части Бухарскаго ханства (1868—1870) и всего Кокандскаго, тогда какъ съ другой стороны оно останавливается только достигнувъ древняго Оксуса.

Занявши Чимкентъ, мы становились въ ближайшее сосѣдство съ обширнымъ и важнымъ пунктомъ, когда-то бывшимъ центромъ само-

[1]) Потеря наша: убитыхъ—8, раненыхъ и контуженныхъ—50.

стоятельнаго ханства—Ташкентомъ. Отъ того положенія, которое займетъ этотъ богатый и многолюдный городъ по отношенію къ новымъ его сосѣдямъ, зависѣло многое: явится-ли онъ новымъ базисомъ для новыхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій кокандцевъ, или, въ силу его мирныхъ торговыхъ интересовъ, онъ займетъ независимое отъ Коканда положеніе и поторопится возстановить старыя торговыя связи съ Россіей,—словомъ, будетъ ли Ташкентъ нашимъ мирнымъ сосѣдомъ или недругомъ,—отъ этого прямо зависѣло рѣшеніе вопроса и спокойствія нашей новой границы. Между тѣмъ слухи на этотъ счетъ были самые неопредѣленные и сбивчивые. Такъ, относительно бѣжавшаго изъ Чимкента гарнизона говорили, будто ташкентцы и не пустили его къ себѣ, говорили, будто и приняли. Тоже самое: свѣдѣнія, получаемыя генераломъ Черняевымъ о желаніи ташкентцами мира и даже вступленія въ русское подданство, противорѣчили съ слухами о томъ, что Ташкентъ вошелъ въ тайныя сношенія съ бухарскимъ эмиромъ.

Хотя генералъ Черняевъ и не считалъ возможнымъ овладѣть Ташкентомъ, но въ то же время признавалъ удобнымъ воспользоваться впечатлѣніемъ чимкентскаго погрома, какъ для того, чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣла въ Ташкентѣ, такъ равно и для того, чтобы облегчить жителямъ возможность образовать самостоятельный округъ, который невольно находился бы подъ сильнымъ вліяніемъ Россіи.

Съ этой цѣлью 27-го сентября, т. е. черезъ недѣлю послѣ взятія Чимкента, генералъ Черняевъ двинулся съ отрядомъ въ 1550 человѣкъ, при 12 полевыхъ орудіяхъ, по дорогѣ къ Ташкенту. 1-го октября отрядъ, обойдя городъ, остановился у юго-восточнаго угла огромной, двадцати-четырехъ-верстной городской стѣны.

На слѣдующій день отрядъ перешелъ на кокандскую дорогу и была сдѣлана рекогносцировка цитадели. Кокандцы открыли огонь по подходившимъ войскамъ. Имъ стали отвѣчать наши 8 орудій съ высоты, командовавшей цитаделью. Вправо же отъ дороги были двинуты двѣ роты съ коннымъ дивизіономъ, подъ начальствомъ подполковника Обуха. Вскорѣ, слѣдствіе донесенія этого послѣдняго о сдѣланной въ стѣнѣ бреши и просьбы разрѣшить штурмовать городъ, къ нему была прислана еще рота и дано просимое разрѣшеніе. Подполковникъ Обухъ самъ пошелъ впереди. За нимъ, съ музыкой, двинулись роты. Но когда колонна подошла ко рву, оказалось, что мѣсто, предполагавшееся удобнымъ для штурма, было совершенно невозможно взять безъ осадныхъ работъ. Кромѣ того, приближаясь ко рву, были переранены офицеры и, въ томъ числѣ, смертельно

самъ подполковникъ Обухъ. Все это вмѣстѣ заставило солдатъ засѣсть во рву и начать отстрѣливаться, пока, подъ прикрытіемъ усиленнаго огня всѣхъ нашихъ орудій, ихъ не удалось отвести назадъ.

На лѣвомъ флангѣ также оказалось невозможнымъ приступить къ немедленному штурму, и отрядъ, ограничившись этой рекогносцировкой, возвратился въ Чимкентъ. Рекогносцировка эта, вслѣдствіе упомянутой ошибки, обошлась отряду: 16 убитыми и 62 ранеными (въ томъ числѣ 4 офицера).

Съ возвращеніемъ въ Чимкентъ генералъ Черняевъ не измѣнилъ своего мнѣнія относительно Ташкента и вошелъ съ представленіемъ о его занятіи и образованіи самостоятельнаго владѣнія.

Неудача чимкентскаго отряда подъ Ташкентомъ и открывшіяся сношенія съ русскими ташкентской партіи мира снова дали Алимкулу средства поднять свое значеніе, поколебавшееся-было послѣ проигранныхъ имъ сраженій подъ Чимкентомъ. Онъ казнилъ руководителей враждебной ему партіи и вскорѣ предпринялъ чрезвычайно смѣлое и быстрое движеніе, въ обходъ Чимкента, по лѣвому берегу Сыръ-дарьи, къ Туркестану, который надѣялся одолѣть, зная, что весь гарнизонъ его состоитъ только изъ 2-хъ ротъ и 1½ сотни казаковъ. Желая замаскировать свое движеніе, Мулла - Алимкулъ, выступая изъ Ташкента, распустилъ слухъ, что идетъ въ Кокандъ. На правой сторонѣ онъ появился совершенно неожиданно близъ Чилика, находящагося на переправѣ чрезъ р. Бугунь и отстоящаго отъ Туркестана верстъ на 60. Караульные киргизы на переправѣ бросились въ Туркестанъ и 3-го декабря донесли коменданту, что идутъ кокандцы. Комендантъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о численности кокандцевъ, отправилъ тотчасъ же уральскую казачью сотню съ горнымъ единорогомъ, подъ начальствомъ есаула Сѣрова, по направленію къ селенію Иканъ, для наблюденія за непріятелемъ.

Вечеромъ того же дня, сотня, подъѣхавъ къ Икану, была окружена большею частью войска Алимкула и залегла въ канавку, около которой устроила съ остальныхъ трехъ сторонъ завалы изъ мѣшковъ и верблюдовъ. Нѣсколько натисковъ кокандскихъ войскъ были удачно отбиты картечью и ружейными залпами съ близкаго разстоянія. Непріятель отложилъ приступы и въ теченіе всей ночи бросалъ изъ трехъ орудій на позицію уральцевъ разрывные снаряды, перебившіе много лошадей и контузившіе 4-хъ казаковъ. На слѣдующее утро огонь со стороны кокандцевъ усилился. Казаки держались крѣпко и не подпускали ихъ близко, несмотря на то, что дѣйствовали только оружейнымъ огнемъ, прибрегая оставшіеся 32 заряда единорога

до болѣе нужнаго момента. Между тѣмъ изъ Туркестана, гдѣ рѣшительно не знали, что дѣлается подъ Иканомъ, а только слышали частую стрѣльбу, былъ высланъ на помощь сотнѣ отрядъ въ 132 человѣка пѣхоты, при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, подъ командой подпоручика Сукорко. Сукорко не дошелъ до есаула Сѣрова версты 4 и, не сдѣлавъ попытки соединиться съ сотней, вернулся отратно въ Туркестанъ, донеся коменданту, что видѣлъ значительныя массы кокандцевъ, двигающихся къ Туркестану, а также бывшихъ и впереди его на дорогѣ къ сотнѣ, и потому счелъ необходимымъ возвратиться. Дѣйствительно, около 4-хъ часовъ, непріятель былъ подъ стѣнами города, обложивъ его съ трехъ сторонъ, такъ-что вечеромъ городскіе аксакалы просили коменданта дать имъ хотя какую-нибудь помощь противъ возможности нападенія. По ихъ просьбѣ было поставлено на одномъ изъ бархановъ орудіе съ 60 челов. солдатъ, хотя въ тотъ день все дѣло кончилось тѣмъ, что небольшая партія подъѣхала къ воротамъ и, встрѣченная нѣсколькими выстрѣлами, тотчасъ же скрылась.

Почти всѣ силы Алимкула, которыя доходили до 12 тысячъ, и самъ онъ были заняты той сотней человѣкъ, которые лежали окруженные полчищами, среди открытаго поля и защищенные только завалами изъ убитыхъ лошадей,—той сотней, единственная пушка которой еще вчера, послѣ 8 выстрѣловъ, оказалась уже съ разсыпавшимися колесами, которыя и замѣнили, привязавши къ лафету наглухо пару колесъ съ зарядного ящика.

Съ возвращеніемъ подпоручика Сукорко въ Туркестанъ, Алимкулъ повелъ переговоры съ есауломъ Сѣровымъ, указывая ему на безнадежное положеніе сотни, такъ какъ выручку онъ будто-бы разбилъ, и предлагалъ теперь почетную сдачу. Отвѣтомъ было полное нежеланіе даже вести переговоры. Въ ночь на 6-е число двоимъ охотникамъ-казакамъ удалось прокрасться черезъ непріятельскую цѣпь и дать знать въ Туркестанъ о положеніи уральцевъ подъ Иканомъ.

Наступилъ Николинъ день—роковой для сѣровской сотни. Не смотря на всѣ усилія казаковъ удержать натиски непріятеля, который сталъ приближаться къ сотнѣ, катя передъ собой на арбахъ мантелеты, онъ успѣлъ занять ближайшія возвышенности и сталъ оттуда обсыпать казаковъ ядрами и гранатами. До 7 час. утра сотня еще не теряла надежды, что дождется подкрѣпленія, не смотря на то, что у нея уже не было зарядовъ для единорога, что раненые прибывали и прибывали,—она держалась за завалами.

37 человѣкъ уже были убиты, когда сотня, заклепавши пушку,

поднялась съ криками «ура» изъ-за заваловъ и пошла напроломъ по дорогѣ къ Туркестану. Восемь верстъ шли израненные и измученные храбрецы, ведя другъ друга и отстрѣливаясь отъ насѣдавшихъ на нихъ кокандцевъ, прежде чѣмъ высланное вновь подкрѣпленіе изъ Туркестана подошло имъ на помощь. Легло изъ сотни 57 человѣкъ; дошло до моста 43 раненыхъ нѣсколькими пулями (изъ нихъ многіе вскорѣ умерли) и цѣлыхъ оказалось только *девять!..*

Объ эту-то кучку русскихъ храбрецовъ разбились всѣ замыслы, вся энергія и сила Алимкула. Эта сотня въ чистомъ полѣ отстояла, въ теченіе 3-хъ дней, Туркестанъ отъ 10—12 тысячъ непріятеля.

Алимкулъ, получивъ свѣдѣнія о движеніи отряда изъ Чимкента, быстро перешелъ на лѣвую сторону Сыра, предварительно раззоривши селеніе Иканъ за вѣрность русскимъ его жителей, которыхъ плѣнными отвелъ въ Ташкентъ.

Между тѣмъ представленіе генерала Черняева о необходимости занятія Ташкента было отклонено правительствомъ, цѣли котораго главнымъ образомъ были обращены теперь на упрочненіе русскаго положенія въ Туркестанѣ послѣ взятія Чимкента, закончившаго сомкнутіе пограничной линіи. Въ этихъ видахъ, въ февралѣ (2 числа 1865 года, была образована Туркестанская область, въ которую вошли всѣ пограничныя съ среднеазіятскими владѣніями мѣстности, отъ Аральскаго моря до озера Иссыкъ-куля. Управленіе областью и командованіе войсками поручено военному губернатору, который подчинялся Оренбургскому генералъ-губернатору и командующему войсками оренбургскаго края, отъ котораго отдѣлялась Самарская губернія и причислялась къ Казанскому округу, Кромѣ того, въ распоряженіе военнаго губернатора вновь образованной области, генерала Черняева, были направлены изъ Оренбурга и Сибири новыя войска. Общая численность войскъ въ области должна была достигнуть къ сентябрю 1864 г. до 15 тыс. человѣкъ. Вмѣстѣ съ этимъ правительство, хотя и не одобряло предположеній генерала Черняева по вопросу о взятіи Ташкента, однако не находило удобнымъ и слишкомъ стѣснять этого главнаго распорядителя на мѣстѣ, на личной отвѣтственности котораго лежала зашита цѣлаго края, въ то время еще такъ мало извѣстнаго. Съ цѣлью же разъясненія дѣйствительнаго положенія въ краѣ было предложено вновь назначенному тогда оренбургскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Крыжановскому, посѣтить въ теченіе лѣта Туркестанскую область и представить свои соображенія.

Но уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были получены свѣдѣнія о томъ, что бухарскій эмиръ направляется съ войсками изъ Самарканда къ Ура-

тюбе, желая воспользоваться тѣмъ внутреннимъ разладомъ въ Кокандѣ, который сложился изъ, все болѣе и болѣе возроставшаго, недовольства противъ Муллы-Алимкула, какъ представителя кипчакской партіи, захватившей все правленіе въ свои руки. Полновластіе, съ которымъ во всемъ поступалъ Алимкулъ, и тайныя надежды противной узбекской партіи, что бухарскій эмиръ снова возстановитъ въ Кокандѣ власть его родственника Худояра, сторонника узбековъ, — все это облегчало для эмира возможность полнаго успѣха въ его желаніи подчинить Кокандъ своему вліянію.

Въ виду этихъ событій, военный губернаторъ области нашелъ необходимымъ выдвинуть со стороны Чимкента наблюдательный за дѣйствіями бухарскаго эмира отрядъ на половину дороги до Ташкента. Воздерживаясь отъ мысли о занятіи этого города силою, генералъ Черняевъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ при настоящихъ обстоятельствахъ поставить его въ положеніе, непосредственно отъ насъ зависимое. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ занять укр. Ніязбекъ, владѣющее водами Ташкента и представляющее изъ себя одно изъ самыхъ сильныхъ укрѣпленій ханства.

27-го апрѣля отрядъ генерала Черняева стоялъ передъ Ніязбекомъ, и коменданту этого укрѣпленія было послано предложеніе сдать укрѣпленіе.

Получивъ отказъ, начальникъ отряда, послѣ сдѣланной рекогносцировки, приказалъ заложить въ ту же ночь осадныя работы, а съ наступленіемъ утра открыть огонь двухъ батарей, заставившихъ чрезъ нѣсколько часовъ замолчать отвѣчавшую имъ крѣпостную артиллерію. Не смотря на это, на новое предложеніе генерала Черняева сдать крѣпость, комендантъ отвѣчалъ новымъ отказомъ, вѣроятно разсчитывая на скорую помощь изъ Ташкента. Но пришедшая, дѣйствительно, помощь въ 3000 человѣкъ была недопущена генераломъ Черняевымъ до крѣпости на 3 версты и обращена въ бѣгство дѣйствіемъ нашей артиллеріи, а вмѣстѣ съ этимъ огонь осадныхъ батарей усиленъ и къ вечеру 29-го числа одинъ изъ фасовъ крѣпости былъ совершенно разрушенъ. Это побудило ніязбекскаго коменданта не сопротивляться долѣе и сдать крѣпость со всѣмъ гарнизономъ и вооруженіемъ.

Занявши Ніязбекъ и отведя два главныхъ рукава Чирчика, снабжавшихъ водою Ташкентъ, генералъ Черняевъ 7 мая перешелъ на новую позицію, въ 8 верстахъ отъ города, и на другой день предпринялъ рекогносцировку его, которая, по соглашенію съ жителями, намѣревавшимися броситься на гарнизонъ и отворить ворота, должна была окончиться занятіемъ города русскими. Но въ тотъ же день

въ Ташкентъ вступилъ правитель ханства Алимкулъ съ 6 т. войска при 40 орудіяхъ и подавилъ всякую попытку какого-либо движенія въ городѣ. Рекогносцировочный отрядъ возвратился въ лагерь [1]).

На слѣдующій же день была сдѣлана большая вылазка 7000 человѣкъ изъ ташкентскаго гарнизона, съ цѣлью атаковать русскій лагерь. Войсками лично командовалъ самъ Алимкулъ. Въ 7 ч. была открыта кокандцами канонада по русскому отряду изъ 12-орудійной батареи разрывными снарядами. Выславъ противъ фронта расположенія непріятеля часть артиллеріи подъ прикрытіемъ двухъ ротъ, тогда какъ другія двѣ роты сдѣлали обходъ съ фланга кокандской позиціи, генералъ Черняевъ приказалъ атаковать непріятеля. Атакующія войска исполнили приказаніе съ такимъ успѣхомъ, что, не смотря на огонь изъ всѣхъ своихъ орудій, которыхъ было, какъ говорили, до 40, кокандцы дрогнули и бросились бѣжать, оставивъ въ рукахъ русскихъ 2 пушки. Преслѣдованіе продолжалось до самыхъ стѣнъ города, послѣ чего войска возвратились на прежнюю позицію, на которой генералъ Черняевъ рѣшилъ остаться.

Сраженіе 9-го мая, какъ вскорѣ оказалось, имѣло огромное значеніе для всѣхъ послѣдующихъ событій: въ этомъ сраженіи былъ убитъ Мулла-Алимкулъ. Смерть такого вліятельнаго человѣка, бывшаго представителемъ ненавистной для узбековъ кипчакской партіи, должна была непремѣнно вызвать въ ханствѣ попытки къ перевороту. Эти попытки были сдѣланы, конечно, и въ Ташкентѣ, какъ въ городѣ, который,—помимо его историческихъ традицій, связанныхъ съ воспоминаніемъ о нѣкогда бывшемъ Ташкентскомъ независимомъ ханствѣ,—игралъ большую роль по одному своему торговому положенію и многочисленности населенія, до 100 т. человѣкъ. Но переворотъ въ Ташкентѣ произошелъ совершенно не въ томъ направленіи, въ какомъ надѣялся его видѣть генералъ Черняевъ: верхъ взяла не русская партія, которую онъ считалъ очень сильной, а партія бухарская. Выбранные народомъ правители тотчасъ же отправили къ эмиру посольство съ просьбою о помощи противъ русскихъ и о принятіи города въ свое подданство.

Это побудило генерала Черняева, оставивъ на укрѣпленной имъ позиціи часть войскъ, съ остальными тотчасъ же передвинуться на бухарскую дорогу, къ селенію Зингата, и, чтобы лишить бухарскую партію всякой надежды на возможность поддержки со стороны эмира, направиться далѣе къ устью р. Чирчика на укр. Чиназъ, прикрывающее переправу чрезъ Сыръ-дарью.

За переходъ до этого укрѣпленія, генерала Черняева встрѣтили

[1]) Донесеніе 11 мая 1865 г.

аксакалы съ извѣстіемъ, что гарнизонъ бѣжалъ и что жители изъявляютъ покорность русскому правительству. Поручивъ летучему отряду обезоружить крѣпость, потопить артиллерійскій паркъ и уничтожить переправу чрезъ Дарью, генералъ Черняевъ вернулся къ Ташкенту. Здѣсь онъ расположился въ 7 верстахъ отъ южной стороны города, а въ сторону Коканда выставилъ небольшой отрядъ. Обложенный съ трехъ сторонъ, лишенный воды и хлѣба, Ташкентъ находился въ крайне стѣсненномъ положеніи и держался, какъ заявляли захваченные плѣнные, исключительно благодаря вліянію на жителей гарнизона, преданнаго бухарской партіи.

Въ ночь съ 6-го на 7-е іюня была произведена подробная рекогносцировка нѣсколькихъ частей города, и генералъ Черняевъ подвинулся ближе къ городской стѣнѣ. Вскорѣ стало извѣстно, что бухарскій эмиръ, принявъ отправленное къ нему посольство, обѣщалъ городу свою помощь, но съ условіемъ, чтобы ему былъ выданъ, въ видѣ заложника, молодой ханъ Султанъ-Сеидъ [1]), оставшійся теперь безъ своего могучаго защитника Муллы-Алимкула. Приверженцы молодого хана уговорили его бѣжать и, ночью 9-го числа, скрылись вмѣстѣ съ нимъ изъ Ташкента. Вслѣдъ за этимъ въ городъ вступила тайно небольшая партія бухарцевъ во главѣ съ Искандеръ-бекомъ, который и принялъ начальствованіе надъ войсками и всѣмъ Ташкентомъ. Тѣмъ временемъ эмировскія войска, бывшія въ сборѣ въ Самаркандѣ, стали появляться въ пограничныхъ кокандскихъ крѣпостяхъ на лѣвой сторонѣ Сыра.

Чтобы предупредить открытое вмѣшательство бухарскаго эмира возможности предотвратить всякое непосредственное съ нимъ столкновеніе, генералу Черняеву оставалось два исхода: или уйти изъ-подъ Ташкента, или, не откладывая далѣе, штурмовать его. Но отойти отъ Ташкента—значило-бы дать эмиру громадное значеніе въ Средней Азіи, отдать въ его руки всѣ военныя средства Ташкента и, можетъ-быть, видѣть его въ скоромъ времени единственнымъ сильнымъ сосѣдомъ нашимъ въ Туркестанѣ. Кромѣ того, отойти въ этотъ моментъ отъ Ташкента—значило-бы поколебать во взглядахъ населенія значеніе русской силы, вѣру въ непобѣдимость русскихъ войскъ, поколебать все то вліяніе, которое было пріобрѣтено усиліями послѣднихъ лѣтъ, и осложнить дѣла множествомъ обстоятельствъ, могущихъ послѣдовать за подобнымъ фактомъ. Генералъ Черняевъ рѣшился на штурмъ. А чтобы не дать времени бухарскому эмиру затруднить военными демонстраціями и безъ того трудную задачу штурмовать городъ съ 24-хъ верстной укрѣпленной стѣной, 30

[1]) Сынъ Малля-хана, предшественника Худояра.

тысячами защитниковъ и 50 орудіями, противопоставивъ такой защитѣ 1951 челов. при 12 орудіяхъ съ однимъ комплектомъ зарядовъ,— рѣшено было тотчасъ же приступить къ штурму, который и былъ назначенъ въ ночь на 15-е іюня.

Планъ штурма заключался въ томъ, что одна колонна произведетъ демонстрацію со стороны кокандскихъ воротъ въ то время, какъ главная колонна поведетъ штурмъ со стороны комелановскихъ.

Начинало свѣтать, когда охотники съ штурмовыми лѣстницами, находясь уже во ста шагахъ отъ стѣны, были замѣчены кокандцами и, прежде чѣмъ тѣ успѣли опомниться, уже заняли барбетъ и вскорѣ отворили ворота для резерва. Съ этого момента начался цѣлый рядъ стычекъ по всѣмъ улицамъ города до его центра—базара, гдѣ сопротивленіе атакованныхъ было самое упорное. Улицы и перекрестки были забаррикадированы, нѣкоторые завалы защищены орудіями, дома полны засѣвшими стрѣлками, въ садахъ скрывались засады, мечети обратились въ укрѣпленныя бойницы. Словомъ, взятіе перваго барбера и воротъ было только началомъ цѣлаго безпрерывнаго ряда битвъ. Городъ не хотѣлъ сдаваться и рѣшился на отчаянное сопротивленіе. Не смотря на взятіе крѣпости и на очищеніе отъ непріятеля большей половины города, не смотря на то, что къ вечеру явилось даже нѣсколько аксакаловъ съ покорностью,—дѣло еще далеко не кончилось. Вечеромъ того же дня непріятель занялъ снова сакли на пути сообщенія двухъ колоннъ, улицы снова пересѣклись баррикадами, сопротивленіе сдѣлалось еще отчаяннѣе. Небольшимъ отрядамъ, посланнымъ по улицамъ, пришлось пробиваться такъ же, какъ и утромъ, и снова центромъ главнаго сопротивленія явился базаръ. Оказалось необходимымъ выдвинуть отъ воротъ артиллерію внутрь города и обстрѣливать его впродолженіи всей ночи.

Но городъ все-таки еще не былъ покоренъ. Утромъ отрядъ, посланный собрать непріятельскія орудія и взорвать цитадель, былъ встрѣченъ новыми баррикадами и выстрѣлами изъ сакель. Въ цитадели и въ садахъ повторилось то же самое.

Только къ вечеру улицы стали свободны, и передъ закатомъ солнца явились посланные отъ аксакаловъ съ просьбою дозволить имъ явиться на другой день. 17-го іюня они явились и изъявили полную покорность. Въ числѣ трофеевъ было взято 63 орудія. Наша потеря равнялась 25 убитымъ и 117 раненымъ. Потери защитниковъ города были громадны.

Въ виду тогдашнихъ политическихъ событій въ сосѣднихъ съ Ташкентомъ ханствахъ, генералъ Черняевъ не только не считалъ возможнымъ оставить городъ безъ гарнизона, но рѣшилъ поставить

небольшіе гарнизоны и въ двухъ опорныхъ пунктахъ—въ Ніязбекѣ и Чиназѣ; почему онъ и ходатайствовалъ о немедленной присылкѣ въ область новыхъ войскъ. Вмѣстѣ съ этимъ было приступленно къ возведенію въ Ташкентѣ крѣпости и постройкѣ казармъ для зимняго помѣшенія войскъ.

Движеніе русскихъ войскъ къ Ташкенту и затѣмъ взятіе его необходимо должно было повести къ сношеніямъ съ бухарскимъ эмиромъ, войска котораго стояли подъ Ходжентомъ и къ которому ташкентцы, послѣ смерти Муллы Алимкула, обратились открыто за помощью и покровительствомъ.

Первое письмо къ эмиру генералъ Черняевъ послалъ вслѣдъ за дѣломъ 9-го мая. Въ этомъ письмѣ генералъ Черняевъ, объясняя свое движеніе къ Ташкенту, какъ необходимое слѣдствіе набѣга Алимкула на Чиликъ, Иканъ и Туркестанъ, и увѣдомляя, что въ сраженіи 9-го мая убитъ кокандскій правитель, предлагалъ эмиру предоставить кокандскій престолъ Худояръ-хану и обѣщалъ, если эмиру понадобится для этого содѣйствіе русскихъ войскъ, испросить на это разрѣшеніе Русскаго Императора.

Но письмо это не дошло тогда до эмира, и онъ, собравши огромныя скопища, двинулся съ ними къ Ходженту. Отсюда онъ обратился къ генералу Черняеву, чрезъ своихъ приближенныхъ съ вопросомъ о причинахъ занятія Ташкента и заявлялъ съ своей стороны притязанія на этотъ городъ, требовалъ даже, чтобы русскія войска, до возвращенія бухарскаго посольства изъ Петербурга, отошли къ Чимкенту. Генералъ Черняевъ отвѣтилъ, что безъ Высочайшаго разрѣшенія не можетъ отдать Ташкентъ и, не смотря ни на какія претензіи эмира, не выйдетъ изъ города и не сдѣлаетъ никакихъ въ этомъ направленіи уступокъ. Получивъ такое категорическое заявленіе, а вслѣдъ затѣмъ и первое письмо генерала Черняева, эмиръ, въ отвѣтномъ письмѣ, которое онъ послалъ къ командующему войсками съ посольствомъ и подарками, уже значительно понизилъ настойчивость своихъ требованій, ограничиваясь тѣмъ, чтобы наши войска не переходили только р. Чирчикъ, по которой онъ проводилъ временную границу, до возвращенія посольства, посланнаго имъ по этому поводу въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ этимъ посланники эмира передали на словахъ, что онъ считаетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что, въ отвѣтъ на его два посольства, къ нему не послано ни одного и убѣдительно просилъ объ этомъ. Генералъ Черняевъ отговорился отъ исполненія послѣдней просьбы тѣмъ, что, послѣ полученныхъ имъ писемъ изъ Ходжента, русское правительство, по всей вѣроятности, не останется ими

довольно и потому рѣшиться самъ онъ не можетъ. На письмо же эмира не было дано никакого положительнаго отвѣта.

Вынужденный вести довольно уклончивые переговоры съ бухарскимъ эмиромъ, чтобы выиграть время въ ожиданіи присылки просимаго подкрѣпленія, генералъ Черняевъ въ то же время видѣлъ въ требованіяхъ, предъявленныхъ эмиромъ такъ открыто и заносчиво, слишкомъ большія надежды на свои огромныя войска, на успѣхъ его подъ Ходжентомъ и на сочувствіе ташкентцевъ,—словомъ, твердое сознаніе своихъ военныхъ силъ и своего вліянія въ Средней Азіи. Желая противодѣйствовать этой увѣренности, а также парализовать дѣйствія враждебной намъ бухарской партіи, военный губернаторъ области нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ косвенному давленію на Бухару—стѣсненіемъ ея торговли съ Россіей. Съ этой цѣлью, вслѣдъ за взятіемъ Ташкента, всѣ бывшіе въ Туркестанской области бухарскіе купцы были арестованы, равно какъ и ихъ товары. Вмѣстѣ съ этимъ генералъ Черняевъ ходатайствовалъ о распространеніи подобной мѣры и на всю имперію, указывая, что эмиръ только выжидаетъ прибытія своихъ каравановъ изъ Россіи, чтобы начать съ нами открытую войну. Просьба генерала Черняева была исполнена, и въ половинѣ іюля въ Оренбургѣ были арестованы всѣ бывшіе тамъ бухарскіе купцы и на товары ихъ наложенъ секвестръ.

Войска эмира тѣмъ временемъ, послѣ Ходжента, взяли Кокандъ. Такимъ образомъ, эмиру удалось стать рядомъ съ новыми завоеваніями русскихъ и, вслѣдствіе расширенія своей власти, не только не смириться передъ новымъ сосѣдомъ, но даже отвѣтить на мѣру, принятую, по предложенію генерала Черняева, относительно задержанія въ Оренбургѣ бухарскихъ купцовъ, совершенно равносильной мѣрой—заарестованіемъ всѣхъ бывшихъ въ Бухарѣ русскихъ купцовъ съ ихъ товарами. Впрочемъ эти взаимныя косвенныя давленія не мѣшали установиться довольно дѣятельному обмѣну письмами между генераломъ Черняевымъ и Сеидъ-Музафаромъ, съ цѣлью придти къ мирному соглашенію.

Что же касается вновь занятаго Ташкента, на который генералъ Черняевъ смотрѣлъ, нѣсколько ранѣе, какъ на будущій центръ большаго вольнаго округа, то, по отношенію къ этому вопросу, мнѣніе мѣстнаго начальника измѣнилось, когда онъ вглядѣлся и познакомился ближе съ обстоятельствами дѣла. Генералъ Черняевъ, въ рапортѣ отъ 6-го августа, изложилъ подробно причины, почему онъ считаетъ невозможнымъ организовать то, что предполагалось ранѣе и находилъ необходимымъ оставить Ташкентъ подъ русской

властью, проведя новую границу по Сыръ-Дарьѣ. Рядомъ съ этимъ, генералъ Черняевъ не считалъ удобною восточную границу по Чирчику и предвидѣлъ возможность столкновенія съ эмиромъ по поводу Зачирчикскаго раіона.

И дѣйствительно, столкновеніе съ эмиромъ вскорѣ возникло именно на этой почвѣ. Его притязанія на сосѣднюю съ Ташкентомъ Зачирчикскую сторону послужили поводомъ къ тому, чтобы снова прибѣгнуть къ силѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Зачирчикскій раіонъ такъ тѣсно связанъ со всѣмъ хозяйствомъ ташкентцевъ, что одинъ безъ другого немыслимы. Чирчикъ, пробѣгая отъ Ташкента всего въ 8 верстахъ, служилъ границей начинающейся за нимъ широкой полосы хлѣбныхъ полей, но никакъ не могъ явиться границей политической, за которою все управленіе, во главѣ съ назначеннымъ отъ эмира Рустембекомъ, было настроено враждебно ко всему, что жило по сю сторону рѣки. Зачирчикскія поля съ-поконъ вѣку были кормильцами многолюднаго торговаго Ташкента, открывавшаго для ихъ произведеній свои богатые базары. Словомъ, тѣ и другой были самой природой неразрывно связаны вмѣстѣ и составляли одно цѣлое. Многіе изъ жителей имѣли за Чирчикомъ свои поля, свои хозяйства. Такимъ образомъ, столкновеніе было неизбѣжно, въ особенности когда, по приказанію эмира, подвозъ продуктовъ продовольствія изъ Зачирчикской стороны въ Ташкентъ вдругъ былъ прекращенъ и именно какъ-разъ въ то время, когда началась заготовка фуража и провіанта для войскъ. Цѣны на хлѣбъ быстро поднялись. Въ населеніи стало рости неудовольствіе на такое положеніе дѣла. Къ этому присоединились разсказы о притѣсненіяхъ со стороны Рустембека пограничныхъ жителей и, наконецъ, слухи о движеніи всѣхъ бухарскихъ войскъ къ Ходженту, будто бы съ цѣлью дѣйствовать противъ Ташкента.

Такое положеніе дѣлъ вынудило генерала Черняева, какъ только прибылъ новый батальонъ, отправить за Чирчикъ отрядъ.

4 роты, сотня казаковъ при 4-хъ легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Пистолькорса, 13 сентября перешли Чирчикъ и прошли за Той-тюбе. Изъ всѣхъ окрестныхъ селеній и ауловъ отрядъ встрѣчали аксакалы съ хлѣбомъ и солью и въ лагерѣ живо образовался базаръ всего нужнаго для отряда продовольствія. Къ вечеру было получено письмо отъ Рустембека, гдѣ онъ указывалъ на нарушеніе русскими права границы и просилъ подождать, пока не испроситъ отъ эмира разрѣшеніе на ихъ пропускъ. Самъ же онъ не можетъ этого дозволить. Начальникъ отряда, чтобы не дать Рустембеку времени получить помощь, рѣшилъ

двинуться на г. Искентъ, находящійся въ 3-хъ верстахъ отъ центра Зачирчикскаго района—г. Кельаучи, лежащаго по дорогѣ въ Ходжентъ.

Утромъ 15 числа, когда отрядъ подходилъ къ Искенту, подполковникъ Пистолькорсъ послалъ двухъ туземцевъ успокоить жителей, сказавъ, что русскій отрядъ имѣетъ дѣло только съ Рустембекомъ и его войсками. Рустемъ съ 500 своихъ джигитовъ бросился бѣжать къ Ходженту, и вслѣдъ затѣмъ отрядъ занялъ г. Кельаучи. Когда подполковникъ Пистолькорсъ вернулся обратно въ Искентъ, его встрѣтила депутація отъ населенія, съ заявленіемъ покорности и удовольствія по поводу прихода отряда. Для сохраненія въ этомъ краѣ спокойствія, генералъ Черняевъ расположилъ въ Кельаучахъ перемѣнный гарнизонъ въ 2 роты.

Въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ Туркестанскую область посѣтилъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій, который, встрѣтивъ, при проѣздѣ чрезъ фортъ № 1-й, бухарское посольство, остановилъ его, въ виду предоставленнаго ему права вести самому переговоры съ средне-азіятскими ханами. Впрочемъ, пріѣздъ генералъ-губернатора въ край въ этомъ отношеніи мало подвинулъ дѣло, такъ какъ эмиръ держался весьма уклончивой политики въ сношеніяхъ съ генераломъ Крыжановскимъ, который вскорѣ оставилъ Туркестанъ съ тѣмъ, чтобы представить правительству свои соображенія относительно Ташкента, присоединять который къ русскимъ владѣніямъ онъ не находилъ необходимымъ.

Натянутыя отношенія наши къ эмиру и прекращеніе—послѣ взаимной задержки купцовъ—всякой торговли съ Бухарой и Кокандомъ не могли не вызывать желанія поскорѣе разъяснить дѣло и привести къ мирному концу. Съ этой цѣлью генералъ Черняевъ снарядилъ въ Бухару посольство, о которомъ не разъ уже эмиръ заявлялъ чрезъ своихъ посланныхъ, высказывая, что онъ считаетъ себя обиженнымъ, такъ какъ, въ отвѣтъ на неоднократно посылавшіяся имъ посольства, русскіе съ своей стороны ни разу не отплатили тѣмъ же. Посольство изъ 5 человѣкъ военныхъ и чиновниковъ выѣхало въ концѣ октября 1865 г., съ цѣлью выяснить всѣ недоразумѣнія съ Бухарой. Но отправка посольства не только не привела къ желаннымъ результатамъ, а напротивъ послужила къ новымъ недоразумѣніямъ и, наконецъ, вынудила на военныя дѣйствія, кончившіяся осенью 1866 г., послѣ цѣлаго ряда крупныхъ побѣдъ, приведшихъ насъ къ воротамъ въ Самаркандъ. Дѣло въ томъ, что эмиръ Музафаръ вдругъ измѣнилъ свою политику и рѣшился задержать посольство въ Бухарѣ.

По первымъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Ташкентѣ, наше посольство было встрѣчено съ большимъ почетомъ и въ Самаркандѣ, и въ Бухарѣ, при первомъ представленіи эмиру. Но вслѣдъ за этимъ стали носиться слухи, будто одинъ изъ членовъ посольства умеръ и, кромѣ того, будто эмиръ задерживаетъ ихъ письма въ Ташкентъ. Генералъ Черняевъ тотчасъ же послалъ нарочнаго въ Бухару. Но нарочнаго, не допустивъ до Бухары, вернули обратно. Свѣдѣнія, привезенныя имъ, были еще тревожнѣе: будто посольство находится подъ карауломъ и къ нему никто не допускается.

Дѣйствительно, извѣстій изъ посольства не было никакихъ. 35-дневный срокъ, въ который оно должно было возвратиться, какъ обѣщалъ эмиръ, давно уже истекъ, а взамѣнъ пріѣзда посольства получались все болѣе и болѣе безпокойные слухи.

Въ отвѣтъ на запросъ генерала Черняева, эмиръ прислалъ коротенькое письмо, адресованное уже не на имя военнаго губернатора, какъ прежде, а, какъ бы намѣренно, озаглавленное просто: «Михаилу Черняеву». Въ этомъ письмѣ эмиръ, сообщая о здоровьѣ всѣхъ членовъ посольства, увѣдомлялъ, что ему стало извѣстно, будто его «посланники до Царя не допущены, а задержаны гдѣ-то на дорогѣ, чего нельзя позволить другу; по поводу сему (писалъ эмиръ) я оставилъ и вашихъ посланниковъ», которые «до тѣхъ поръ будутъ здѣсь, пока мои не явятся къ вашему Царю и не получатъ отвѣта».

Отвѣтное письмо генерала Черняева разъясняло эмиру причины возникшихъ съ Бухарой недоразумѣній съ самаго перваго заявленія эмиромъ правъ на Ташкентъ, излагало направленіе русской политики въ Средней Азіи и объясняло, наконецъ, что допускъ бухарскаго посольства въ Петербургъ и возвращеніе каравановъ находятся въ тѣсной связи съ возвращеніемъ русскихъ посланниковъ изъ Бухары съ дружескимъ отвѣтомъ.

Отправивъ это письмо, генералъ Черняевъ считалъ необходимымъ двинуть изъ Ташкента къ переправѣ на Сыръ-дарьѣ у Чиназа батальонъ съ 4 орудіями, а получивъ свѣдѣнія, что эмиръ въ Самаркандѣ и собираетъ войска, усилилъ этотъ отрядъ и 21 января началъ переправу на ту сторону рѣки. Переправа затруднялась неимѣніемъ ничего, кромѣ туземныхъ плотовъ, одинъ изъ которыхъ не выдержалъ тяжести 2-хъ орудій и опрокинулъ ихъ вмѣстѣ съ людьми въ рѣку. Только благодаря удальству четверыхъ уральскихъ казаковъ, вызвавшихся на холоду нырять и розыскивать потопленное, пушки и другія тяжести были спасены.

Такъ какъ отъ эмира не было получено никакого отвѣта, то от-

рядъ изъ 14 ротъ, 6 сотенъ казаковъ и 16 орудій съ парками и продовольствіемъ на одинъ мѣсяцъ, двинулся 30 января на позицію къ озеру Учъ-тюбе, лежащему по дорогѣ къ Джизаку.

Наканунѣ движенія прибылъ въ Чиназъ посланный отъ джизакскаго бека, сопровождавшій тѣло умершаго казака, который находился при посольствѣ. Но ни въ письмѣ бека, ни въ объясненіяхъ посланнаго не было ничего, касавшагося посольства, а также движенія русскаго отряда за Дарью.

1-го февраля отрядъ двинулся къ Джизаку по такъ-называемой «Голодной степи».

«Движеніе это было одно изъ самыхъ трудныхъ по времени года. Путь пролегалъ чрезъ совершенно ровную и въ полномъ смыслѣ голодную пустыню, покрытую довольно глубокимъ снѣгомъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина. Отрядъ двигался по указанію вожаковъ, безъ всякой дороги, а потому путь для артиллеріи былъ невыразимо труденъ. Ящики, запряженные четверкою, едва могли двигаться; лошади, утопая въ снѣгу, падали въ изнеможеніи. Люди шли также съ большимъ трудомъ. На всемъ этомъ пространствѣ — не только ни кустика или деревца, но даже мелкаго камышу для отопленія и ни былинки травы, ни озера, ни ручья, ни колодца съ прѣсной водою. Люди и скотъ утоляли жажду единственно снѣгомъ, а при недостаточности перевозочныхъ средствъ, послѣдній нуждался и въ фуражѣ. За два перехода до Джизака изчезъ и снѣгъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ средства насущныхъ нуждъ; лишь изъ немногихъ грязныхъ лужицъ народъ могъ пользоваться, но для варева и пойла скота ничего не было. Здѣсь грязь глинисто-иловатаго грунта смѣнила глубокій снѣгъ и не менѣе затрудняла движеніе [1]).

На второмъ переходѣ отъ Учъ-тюбе было получено письмо эмира. Сеидъ Музафаръ сообщалъ, что въ Бухару онъ послалъ за русскимъ посольствомъ и, какъ только оно прибудетъ въ Самаркандъ, тотчасъ же направится къ генералу Черняеву. Послѣдній увѣдомилъ въ свою очередь эмира, что движеніе его имѣетъ только единственную цѣль—возвращеніе посольства, и потому онъ будетъ ждать его, дойдя до первой воды.

Эта первая вода были ключи, не доходя 8 верстъ до Джизака. Здѣсь 4-го числа генералъ Черняевъ получилъ новое посланіе эмира о томъ, что посольство выѣхало уже изъ Бухары и 5-го числа должно быть въ Самаркандѣ и ѣхать далѣе. Вмѣстѣ съ этимъ эмиръ

---

[1]) Изъ рапорта командира взвода конно-артил. казач. № 1 батар. оренб. войска, хорунжаго Бухарина, 10 марта 1866 г.

просилъ не предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій во время ожиданія посольства.

Однако прошло два дня и поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ представился. Причиной была просьба генерала Черняева къ джизакскому беку выслать къ нашимъ пикетамъ жителей съ сѣномъ и дровами для продажи въ отрядъ. Хотя сначала бекъ и согласился исполнить просьбу, но затѣмъ отказалъ, ссылаясь на неимѣніе разрѣшенія отъ эмира. Это побудило генерала поставить ультиматумъ: или завтра добровольная продажа, или онъ возьметъ силой. На завтра были посланы 2 роты и 4 сотни съ 2 орудіями въ городъ. Ихъ встрѣтили толпы вооруженныхъ бухарцевъ, которые, переговариваясь съ высланнымъ отрядомъ, отступали постепенно къ предмѣстьямъ, и когда роты втянулись въ городъ, бухарцы быстро открыли завалъ поперекъ улицы и изъ-за послѣдняго русскіе были встрѣчены залпомъ. Завалъ былъ взятъ и, не смотря на огонь изъ крѣпости, отрядъ дошелъ до базара, гдѣ фуражиры забрали сѣна и дровъ. Одновременно съ вооруженной встрѣчей отряда въ городѣ, бухарцы напали на сотню, оставленную у входа въ предмѣстье, и только высланному изъ лагеря подкрѣпленію удалось заставить бухарцевъ удалиться. Фуражировка эта, благодаря бухарской тактикѣ, обошлась намъ не безъ потерь: сѣно и дрова стоили 9 убитыхъ и 19 раненыхъ.

На другой день утромъ бухарскія скопища стали окружать лагеръ. Ихъ предупредили три раза, предлагая удалиться, а затѣмъ прогнали артиллерійскимъ огнемъ. Объ обоихъ этихъ столкновеніяхъ генералъ Черняевъ тотчасъ же увѣдомилъ эмира. Вечеромъ посланный отъ бека выразилъ сожалѣніе о бывшемъ недоразумѣніи и обѣщалъ на завтра, вслѣдствіе разрѣшенія эмира, выслать жителей съ сѣномъ и дровами. Но жители отговорились боязнью большаго числа высланныхъ фуражировъ и не выѣхали, какъ было обѣщано.

Видя изъ дѣйствій бухарцевъ, что они, можетъ-быть въ ожиданіи новыхъ подкрѣпленій, стараются выиграть время, тогда какъ русскій отрядъ, сильно изнуренный тяжелымъ походомъ степью, терпѣлъ крайній недостатокъ въ фуражѣ, генералъ Черняевъ нашелся вынужденнымъ не выжидать долѣе обѣщаннаго возвращенія посольства и двинуться обратно. Къ этому главнѣйше побуждало его то обстоятельство, что въ тылу отряда, ушедшаго отъ крайняго опорнаго пункта на 125 верстъ, лежалъ трудно проходимый путь пустыней, совершенно не обезпечивавшей правильное сообщеніе отряда съ Чиназомъ, тѣмъ болѣе, что отрядныя подъемныя средства уже были сильно надорваны. Рѣшившись отступить, онъ приказалъ сдѣлать еще фуражировку, что и было исполнено безъ выстрѣла.

10 го февраля эмиръ прислалъ третье письмо, которымъ подтверждалъ свое обязательство о возвращенiи посольства. Посланный передалъ при этомъ, что отъ эмира получено приказанiе продавать русскому отряду дрова и сѣно. Не смотря однако на эти миролюбивыя обѣщанiя, начальникъ отряда остался при прежнемъ намѣренiи и, опасаясь новыхъ проволочекъ со стороны эмира, на другой же день началъ обратное движенiе. Отступая, генералъ Черняевъ увѣдомилъ эмира, что будетъ ожидать возвращенiя посольства на Сыръ-дарьѣ.

Когда отрядъ двинулся, его стали окружать толпы бухарцевъ, которые и провожали верстъ 7, часто насѣдая на него настолько, что приходилось прибѣгать къ артиллерiи. На 8-й верстѣ они вдругъ отступили и скрылись. Пройдя верстъ 15, отрядъ остановился, чтобы подкрѣпить лошадей и верблюдовъ на подножномъ корму для дальнѣйшаго движенiя по Голодной степи, которую отрядъ прошелъ въ 4 дня, «только съ бòльшими трудностями» [1]), чѣмъ въ переднiй путь. 14-го числа онъ остановился лагеремъ на лѣвомъ берегу Дарьи, у бывшей переправы.

Въ такомъ положенiи оставилъ край генералъ Черняевъ, вызванный въ Петербургъ вмѣстѣ съ генераломъ Крыжановскимъ, въ виду предположеннаго правительствомъ обсужденiя тѣхъ мѣръ, которыя необходимы для упроченiя вновь занятаго края, — а на мѣсто военнаго губернатора области назначенъ генералъ-маiоръ Романовскiй.

Въ инструкцiи, которою былъ снабженъ вновь назначенный военный губернаторъ и командующiй войсками области, правительство, высказывая свой взглядъ на отношенiя къ Бухарѣ, прежде всего заявляло желанiе самаго скорѣйшаго возстановленiя съ ханствомъ дружественныхъ торговыхъ сношенiй, но въ то же время считало необходимымъ предупредить начальника области относительно того, что съ азiятцами, уважающими только силу оружiя, слѣдуетъ держаться твердой политики и что главная цѣль начальника должна быть: заставить эмира понять, «что мы не желаемъ завоеванiй и не грозимъ цѣлости его владѣнiй, но не позволимъ и ему расширять своихъ по направленiю къ нашимъ предѣламъ».

Снабжая подобной инструкцiей, правительство какъ бы предвидѣло въ ближайшемъ будущемъ ту сумму осложненiй въ нашихъ отношенiяхъ къ Бухарѣ, которыя повели къ цѣлому ряду новыхъ военныхъ столкновенiй, закончившихся расширенiемъ нашихъ владѣнiй въ Средней Азiи далеко на югъ отъ вновь занятаго Ташкента.

---

[1]) Изъ того-же рапорта хорунжаго Бухарина.

Вслѣдъ за отступленіемъ самаркандскаго отряда отъ Джизака къ Чиназу, начинаютъ распространяться тревожные слухи о воинственныхъ намѣреніяхъ и приготовленіяхъ эмира. Разсказывалось о стотысячномъ войскѣ, о союзѣ съ Кокандомъ и съ Хивою, о движеніи съ трехъ сторонъ на Чиназъ и Чардары бухарцевъ и на Кельаучи 40-тысячной кокандской арміи. Получались свѣдѣнія о «газаватѣ», который будто бы намѣренъ объявить эмиръ, и т. п.

На подкрѣпленіе нашей передовой линіи изъ сыръ-дарьинскихъ фортовъ было двинуто въ Ташкентъ 2 роты, команда стрѣлковъ и казаковъ и изъ Алатавскаго округа 2 роты и 2 казачьихъ сотни.

Но, рядомъ съ слухами и предположеніями, явились и неоспоримые факты, подтверждавшіе, что положеніе становится все болѣе и болѣе тревожнымъ, а вскорѣ были получены и болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ размѣрахъ приготовленій эмира и его намѣреніяхъ.

Такъ, нѣсколько дней спустя послѣ остановки самаркандскаго отряда лагеремъ на лѣвой сторонѣ Сыра, бухарцы расположили въ 40 верстахъ отъ него сильный пикетъ и стали высылать небольшія партіи, которыя старались тревожить отрядъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря стали повторяться мелкія нападенія на солдатъ и казаковъ и изъ послѣднихъ двое были взяты въ плѣнъ и одинъ солдатъ обезглавленъ въ виду лагеря. Такіе же мелкіе разбои начались и въ другихъ мѣстахъ. Около самаго Ташкента въ садахъ израненъ вѣстовой казакъ; со стороны Чардары сдѣлано нападеніе на постъ джигитовъ и взято въ плѣнъ 10 человѣкъ.

Необходимо было принимать мѣры предосторожности на случай внезапнаго нападенія, а также и посылать небольшіе рекогносцировочные отряды.

Для усиленія войскъ нашей передовой линіи были двинуты изъ фортовъ сыръ-дарьинской линіи и Алатавскаго округа въ Ташкентъ нѣсколько ротъ и казачьихъ сотень. Кельаучинскій отрядъ увеличенъ. Въ кураминскія горы двинутъ легкій отрядъ. Переправа чрезъ Сыръ, у впаденія Чирчика, прикрыта двумя укрѣпленіями, Крѣпость Чардара (75 вер. отъ Ташкента, на Сыръ-дарьѣ), какъ главный притонъ разбойничьихъ шаекъ, разрушена особымъ отрядомъ, послѣ незначительной стычки. Эмиръ въ это время съ войсками стоялъ въ Ура-тюбе.

4-го апрѣля было получено извѣстіе, что верстахъ въ 20 отъ лагеря вверхъ по Сыру появилась бухарская конница, высланная изъ лагеря передовыхъ войскъ эмира, стоявшихъ подъ Ирджаромъ; почему на 5-е число произведена рекогносцировка въ этомъ направ-

леніи отрядомъ изъ 5 ротъ и 2 сотень съ дивизіономъ нарѣзной и взводомъ казачьей батарей. Не доходя Мурза-рабата, отрядъ встрѣтился съ 2—3 тысячами конницы самаркандскаго, ура-тюбинскаго и джизакскаго бековъ, которые—по словамъ плѣнныхъ—посланы были для нападенія на нашъ лагерь и для прикрытія огромныхъ отаръ барановъ, гнавшихся къ эмиру на праздникъ Курбанъ-байрама, предполагавшійся отпраздновать съ особымъ торжествомъ.

Конница, замѣтивъ въ передовой части русскаго отряда отсутствіе пѣхоты, стала наступать и открыла огонь. Дѣйствіемъ нашей артиллеріи и атакой казачьей сотни бухарцы были скоро сбиты съ позиціи и отступили верстъ за десять, оставивъ въ рукахъ отряда добычу въ 14 тысячъ барановъ, которые и были угнаны въ лагерь. Послѣдствіемъ этого дѣла было исчезновеніе вблизи отряда мелкихъ шаекъ.

Пользуясь случаемъ извѣщенія эмира о столкновеніи съ его конницей 5-го апрѣля, генералъ Романовскій увѣдомилъ его о своемъ вступленіи въ должность на мѣсто генерала Черняева и, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребовалъ категорическаго отвѣта—какъ эмиръ намѣренъ себя вести по отношенію къ Россіи, которую онъ оскорбляетъ, не дозволяя возвратиться нашему посольству.

Письмо это разошлось въ пути съ письмомъ къ генералу Романовскому отъ Якубъ-беки джизакскаго, который являлся—по его словамъ—посредникомъ въ этихъ переговорахъ. Въ письмѣ своемъ, оригинально адресованномъ къ «*вновь прибывшему* отъ Бѣлаго Царя *Черняеву*», Якубъ-бекъ обвинялъ *Михаила* Черняева въ нарушеніи чирчикской и сыръ-дарьинской границъ и поспѣшности дѣйствій въ виду невозвращенія посольства, которое, по обычаю эмировъ, должно было 5 или 6 мѣсяцевъ угощать, ласкать и затѣмъ уже провожать съ почестями. «Эмиръ нашъ, писалъ Якубъ-бекъ, узнавъ все это, со всѣмъ мусульманскимъ воинствомъ, постепенно переходилъ съ пути снисхожденія на путь войны за вѣру (газавата), выжидая тѣмъ временемъ извѣстій отъ Бѣлаго Царя». Въ заключеніе бекъ просилъ высказаться, съ какою цѣлью присланъ новый начальникъ области, обѣщая, въ случаѣ дружескихъ намѣреній, возвратить «съ ласками» наше посольство.

Отвѣтное письмо беку начальника отряднаго штаба коротко объяснило, что генералъ Романовскій будетъ дѣйствовать сообразно съ ожидаемымъ отвѣтомъ отъ эмира.

Вытребованный съ сыръ-дарьинской линіи пароходъ «Перовскій» съ желѣзнымъ паромомъ прибылъ въ Чиназъ 14-го числа, встрѣтивши на пути (близь устья р. Арыса) нѣсколько бухарскихъ засадъ,

открывавшихъ огонь съ берега по пароходу, безъ всякой впрочемъ со стороны ѣхавшей команды потери. Вслѣдъ затѣмъ, 20-го числа пришелъ второй пароходъ—«Сыръ-дарья». Одновременно съ этими нападеніями стали появляться конныя шайки на протяженіи отъ р. Арыса до кр. Чардара. Въ Зачирчикскомъ краѣ, противъ значительныхъ шаекъ барантачей, точно также приходилось посылать нѣсколько разъ отряды. Очевидно было, что враждебныя дѣйствія противъ русскихъ бухарскаго эмира и увѣренность въ его непобѣдимости все болѣе и болѣе усиливали тревожное положеніе края.

Но вмѣстѣ съ этимъ ясно было и то, что эмиръ выжидалъ и старался протянуть время. 19-го числа отъ него прибыло въ лагерь на Сыръ-Дарьѣ посольство съ письмомъ къ генералу Романовскому. Въ этомъ письмѣ эмиръ, гордо указывая на то, что отрядъ генерала Черняева былъ имъ разбитъ подъ Джизакомъ, требовалъ отъ генерала Романовскаго немедленно удалиться съ войсками на правую сторону Сыра; въ противномъ случаѣ грозилъ, что отрядъ можетъ постигнуть та же участь, что и зимній отрядъ генерала Черняева.

Путь, который выбрало посольство, и неожиданность его появленія въ с. Чиназъ, т. е. въ тылу нашего лагеря, указывало, насколько уже бухарцы распространили свое вліяніе па населеніе по эту сторону Сыра, въ ущербъ вліянію русскихъ. Посольство не поѣхало обыкновенннымъ путемъ, какимъ пріѣзжали до него всѣ посланные, по лѣвому берегу Сыра, а переправилось на правую сторону и двинулось по Зачирчикскому краю; причемъ никто изъ жителей не далъ знать объ этомъ ни въ тотъ, ни въ другой изъ русскихъ отрядовъ.

Генералъ Романовскій, находя необходимымъ выиграть то время, которое было нужно для прибытія подкрѣпленій, а также и на окончательное устройство укрѣпленія при устьѣ Чирчика, воспользовался присылкой посольства, затянувши переговоры съ нимъ на недѣлю. Отвѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ составленъ въ самомъ опредѣленномъ тонѣ: отъ эмира требовалось немедленно возвратить наше посольство, удалить всѣ его войска и шайки изъ нашихъ предѣловъ, а также опровергалось его толкованіе насчетъ зимняго похода нашего отряда подъ Джизакъ.

Къ началу мая боевыя силы передовыхъ отрядовъ равнялись: сыръ-дарьинскаго—3000 человѣкъ (14 ротъ, 5 сотенъ, 22 орудія и ракетная команда), кельаучинскаго—около тысячи. Этихъ средствъ генералъ Романовскій считалъ достаточными для того, чтобы не выжидать долѣе и тѣмъ не дать времени прибытію новыхъ подкрѣпленій изъ Бухары къ эмиру. Поводовъ къ начатію военныхъ дѣйствій

было слишкомъ много дано со стороны бухарцевъ. Ихъ шайки стали появляться вездѣ. Даже въ окрестностяхъ самаго Ташкента были случаи нападенія на солдать и почту: такъ, 18-го числа увезены трое солдатъ-дроворубовъ; на другой день захваченъ шайкой пикетъ изъ джигитовъ недалеко отъ Ніязбека; близь Карыса 24-го апрѣля срѣзанъ пикетъ изъ 2-казаковъ и угнанъ скотъ; послѣдній удалось отбить погнавшимся вслѣдъ за шайкой казакомъ, но двоихъ казаковъ съ пикета такъ и не выручили. Высланный изъ Ташкента по направленію Паркента летучій отрядъ 27-го числа имѣлъ стычку съ шайкой въ одномъ изъ горныхъ ущелій.

Наконецъ, 6-го мая были получены съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія, что эмиръ, возвратившись изъ Самарканда въ Ирджаръ и приведя съ собою подкрѣпленія, намѣренъ перейти въ наступленіе, для чего уже часть своихъ войскъ переправилъ на правый берегъ Сыра.

Этотъ моментъ выбралъ генералъ Романовскій, чтобы предупредить эмира и покончить, наконецъ, съ тѣмъ натянутымъ положеніемъ, которое давно уже требовало разрѣшенія.

7-го мая выжидательное положеніе для отряда на Сыръ-дарьѣ окончилось; онъ двинулся къ Ирджару на встрѣчу бухарцамъ. Еще 5 или 6 числа были получены свѣдѣнія о прибытіи подкрѣпленій къ эмирскимъ войскамъ и что часть ихъ будто бы уже переправлена на правый берегъ въ Зачирчикскій край. Армія эмира состояла изъ сарбазовъ, конныхъ стрѣлковъ до 5000, артиллеріи (12 орудій) и контингентовъ и киргизъ не менѣе 35.000.

Выступившій отрядъ состоялъ изъ 14 ротъ, 5 сотенъ при 20 орудіяхъ и 8 ракетныхъ станкахъ. Обозъ, кромѣ артиллерійскаго парка, поднималъ на 10 дней провіанта; такое же количество послѣдняго шло на одномъ изъ пароходовъ, вышедшемъ въ тотъ же день вверхъ по Сыру. Одновременно съ этимъ кельаучинскій отрядъ долженъ былъ направиться къ Ирджару и быть на мѣстѣ не позже 8-го числа.

Хотя непріятельская кавалерія вскорѣ уже стала появляться въ виду чиназскаго отряда, но держалась вдали и столкновеніе съ нею ограничилось пока ничтожной перестрѣлкой. Сдѣлавъ значительный переходъ въ 30 верстъ, войска остановились на ночлегъ, верстахъ въ 20 отъ эмирскаго лагеря.

На другой день, близь озера Акъ-Чаганакъ, произошла первая стычка у казаковъ съ значительными кокандскими шайками, а когда къ полудню отрядъ сталъ на привалъ, массы непріятельской конницы настолько сильно уже стали насѣдать на авангардъ и обозъ, что пришлось выдвинуть артиллерію. Съ дальнѣйшимъ движеніемъ отряда, конница стала сгущаться и предприняла обходъ, такъ-что

пришлось выслать передовую и боковую цѣпи и, время отъ времени дѣйствовать орудійнымъ огнемъ.

Было около 5 часовъ вечера, когда отрядъ подошелъ къ позиціи бухарскаго эмира на Ирджарѣ. Изъ передовыхъ окоповъ по нимъ открыли сильный артиллерійскій огонь. Въ то же время бухарская конница охватила отрядъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ лѣваго фланга, примыкавшаго къ рѣкѣ.

Но артиллерійскія средства были слишкомъ неравны у соперниковъ, и это рѣшило дѣло; тогда какъ бухарскіе «топчи-уста» (пушкари) наводили свои пушки такъ, что большинство ихъ снарядовъ или летѣло черезъ отрядъ или падало въ обозѣ русская артиллерія, вся выдвинутая на позицію, производила чудеса каждымъ своимъ выстрѣломъ. Черезъ часъ атака уже была подготовлена. Противъ заваловъ двинулась пѣхота, въ числѣ 6 ротъ, подъ начальствомъ капитана Абрамова, правѣе его во флангъ ударила кавалерійская колонна, съ 6-конными орудіями, подъ начальствомъ подполковника Пистолькорса. Бухарцы дрогнули и побѣжали, преслѣдуемые конной артиллеріей и казаками на разстояніи пяти верстъ.

Все поле, между первыми завалами вплоть до бухарскаго лагеря было усѣяно трупами непріятеля [1]), подбитыми повозками и пушками и тѣлами убитыхъ животныхъ. Бухарцы, бросившись бѣжать, даже не заглянули въ свой лагерь и всѣ свои старанія направили только къ тому, чтобы увести свои орудія, изъ которыхъ 10 осталось въ рукахъ побѣдителей: однихъ пороховыхъ запасовъ оставлено на мѣстѣ до 3 тыс. пудовъ. Лагерь былъ брошенъ ими рѣшительно весь, какъ онъ былъ, съ неостывшими еще слѣдами бывшаго въ немъ жилья: съ горячей кашицей въ котлахъ, съ дымящимися кальянами, приготовленнымъ чаемъ и т. п.

Только къ часу стянулись всѣ колонны разбросаннаго отряда побѣдителей на позицію около озера Майда-Джилагъ. На утро былъ занятъ другой бухарскій лагерь съ ставкой эмира, украшенной коврами, диванами и разными предметами азіатской роскоши.

Потери русскихъ въ ирджарскомъ дѣлѣ равны только 12 раненымъ нижнимъ чинамъ и нѣтъ ни одного убитаго.

Успѣху дѣла способствовало и своевременное появленіе кельаучинскаго отряда на правомъ берегу противъ Ирджара, хотя его участіе и ограничилось нѣсколькими удачными артиллерійскими выстрѣлами.

Ирджарская побѣда, какъ и слѣдовало ожидать, имѣла очень сильное вліяніе на умы мѣстнаго населенія; это была *первая* побѣда

---

[1]) Число однихъ убитыхъ простиралось, по собраннымъ справкамъ, до тысячи человѣкъ.

надъ эмиромъ бухарскимъ, и притомъ побѣда громадная, безусловная. Великій и непобѣдимый изъ правителей среднеазіатскихъ ханствъ, гордый и самонадѣянный, который наканунѣ еще, въ письмѣ къ его приверженцамъ въ Ташкентѣ, возвѣщалъ свое «милостивое царское слово», что онъ послалъ къ нимъ своихъ «командировъ»,—этотъ повелитель *бѣжалъ* съ огромнымъ войскомъ, побросавъ все, кромѣ нѣсколькихъ пушекъ.

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, благодаря стараніямъ Рустембека и эмира, сталъ огранизоваться въ Ташкентѣ заговоръ, захватившій большее число приверженцевъ, какъ въ городѣ, такъ и въ другихъ населенныхъ пунктахъ. Заговорщики распространили слухи, что эмиръ намѣренъ переправить часть войска на правый берегъ, съ тѣмъ, чтобы оно двинулось къ Ташкенту. 8-го числа Рустембекъ уже стоялъ въ Паркентѣ въ 17 верстахъ отъ Ташкента, съ своей шайкой, и его лазутчикъ ночью явился въ городъ съ вышеупомянутымъ письмомъ эмира, гдѣ онъ обращался къ преданнымъ ему «потомкамъ пророка» и развивалъ подробно программу приведенія въ дѣйствіе заговора. «Не сходя съ пути ревности къ вѣрѣ и къ единовѣрцамъ,—писалъ эмиръ въ этомъ письмѣ,—разомъ (нечаянно) людей, преданныхъ невѣрнымъ, казните, впустивъ моихъ командировъ; всѣ, правовѣрные, составьте единое тѣло. Не сомнѣвайтесь и, не теряя времени, впустите ихъ; если же найдете какія-нибудь къ сему препятствія, то немедленно напишите мнѣ, и да будетъ надъ вами миръ [1])». Въ то же время скопище въ 10 тыс. обложило Кельаучи и держало это укрѣпленіе въ блокадѣ до 10-го числа. Словомъ все населеніе ташкентскаго раіона было напряженно настроено и ждало послѣдняго слова изъ-за Дарьи.

Это слово—было извѣстіе о разгромѣ эмира Вслѣдъ за извѣстіемъ исчезаютъ шайки, перебираясь на лѣвую сторону Сыра, возстановляется спокойствіе въ Ташкентѣ и въ Зачирчикскомъ краѣ.

Чтобы воспользоваться успѣхомъ нашимъ на Ирджарѣ и достигнуть цѣлей, съ которыми была предпринята экспедиція въ январѣ мѣсяцѣ на правый берегъ, т. е. возвратить наше посольство и наказать эмира, генералъ Романовскій счелъ необходимымъ направиться на Нау и Ходжентъ, изъ которыхъ первый представлялъ сильную крѣпостцу съ важнымъ стратегическимъ положеніемъ, какъ пунктъ, лежащій на главномъ пути изъ Бухары въ Кокандъ, а второй, кромѣ своего торговаго значенія, всегда составлялъ главный оплотъ для всѣхъ безпокойныхъ людей, тревожившихъ Зачирчикскій край.

---

1) Лазутчикъ съ письмомъ былъ пойманъ 9 числа.

Давъ на Ирджарѣ отдыхъ войскамъ и отправивъ оттуда въ Чиназъ на пароходѣ всѣ лишнія тяжести и трофеи 8-го мая, командующій отрядомъ двинулся 14-го числа къ Нау, крѣпость котораго была занята небольшимъ гарнизономъ изъ бухарской конницы. При приближеніи отряда, бухарцы бросили крѣпость съ ея единственнымъ орудіемъ и она тотчасъ же была занята русскими. Во время движенія отряда жители всѣхъ селеній, въ лицѣ своихъ аксакаловъ и казіевъ, встрѣчали отрядъ съ хлѣбомъ и солью и доставляли ему все необходимое.

Изъ Нау отрядъ, за исключеніемъ 2 ротъ и части казаковъ при 2 орудіяхъ, выступилъ, 17 мая, по дорогѣ къ Ходженту и, не дойдя до послѣдняго 5 верстъ, занялъ позицію на бухарской границѣ и расположился вмѣстѣ съ присоединившимся къ нему кельаучинскимъ отрядомъ.

Тотчасъ же были посланы парламентеры съ прокламаціями, но ихъ встрѣтили со стѣны выстрѣлами. Городъ порѣшилъ крѣпко защищаться: затопилъ нѣкоторыя ведущія къ нему дороги, вокругъ стѣнъ очистилъ эспланиду отъ садовъ и построекъ.

На другой день два отряда произвели, подъ выстрѣлами непріятеля, рекогносцировку. Слѣдующій день также былъ употребленъ на болѣе подробный осмотръ верковъ крѣпости, причемъ наиболѣе слабою стороною оказался крайній приречный барбетъ и ближайшія къ нему ворота. Заложенныя въ ночь батареи (двѣ на правомъ и двѣ на лѣвомъ берегахъ) въ теченіе всего 20-го числа стрѣляли по городу, что вѣроятно и послужило причиной тому, что партія мира взяла перевѣсъ надъ противоположной партіей въ городѣ, и на другой день, когда, съ разсвѣтомъ, штурмовыя колоны уже двинулись съ своихъ мѣстъ, ихъ встрѣтила депутація и объявила, что городъ сдается. Не смотря однако на такое благопріятное начало, когда войска были отозваны на позицію и вслѣдъ затѣмъ отправились въ городъ парламентеры, послѣднихъ встрѣтили выстрѣлами. Оказалось, что главный предводитель партіи войны успѣлъ во время переговоровъ арестовать главныхъ представителей мирнаго Ходжента и взять такимъ образомъ все начальство въ свои руки.

Генералъ Романовскій назначилъ ходжентцамъ срокъ отвѣта до полудня слѣдующаго дня, по истеченіи котораго и приказалъ открыть снова бомбардированіе города, продолжавшееся до самаго штурма. А чтобы придать самому штурму наиболѣе нечаянности, онъ рѣшилъ перенести его съ утра на 2 часа по-полудни; для отвлеченія же вниманія непріятеля поведены были траншейныя работы противъ южной стороны крѣпости.

Съ разсвѣтомъ 24-го, двѣ штурмовыя колонны: одна, пройдя къ наиболѣе слабому барбету, заложили двѣ батареи, другая колонна была предназначена для штурма воротъ. Вскорѣ открыта была канонада изъ батарей по крѣпости, а въ 2 часа дня передовая рота первой колонны кинулась съ лѣстницами на штурмъ барбета, а за нею двѣ другія. Въ то же время вторая колонна пошла бѣгомъ къ воротамъ. Впереди охотниковъ первой колонны шли офицеры: они первые поднялись по лѣстницамъ, первые были встрѣчены наверху стѣны камнями, пулями и батиками, и первые пали сильно контуженные. Завязалась упорная свалка, во время которой нѣсколько солдатъ догадались спуститься къ самой рѣкѣ и, обойдя по водѣ стѣну, вскочили на невысокую стѣнку со стороны рѣки. Подоспѣвшее же подкрѣпленіе рѣшило участь барбета.

Въ это время вторая колонна по лѣстницамъ около воротъ влѣзла на стѣну, сломала ворота и бросилась на вторую стѣну съ такимъ же успѣхомъ. За нею двинулся резервъ, направясь прямо къ цитадели, а штурмовыя части пошли въ обходъ стѣнъ, забирая орудія.

Непріятель защищался упорно, порывался снова захватить барбеты въ тылу войскъ, ставилъ барикады, дѣлалъ изъ сакель бойницы. Къ вечеру однако стрѣльба утихла и городъ, послѣ восьмидневной осады, былъ во власти русскихъ. На утро же явились и аксакалы съ покорностью.

Похороны труповъ защитниковъ (до $2^1/_2$ т.) тянулись цѣлую недѣлю. Множество раненыхъ являлось къ русскимъ докторамъ на перевязку. 13 пушекъ и огромное количество другого оружія досталось трофеями побѣдителямъ, которые тоже не остались безъ чувствительныхъ потерь: 5 убитыхъ, 122 раненыхъ и контуженныхъ и 6 безъ-вѣсти пропавшихъ представили итоги этого дѣла.

Результаты Ирджарскаго пораженія, вмѣстѣ съ взятіемъ такого важнаго и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ города, какъ Ходжентъ, не замедлили тотчасъ же проявиться и со стороны Бухары; на другой же день по занятіи этого города генераломъ Романовскимъ, къ нему явился посолъ отъ джизакскаго бека и одинъ изъ членовъ задержаннаго въ Бухарѣ русскаго посольства. Въ письмѣ бека сообщалось, что посольство отпущено, на дняхъ должно быть въ Джизакѣ, и просилось указаній, куда направить его: въ Чиназъ ли, прямой дорогой, или въ Ходжентъ. Въ заключеніе бекъ усердно просилъ военнаго губернатора, отъ имени эмира, дать какія-нибудь гарантіи миролюбія русскихъ намѣреній и не занимать болѣе никакихъ изъ его владѣній.

Въ тотъ же день отъ кокандскаго хана Худояра прибылъ посолъ

съ письмомъ, въ которомъ ханъ чистосердечно объяснялъ свои отношенія къ послѣднимъ событіямъ. «Я только-что—писалъ онъ—хотѣлъ прислать къ вамъ человѣка съ письмомъ, но, опасаясь эмира бухарскаго, не успѣлъ этого сдѣлать. Между тѣмъ эмиръ, желая начать войну, собралъ войска, пришелъ въ Джизакъ и приглашалъ меня, говоря, что всякій мусульманинъ долженъ защищаться противъ васъ, какъ изъ книгъ магометанскаго закона видно. Сохраняя дружбу съ Бѣлымъ Царемъ, я не выходилъ изъ Коканда подъ разными предлогами и, собравъ 35000 армію для охраненія своихъ предѣловъ, стоялъ на Шайданъ-Музгарѣ. Послѣ этого я услышалъ, что эмиръ находящіяся въ Ходжентѣ свои войска и начальниковъ взялъ и оставилъ его пустымъ совершенно; узнавъ объ этомъ, я съ войсками и артиллеріей возвратился назадъ, и если бы я не желалъ дружбы съ Бѣлымъ Царемъ, то я съ войсками, не возвращаясь изъ Шайдана, вошелъ бы въ Ходжентъ; вслѣдствіе чего и съ бухарскимъ эмиромъ сдѣлался бы сильнымъ врагомъ. Съ Божіей помощью Ходжентъ покоренъ вами; услышавъ объ этомъ, чтобы упрочить прежнюю дружбу, поздравляю васъ съ побѣдой. Скажите, желаете ли вы сохранить прежнюю дружбу или нѣтъ, и тогда, сообразно съ вашимъ отвѣтомъ, я буду дѣйствовать».

Отвѣчая въ томъ же дружелюбномъ тонѣ, генералъ Романовскій завѣрилъ хана, что далѣе ходжентскаго округа онъ не пойдетъ и что всѣ его старанія направлены къ осуществленію главнѣйшаго желанія Государя—чтобы настали «въ здѣшнихъ мѣстахъ миръ и тишина, да процвѣтаетъ земледѣліе и торговля и да будутъ жизнь и собственность каждаго обезпечены».

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ на сообщеніе изъ Бухары военный губернаторъ области выразилъ благодарность эмиру за возвращеніе посланцевъ, которое избавляло его отъ движенія—хотя нежелательнаго, но вынужденнаго—къ предѣламъ Старой Бухары, и увѣрялъ, что изъ старой дружбы русскихъ къ Бухарѣ осталось еще слишкомъ многое, чтобы разсчитывать на возможность новыхъ прочныхъ сношеній. Прося эмира направить посольство прямо въ Ташкентъ, генералъ Романовскій обѣщалъ—въ видѣ доказательства съ его стороны искренно дружественныхъ намѣреній—оставить въ Нау и Ходжентѣ лишь необходимые гарнизоны, а съ остальными войсками отойти на правый берегъ Сыра. «Не откажитесь—прибавлялъ онъ въ письмѣ—сколь возможно ускорить возвращеніемъ всѣхъ русскихъ, въ Бухарѣ задержанныхъ. Даю вамъ обѣщаніе, что тотчасъ же безъ замедленія возвращены будутъ всѣ бухарцы и возобновятся торговыя сношенія».

Впрочемъ, отправляя пословъ, генералъ Романовскій далъ имъ понять, что отрядъ будетъ стоять на правомъ берегу у Ирджара, дожидаясь наше посольство и вообще заключенія мира.

Черезъ недѣлю по взятіи Ходжента военный губернаторъ отправился въ Такшентъ, куда и прибылъ 2-го іюня, найдя тамъ возвратившееся, наконецъ, послѣ семимѣсячнаго плѣна въ Бухарѣ, наше посольство. Дорогой до Ташкента генералъ Романовскій имѣлъ случай лично убѣдиться, что въ краѣ царствуетъ совершенное спокойствіе и самое мирное настроеніе въ умахъ жителей.

Вмѣстѣ съ нашимъ посольствомъ эмиръ Сеидъ-Музафаръ прислалъ повѣреннаго человѣка, съ просьбой увѣдомить положительно, чего желаютъ русскіе для окончательнаго заключенія мира. Въ то же самое время прибыло новое посольство отъ Худояръ-хана съ тою же цѣлью. «Душевное желаніе мое,—писалъ Худояръ въ присланномъ съ посольствомъ письмѣ,—есть одно только: быть Бѣлому Царю искреннимъ другомъ, враждовать же съ Нимъ я не имѣю никакого намѣренія, а напротивъ питаю надежду, что, въ случаѣ вступленія въ наши предѣлы непріятеля, не оставите оказать намъ свое содѣйствіе. Именемъ Всевышняго говорю, что у насъ Богъ одинъ, единый; слѣдовательно, что сказано, то свято».

Генералъ Романовскій, не будучи облеченъ никакими полномочіями относительно переговоровъ о мирѣ, въ то же время считалъ необходимымъ тотчасъ-же, чтобы не возбудить подозрѣній, безъ затяжекъ и колебаній, отвѣтить ханскимъ посламъ. Отвѣтъ, данный эмиру, въ видѣ предварительныхъ условій для окончательныхъ переговоровъ съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, заключалъ слѣдующіе пункты: а) признаніе за ними всѣхъ, сдѣланныхъ нами въ послѣдніе годы, пріобрѣтеній и принятіе за границу съ русскими Голодной степи и песковъ Кизылъ-кумъ; б) сокращеніе пошлинъ, взимаемыхъ въ Бухарѣ въ русскихъ товаровъ, до тѣхъ же размѣровъ, въ какихъ взимаются онѣ у насъ съ бухарскихъ продуктовъ, в) предоставленіе полной свободы и безопасности пріѣзжающимъ въ Бухару всѣмъ вообще нашимъ подданнымъ, и г) уплата намъ, сверхъ того, всѣхъ военныхъ расходовъ за послѣднюю экспедицію. Вмѣстѣ съ этимъ требовалось, для избѣжанія новыхъ военныхъ дѣйствій со стороны Россіи, возвратить немедленно всѣхъ русскихъ купцовъ, задержанныхъ въ Бухарѣ, и ихъ товары, въ замѣнъ чего обѣщалось ходатайствовать о безотлагательномъ освобожденіи задержанныхъ въ 1865 году бухарскихъ подданныхъ въ Оренбургѣ.

Въ отвѣтѣ же кокандскому Худояръ-хану, генералъ Романовскій, вполнѣ сочувствуя тому, что высказалъ Худояръ о мирныхъ тор-

говыхъ сношеніяхъ Коканда съ Бухарой, заявлялъ однако, что не можетъ принять на себя ходатайство, пока не получитъ отъ хана гарантій въ твердости и искренности высказанныхъ имъ намѣреній, для чего и считалъ необходимымъ: 1) чтобы кокандскія партіи не переправлялись на правый берегъ Сыра и отнюдь не смѣли нападать на жителей, состоящихъ въ подданствѣ Бѣлаго Царя; 2) чтобы никому изъ нашихъ жителей, которые пожелаютъ по дѣламъ торговымъ отправляться въ Кокандъ, не было дѣлаемо никакихъ стѣсненій, и чтобы съ нихъ, кромѣ условленной между нами подати ($^1/_{40}$ части), не было взимаемо никакихъ другихъ пошлинъ; 3) не принимать и отнюдь не давать убѣжища нашимъ преступникамъ и перебѣжчикамъ: всѣхъ таковыхъ немедленно высылать въ Ташкентъ или Ходжентъ; 4) желающихъ доставлять дровяные плоты и другіе предметы не только не стѣснять, а напротивъ всячески ограждать.

Наступило затишье и миръ. Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ совершенно спокойно, за исключеніемъ слуховъ о безпокойствахъ въ Большихъ и Малыхъ Барсукахъ, на которые, по заявленію коменданта форта № 1-й, предполагали сдѣлать нападеніе туркмены. Но высланный летучій отрядъ изъ 75 казаковъ не встрѣтилъ никого и вернулся, оставивъ край совершенно спокойнымъ. Изъ Бухары и Коканда свѣдѣнія также были самыя благопріятныя. Эмиръ тотчасъ же отпустилъ всѣхъ нашихъ купцовъ, выдавъ имъ и ихъ товары. Кокандъ по-прежнему увѣрялъ въ дружбѣ.

Но мирный гражданскій мѣсяцъ истекъ, и съ начала слѣдующаго въ воздухѣ уже стало носиться что-то недоброе, снова заставившее насторожить военное ухо. Изъ Бухары явились слухи, что русскіе купцы, совсѣмъ-было отпущенные, вдругъ снова задержаны вслѣдствіе того, что тамъ появились извѣстія относительно неискренности со стороны Россіи и какихъ-то тайныхъ замысловъ противъ Бухары. Стали говорить о новыхъ военныхъ приготовленіяхъ противъ эмира. Случайная ничтожная аванпостная стычка близь Нау съ бухарцами также попадала въ тонъ этому настроенію. И хотя купцы изъ Бухары и вернулись, недоразумѣніе, вызвавшее стычку, разъяснилось, но тѣмъ не менѣе натянутость обстоятельствъ чувствовалась во всемъ.

Не безъ вліянія на это напряженное положеніе отношеній осталось и несогласіе оренбургскаго генералъ-губернатора отпустить изъ Оренбурга задержанныхъ бухарскихъ купцовъ. Мѣра эта признавалась необходимой, въ видѣ недовѣрія къ поведенію бухарскаго эмира, который могъ принять наше миролюбіе за уступку и уклониться отъ исполненія предъявленныхъ ему условій.

Среди этихъ обстоятельствъ, въ половинѣ августа пріѣхалъ въ Ташкентъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій. Къ бухарскому эмиру было послано письмо, къ которому прилагалась копія съ граматы Государя Императора, относительно данныхъ полномочій генералу Крыжановскому для заключенія мира, и предлагалось выслать со стороны эмира своего полномочнаго, снабдивъ его подобной же граматой. А вслѣдъ затѣмъ приказано было стянуть къ Ходженту дѣйствующія войска, чтобы быть готовыми ко всякой случайности.

Вскорѣ былъ полученъ лаконическій отвѣтъ отъ эмира: «Слова мои слѣдующія: посланное вами письмо получилъ; вы пишете о присылкѣ хорошаго человѣка для мирныхъ переговоровъ, котораго и я назначилъ, и онъ поспѣшно отправится; мирныя предложенія ваши я читалъ, понялъ и вполнѣ на нихъ согласенъ».

Вслѣдъ за письмомъ явилось и посольство въ Ходжентъ, куда въ началѣ сентября переѣхалъ генералъ Крыжанонскій. Посольство вручило письмо отъ эмира къ генералъ-губернатору и полномочіе, выданное нѣкоему Карали. Это былъ человѣкъ вліятельный, стоящій навысшемъ посту бухарскаго духовенства. Карали, кромѣ того, былъ близкій родственникъ Сеидъ-Музафара и, еще со времени отца послѣдняго, пользовался особымъ довѣріемъ и почетомъ отъ эмира.

Не смотря однако на всѣ увѣренія посла о полной готовности эмира на всѣ требованія генералъ-губернатора, переговоры не привели ни къ чему: на обсужденіи пункта объ уплатѣ контрибуціи Карали сначала отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь на неимѣніе на то полномочій, а затѣмъ просилъ снисхожденія. Генералъ Крыжановскій, находя, что уступчивость съ нашей стороны, въ виду вооруженной Бухары, могла быть истолкована въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ, не согласился ни на какія уступки и отправилъ къ эмиру слѣдующій ультиматумъ:

«Посланецъ вашъ Садръ-Миръ-Хамидитдинъ не привезъ мнѣ ни полной довѣренности вашей для заключенія мира, ни согласія на условія, о которыхъ давалъ знать вамъ генералъ Романовскій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; а потому не вижу съ вашей стороны чистосердечнаго желанія возвратиться къ прочному миру. Спѣшу сообщить вамъ слѣдующее рѣшительное слово: миръ былъ нарушенъ вами тѣмъ, что ваше высокостепенство вмѣшались въ дѣла наши съ Кокандомъ, а потому, въ доказательство того, что вы навсегда отказываетесь отъ вмѣшательства въ дѣла Коканда, вышлите взятаго вами, послѣ занятія нами Ташкента, молодого кокандскаго хана Султана Сеидъ-Муратъ-хана. Будьте увѣрены, что ему не будетъ

причинено никакого зла. Кромѣ того, чтобы миръ былъ возстановленъ ваше высокостепенство: 1) выслать сейчасъ же сумму 100.000 тилль; 2) имѣть въ Бухарѣ русскаго караванъ-баша, который долженъ имѣть право во всякое время обращаться къ вамъ съ просьбами о нуждахъ русскихъ подданныхъ, находящихся въ вашихъ владѣніяхъ; 3) дозволить русскимъ подданнымъ имѣть въ бухарскихъ городахъ, гдѣ сами пожелаютъ, русскіе караванъ-сараи, гдѣ бы они могли складывать свои товары; 4) русскихъ купцовъ уравнять совершенно съ вашими собственными подданными въ платежѣ караванныхъ и другихъ сборовъ и затѣмъ съ русскихъ подданныхъ не производить болѣе никакихъ произвольныхъ поборовъ. Къ сему присовокупляю, что если чрезъ 10 дней отъ сегодняшняго числа не получены будутъ отъ васъ требуемые 100.000 тиллей и не будетъ доставленъ султанъ Сеидъ-Муратъ-ханъ и отъ васъ не будетъ получено письменное согласіе на всѣ остальныя мои условія, то война въ тотъ же день возобновится. До того дня я двинусь съ войсками изъ Ходжента только для того, чтобы быть ближе къ вамъ, и войны не начну, если не встрѣчу никакого сопротивленія въ движеніи, но всякое нападеніе буду отражать силою оружія. Въ знакъ памяти прилагаются отъ меня посылаемыя серебряныя вещи».

Вмѣстѣ съ этимъ командующій войсками округа приказалъ генералу Романовскому приготовиться къ походу, выступивъ изъ Ходжента съ такимъ разсчетомъ, чтобы на 10-й день вступить въ бухарскіе предѣлы. 20-го сентября ходжентскій отрядъ, въ составѣ $20^1/_2$ ротъ, 5 казачьихъ сотенъ при 24 орудіяхъ и 4-хъ мортирахъ, снялся лагеремъ и двинулся по направленію къ Ура-тюбе.

23-го числа, въ день срока для отвѣта эмира, отрядъ вступилъ въ ура-тюбинскій округъ. Всѣ селенія по дорогѣ до Ура-тюбе были совершенно покинуты, нѣкоторыя съ запасами фуража подожжены. Наканунѣ прихода сюда русскихъ всѣ окружные жители были согнаны бекомъ въ Ура-тюбе или удалены въ горы, а семейства вліятельныхъ изъ нихъ заарестованы, какъ заложники.

Высылая въ тотъ же день рекогносцировочный отрядъ къ городу, генералъ Крыжановскій приказалъ, не окрывая огня, войти въ переговоры съ ура-тюбинскимъ бекомъ. Исполняя это приказаніе, начальникъ высланнаго отряда, не смотря на то, что былъ встрѣченъ изъ города выстрѣлами, отправилъ нѣсколько джигитовъ съ письмомъ къ беку и молча ожидалъ отвѣта. Но, вмѣсто отвѣта, посланный отъ бека ранилъ въ руку одного изъ джигитовъ, обманувши обѣщаніемъ передать письмо.

Такой поступокъ былъ самымъ нагляднымъ бухарскимъ отвѣ-

томъ. Рекогносцировочный отрядъ открылъ огонь, подъ прикрытіемъ котораго и былъ сдѣланъ осмотръ крѣпостныхъ верковъ. Произведенныя затѣмъ, 27-го и 28-го сентября, подробныя рекогносцировки стѣнъ доказали необходимость штурмовать крѣпость съ двухъ фасовъ одновременно нѣсколькими колоннами. Чтобы облегчить заложеніе брешь-батареи противъ наиболѣе важной и трудно доступной сѣверо-восточной стѣны крѣпости, было предпринято нѣсколько фальшивыхъ атакъ на другіе ея фасы. Непріятель слишкомъ поздно замѣтилъ скрытую сперва отъ него колонну и не могъ помѣшать окончанію работъ: къ разсвѣту 1-го октября, какъ эта батарея, такъ и южная, были уже готовы, а въ теченіе дня ими пробиты бреши въ стѣнахъ крѣпости. Чтобы помѣшать непріятелю закладывать бреши, всю ночь продолжалась канонада всей отрядной артиллеріей.

Только стало брежжиться, утромъ 2-го октября, въ темномъ еще воздухѣ взвилась ракета. Штурмовыя колонны, дожидавшіяся этого сигнала, двинулись съ лѣстницами къ стѣнамъ крѣпости.

Самая трудная часть дѣла выпала на долю двухъ колоннъ южной стороны. Въ первой изъ нихъ, когда охотники, пробѣжавъ подъ сильнымъ огнемъ пространство до стѣны, бросились по лѣстницѣ къ воротной башнѣ и когда уже часть людей была на верху, лѣстница сломалась. Масса народа рухнула внизъ, оставивъ передовыхъ на стѣнѣ. Храбрецы кинулись въ-рукопашную къ башнѣ и перебили ея защитниковъ. Въ это время нѣсколько другихъ охотниковъ внизу бросились съ топорами къ воротамъ и быстро сломали ихъ, тогда какъ подоспѣла и вторая лѣстница. То и другое спасло первыхъ, оставленныхъ на воротахъ. Другая изъ южныхъ колоннъ, штурмовавшая стѣну лѣвыхъ воротъ, встрѣтила также отчаянное сопротивленіе при всходѣ на стѣну, а главнѣйшее уже за стѣной, гдѣ на нее накинулась масса защитниковъ, въ короткой схваткѣ съ которыми пало за-мертво трое офицеровъ и многіе переранены, Общая же численность потерь каждой изъ этихъ колоннъ, считавшихъ по 250 человѣкъ, равнялась 151 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ (въ первой—77 челов., во второй—72 челов.), т. е. 30% числа участниковъ штурма.

Одновременно бросились на штурмъ и двѣ колонны на сѣверовосточный фасъ крѣпости и быстро по лѣстницамъ вошли въ сдѣланныя наканунѣ бреши. Растерявшійся непріятель поспѣшилъ укрыться въ ближайшія сакли, но быстрымъ движеніемъ ротъ былъ прогнанъ и вскорѣ занята была и цитадель города. Послѣднимъ палъ, самый крѣпкій и важный, сѣверо-западный бастіонъ, командовавшій надъ всей крѣпостью и державшійся всѣхъ упорнѣе.

Вмѣстѣ съ крѣпостью въ рукахъ русскихъ осталось 16 пушекъ и множество оружія. Потери непріятеля оказались громадными: въ городѣ и ближайшихъ окрестностяхъ погребено до 2000 труповъ; общая же потеря штурмовавшихъ равняется 17 убитымъ и 210 раненымъ и контуженнымъ.

Не смотря однако на потерю такого важнаго пункта, какъ Уратюбе, бухарскій эмиръ видимо не имѣлъ намѣренія идти на уступки. Онъ не только не прислалъ своихъ пословъ, но даже не выказалъ намъ намѣренія вступить въ какіе-либо переговоры, вѣроятно разсчитывая на сильныя оборонительныя средства кр. Джизака—этого послѣдняго укрѣпленнаго пункта, опираясь на который онъ могъ еще надѣяться удерживать за собою долину р. Сыра. Дѣйствительно, Джизакъ за послѣднее время былъ настолько хорошо укрѣпленъ, что являлся однимъ изъ самыхъ сильныхъ туземныхъ укрѣпленій. Напуганный быстрымъ появленіемъ, зимой 1865 года, русскаго отряда подъ стѣнами Джизака, эмиръ употребилъ съ того времени всѣ средства, чтобы придать этой крѣпости возможно большую оборонительную силу: обнесъ тройной стѣной сильной профили, съ фланговыми оборонами, башнями, рвами; усилилъ вооруженіе артиллерійское и обезпечилъ 10-ти тысячнымъ гарнизономъ.

Стратегическое положеніе Джизака въ воротахъ горнаго ущелья, ведущаго къ Самарканду и Бухарѣ, дѣлало его весьма важнымъ для бухарцевъ, какъ защита и какъ базисъ всѣхъ наступательныхъ предпріятій въ сторону русскихъ владѣній. Поэтому генералъ Крыжановскій рѣшилъ двинуться къ Джизаку.

Передовой отрядъ 6-го октября занялъ брошенное гарнизономъ небольшое укрѣпленіе Зааминъ, въ которомъ и были оставлены всѣ излишнія отрядныя тяжести. 12 числа весь отрядъ, изъ $16^1/_2$ ротъ, 5 сотень при 20 орудіяхъ, занялъ высоты по южную сторону крѣпости, верстахъ въ 3-хъ отъ нея, при входѣ въ ущелье, и въ тотъ же день была произведена рекогносцировка послѣдняго, гдѣ оставленъ пикетъ до конца осады.

Три затѣмъ слѣдующіе дня были употреблены на заготовку туровъ и фашинъ, а также на рекогносцировки крѣпости.

14-го числа бухарцами было предпринято два нападенія: одно въ ущельѣ на отрядныхъ фуражировъ, другое изъ крѣпости на роты, расположенныя въ садахъ,—то и другое были отбиты. Новая значительная вылазка, на другой день вечеромъ, также не имѣла успѣха. Въ ту же ночь были сдѣланы уже прикрытія для войскъ и окончена часть батарейныхъ работъ, что побудило защитниковъ на новую вылазку, которая и въ этотъ разъ была отбита, и

съ такимъ большимъ урономъ, что бухарцы не рѣшились уже болѣе повторять свои вылазки.

16-го числа былъ открытъ огонь съ нашихъ батарей и заложена еще новая. Вскорѣ была на половину пробита брешь, которую хотя бухарцы и задѣлали-было высокой засѣкой, но на слѣдующій день наша артиллерія разбила ее и сдѣлала проломъ еще шире. Въ ночь на 18-е число охотники осмотрѣли пространство до рва и измѣрили послѣдній. Штурмъ былъ назначенъ двумя колоннами въ полдень 18-го.

Въ 10 ч. утра была удачно произведена демонстрація противоположной стороны крѣпости, такъ-что бухарцы даже предприняли въ эту сторону вылазку и были отбиты скрытой засадой. Это настолько отвлекло вниманіе непріятеля, что штурмовыя колонны съ лѣстницами имѣли возможность пройти отдѣлявшее ихъ отъ крѣпости открытое пространство въ 100 саженъ и вскорѣ были на стѣнахъ. Непріятель потерялъ моментъ встрѣчи колоннъ огнемъ хотя и бросился къ заваламъ, но былъ опрокинутъ.

Рѣшившіеся на отчаянную защиту и съ этой цѣлью завалившіе всѣ ворота, бухарцы оказались въ самомъ безвыходномъ положеніи: бѣгство возможно было лишь чрезъ *одну калитку*. Это усилило только отчаяніе защитниковъ, и рукопашная схватка охватила всю внутренность крѣпости. Пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ (при чемъ тяжело ранено нашихъ 16 человѣкъ). Уйдти удалось очень немногимъ; большинство гарнизона истреблено и около 2 тыс. взято въ плѣнъ. Судя по словамъ плѣнныхъ, потеря непріятеля была не менѣе 6 тыс. человѣкъ. Въ крѣпости взято было 23 большихъ орудія, множество весьма богатой добычи. Потери русскихъ равны 6 убитымъ и 92 раненымъ и контуженнымъ.

Взятіемъ Джизака генералъ-губернаторъ рѣшилъ ограничить военныя дѣйствія противъ Бухары и, оставивъ въ немъ самостоятельный отрядъ изъ 10 ротъ и 3 сотенъ при 12 орудіяхъ, уѣхалъ съ передовой линіи. Жители приглашены возвратиться къ своимъ мирнымъ занятіямъ.

1-го ноября генералъ-адьютантъ Крыжановскій выѣхалъ изъ Ташкента. Пріѣздъ его въ край, кромѣ взятія Ура-тюбе и Джизака, имѣлъ еще одно весьма важное значеніе: въ силу данныхъ ему правительствомъ полномочій, были включены въ составъ Россійской имперіи Ташкентскій районъ и Зачирчикскій край до Ходжента и Нау включительно.

За все время послѣднихъ дѣйствій подъ Ура-тюбе и Джизакомъ кокандскій ханъ не только не выказалъ какихъ-либо непріязненыхъ

дѣйствій, но напротивъ пользовался по видимому всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выказать намъ свое дружеское расположеніе. Взятіе Ура-тюбе и Джизака, какъ и прежде Ходжента, было привѣтствовано съ его стороны тотчасъ же посольствами и поздравительными письмами.

11-го декабря 1866 года генералъ Романовскій выѣхалъ изъ Ташкента въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ особомъ комитетѣ, вмѣстѣ съ генералами Крыжановскимъ, Черняевымъ и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, относительно рѣшенія вопроса по устройству вновь занятаго края. Результатомъ работъ комитета, какъ извѣстно, было мнѣніе—образовать изъ Туркестанской области и части Семипалатинской новый военный округъ и новое генералъ-губернаторство—Туркестанское, съ раздѣленіемъ его на двѣ области: Сыръ-дарьинскую и Семирѣченскую, причемъ границею, отдѣляющею новое генералъ-губернаторство отъ Оренбургскаго и Западно-сибирскаго, принималась линія, проведенная отъ уроч. Терекли (къ сѣверу отъ Аральскаго моря) на оз. Саумаль-куль, далѣе по р. Чу, чрезъ оз. Балхашъ и по горамъ Чингиль-тау, проходящимъ на нѣсколько верстъ сѣвернѣе г. Сергіополя. Мнѣніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія 13 іюня 1867 г., причемъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками округа былъ назначенъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й.

Тѣмъ временемъ событія въ Туркестанѣ шли своимъ порядкомъ: съ самаго начала 1867 года стали въ разныхъ мѣстахъ показываться мелкія шайки—привычное явленіе въ Туркестанѣ, обыкновенно предшествовавшее началу военныхъ дѣйствій. Цѣль этихъ шаекъ всегда была одна и та же: возбуждать населеніе къ возстанію, или мстить ему, и тѣмъ держать въ страхѣ, и вмѣстѣ съ этимъ пользоваться всѣми случаями, чтобы вести малую войну съ русскими. Имя давно знакомаго степямъ Садыка снова появилось на лѣвомъ берегу низовьевъ Сыра, гдѣ онъ собиралъ туркменъ въ свою шайку, чтобы дѣйствовать на нашихъ киргизъ. Вслѣдствіе этого изъ форта № 1-й и Перовскаго были высланы небольшіе отряды. Первый изъ нихъ, состоявшій изъ сотни казаковъ, на уроч. Сары-Булакъ (въ 143 вер. отъ форта), подъ начальствомъ есаула Анчокова, наткнулся на шайку Садыка человѣкъ въ 1000, Сотня была окружена и отбивалась пол-дня, при чемъ убито 19 человѣкъ. Вечеромъ и на другой день нападенія продолжались, но были отбиваемы. Положеніе сотни было очень затруднительное. Палимая степнымъ жаромъ и окруженная тѣлами убитыхъ, она оставалась безъ капли воды. Пробовали-было казаки два раза рыть колодцы,

но до воды не дошли; у нѣкоторыхъ уже шла кровь горломъ. Вслѣдствіе этого на третій день начальникъ отряда рѣшилъ отступить. Зарывши часть фуража и провіанта въ вырытые колодцы и заваливъ сверху убитыми лошадьми, сотня двинулась въ каре къ роднику. Непріятель не преслѣдовалъ ее, а бросился къ мѣсту бивака, разсчитывая найти добычу. Три дня стоили сотнѣ 20 убитыхъ и 5 раненыхъ казаковъ и 67 лошадей и верблюдовъ—убитыхъ и отбитыхъ Садыкомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, на главномъ сообщеніи Джизака съ Чиназомъ чрезъ Голодную степь, нападенія на караваны и проѣзжихъ до того сдѣлались часты, что необходимо было организовать постоянныя посылки вооруженныхъ отрядовъ (такъ назыв. «оказій»), которые разъ или два раза въ недѣлю сходились изъ Джизака и Чиназа на срединѣ пути и подъ прикрытіемъ которыхъ пересылались тяжести и переѣзжали не только служащіе въ краѣ, на и большинство купеческихъ каравановъ и проѣзжавшихъ степь туземцевъ.

Тревожное положеніе еще болѣе усилилось слухами о новыхъ вооруженіяхъ, предпринятыхъ эміромъ въ Самаркандѣ, и о его намѣреніяхъ двинуться къ Джизаку. Многіе жители въ Джизакѣ до того были перепуганы этой грозой, что покинули городъ и ушли въ горы. Торговые караваны совершенно перестали являться. Шайки заняли почти всѣ горные проходы и не допускали подвозъ продуктовъ въ городъ; кромѣ того большинство джизакскихъ полей, пользовавшихся орошеніемъ изъ рѣчки Джаланъ-уты, пробѣгавшей ущельемъ того же имени, оказалось безъ воды, такъ какъ въ Яны-курганѣ—укрѣпленіи по ту сторону ущелья—рѣчку запрудили и отвели. Вслѣдствіе этого цѣны на все въ Джизакѣ поднялись страшно и безпокойство жителей стало возрастать.

Такое положеніе дѣлъ вынудило начальника передовой линіи, подполковника Абрамова, двинуться 25 мая, съ 3 ротами, 2 сотнями и дивизіономъ артиллеріи, чрезъ ущелье, къ Яны-кургану, который оказался брошеннымъ какъ жителями, такъ и бухарскимъ гарнизономъ, и занятъ войсками безъ выстрѣла. На другой день, рано утромъ, подполковникъ Абрамовъ, съ легкимъ отрядомъ изъ 2 сотенъ и 4 ракетныхъ станковъ, двинулся къ мѣсту запруды рѣчки. Пройдя верстъ 15, отрядъ былъ отрѣзанъ конными массами (въ 6.000 челов.), появившимися въ тылу его на дорогѣ, тогда какъ другія стали окружать его съ боковъ. Подполковникъ Абрамовъ, спѣшивъ одну сотню, открылъ дѣйствіе ракетами и ружейнымъ огнемъ, въ то время какъ другая сотня дѣйствовала атаками. Нѣсколько отбитыхъ натисковъ непріятельской конницы не остановили ея рѣши-

мости, и она, послѣ нѣкотораго промежутка времени, когда отрядъ уже успѣлъ приблизиться къ Яны кургану верстъ на 7, снова бросилась въ атаку. Но стойкость маленькаго отряда и въ этотъ разъ взяла перевѣсъ: непріятель былъ отброшенъ, а вслѣдъ за этимъ подоспѣла изъ укрѣпленія рота со взводомъ конной артиллеріи, что дало возможность тотчасъ же перейти въ наступленіе и заставить непріятеля скрыться, отступивъ по дорогѣ къ Самарканду, верстъ на 16 отъ Яну-кургана. Но къ вечеру онъ сталъ стягиваться снова къ укрѣпленію и остановился верстахъ въ 7, пославъ въ Самаркандъ за артиллеріей. Это побудило подполковника Абрамова усилить отрядъ въ Яны-курганѣ, вызвавъ изъ Джизака 3 роты и дивизіонъ артиллеріи.

Положеніе нашего отряда въ Яны-курганѣ съ самыхъ первыхъ дней опредѣлилось надолго: скученный около небольшаго холма, онъ представлялъ передовой пикетъ въ виду непріятеля и долженъ былъ зорко слѣдить кругомъ и быть крайне осторожнымъ. Ночью необходимо было выставлять сильную цѣпь вокругъ мѣста расположенія войскъ, каждое движеніе на двѣ-три версты отъ стоянки совершать командами, и за всѣмъ тѣмъ случаи нападеній были не рѣдки. Такъ, наприм., 3-го іюля нѣсколько ротъ вышли для уборки брошеннаго жителями хлѣба. 5 человѣкъ казаковъ отдѣлились въ сосѣднюю деревню за дровами и, прежде чѣмъ имъ удалось подать помощь, какъ одинъ былъ убитъ, а другой раненъ выскочившей изъ лога шайкой человѣкъ въ 30, которые и ускакали съ тѣломъ убитаго. Посланныя въ преслѣдованіе изъ Яны-кургана 2 сотни и 2 роты наткнулись вскорѣ на довольно большія массы конницы, отступившей послѣ незначительной перестрѣлки.

Къ ночи, верстахъ въ 7 отъ укрѣпленія, видны были большіе огни въ бухарскомъ лагерѣ, а утромъ непріятельская конница стала подходить къ Яны-кургану и заняла ближайшіе холмы. Бухарцы открыли-было огонь по нашей цѣпи, но нѣсколько пущенныхъ по нимъ артиллерійскихъ выстрѣловъ заставили ихъ отойти. Въ полдень въ лагерь явились трое бухарскихъ дезертировъ и разсказали, что главный непріятельскій лагерь, до 20 тыс. челов., находится на Каменномъ мосту, съ цѣлью напасть на Яны-курганъ.

5-го числа, утромъ, со стороны Самарканда потянулись огромныя скопища и, занявъ сады вокругъ укрѣпленія, начали перестрѣлку съ высланной цѣпью. Толпы непріятеля все прибывали, а въ 10 часовъ онъ открылъ стрѣльбу изъ одной пушки. Подполковникъ Абрамовъ рѣшилъ наконецъ выйти изъ выжидательнаго положенія и, пославъ казачью сотню обскакать холмъ, на которомъ было бухар-

ское орудіе, двинулся самъ, съ 6-ю ротами, сотней и 4-мя орудіями, на главныя непріятельскія силы, собравшіяся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Яны-кургана. Поражаемый артиллерійскимъ огнемъ, непріятель не выдержалъ наступленія и побѣжалъ. Въ то же время отдѣльныя колонны бросились-было къ укрѣпленію, но, встрѣченныя картечью, должны были отступить.

Преслѣдованіе главныхъ массъ подполковникъ Абрамовъ остановилъ только тогда, когда дошелъ почти до мѣста бухарскаго лагеря, отъ котораго уже не осталось тутъ и слѣда.

Другое изъ крупныхъ столкновеній — съ извѣстнымъ уже Садыкомъ — произошло въ Голодной степи, гдѣ мелкія шайки его производили нападенія на сообщенія между Джизакомъ и Чиназомъ. 6-го августа, для преслѣдованія одной изъ такихъ шаекъ, угнавшей скотъ жителей Заамина, высланъ былъ отрядъ изъ 22 казаковъ и 18 конныхъ стрѣлковъ. Отбивъ скотъ уже вблизи Джизака, отрядъ направился къ этой крѣпости, но былъ окруженъ шайкой въ тысячу человѣкъ, столкновеніе съ которой не обошлось отряду безъ убитыхъ и раненыхъ. Въ то же время, верстахъ въ 15-ти отъ Чиназа, другая шайка напала на подпоручика артиллеріи Служенко, отдѣлившагося отъ оказіи, и увезла плѣнныхъ въ Бухару, вмѣстѣ съ бывшими при немъ тремя солдатами.

Систематическіе разбои все болѣе и болѣе усиливавшихся шаекъ, наконецъ, принудили начальника джизакскаго отряда предпринять нѣсколько послѣдовательныхъ движеній въ горы, въ которыхъ были главные притоны дѣйствовавшихъ бухарскихъ шаекъ. Такъ, 30 сентября, отрядъ изъ Яны-кургана былъ двинутъ въ горы Богданъ-тау, къ селенію Ушмы, для раззоренія разбойничьяго гнѣзда одной изъ шаекъ Назара, который силою собиралъ подати съ нашихъ подданныхъ. Подобное же движеніе было предпринято другимъ отрядомъ, 5-го декабря, къ селенію съ небольшимъ и трудно доступнымъ горнымъ укрѣпленіемъ въ ущельи—Ухумомъ, которое было главнымъ притономъ шаекъ, дѣйствовавшихъ именемъ эмира (отъ котораго имѣли даже ярлыки) и наводившихъ страхъ на все окрестное населеніе. Передовая часть отряда была встрѣчена выстрѣлами изъ Ухума, но защитники были оттѣснены и селеніе сожжено.

Не смотря на подобное наказаніе обитателей Ухума, онъ вскорѣ, подкрѣпленный бухарцами, опять оправился, и въ началѣ марта, когда въ горы былъ посланъ новый рекогносцировочный отрядъ, послѣдній былъ встрѣченъ выстрѣлами. Результатомъ этой стычки было новое и окончательное раззореніе Ухума.

Вскорѣ послѣ этого повторилось со стороны бухарцевъ нѣсколько

нападеній, какъ вблизи Яны-кургана на отдѣльныхъ солдатъ, такъ, на дорогѣ изъ Джизака на небольшую партію, двигавшуюся въ Яны-курганъ; причемъ былъ израненъ ѣхавшій съ партіей офицеръ. Наконецъ, смѣлость бухарцевъ дошла до того, что 15 апрѣля ими было сдѣлано нечаянное нападеніе на русскій лагерь при Ключевомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Джизака. Нападеніе было произведено въ темную ночь, почти одновременно на оба фланга лагеря. Однако быстро по тревогѣ стали въ ружье, а артиллерія встрѣтила атакующихъ настолько удачно картечью, что обратила въ бѣгство. Такимъ образомъ враждебныя дѣйствія бухарскаго эмира обратились въ открытый вызовъ, послужившій причиной окончательнаго рѣшенія со стороны главнаго начальника края, что необходимо, наконецъ, заставить эмира силою оружія уважать русскую власть и права ея подданныхъ.

Еще до образованія Туркестанскаго генералъ-губернаторства и назначенія генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го, эмиръ Бухары Сеидъ-Музафаръ, испытавшій въ столкновеніи съ русскими рядъ неудачъ, началъ повидимому сознавать невозможность борьбы съ сильнымъ сосѣдомъ и послалъ въ Оренбургъ особую миссію, подъ начальствомъ Мусса-бека, для заключенія мирнаго договора.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, отправляясь въ край, долженъ былъ окончить начатые съ эмиромъ переговоры. Онъ былъ совершенно согласенъ на заключеніе мирнаго трактата съ Бухарой на тѣхъ основаніяхъ, которыя были приняты до его пріѣзда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей о границахъ. Мирный трактатъ, одобренный въ этомъ видѣ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, отосланъ къ эмиру съ отправлявшимся изъ Оренбурга обратно посломъ его, а генералъ-губернаторъ, прибывъ въ Ташкентъ, тотчасъ занялся введеніемъ новаго проекта положенія объ управленіи краемъ.

Работы организаціонныхъ коммисій по цѣлому краю начались дѣятельно Вопросы, которые предстояло рѣшить этимъ коммисіямъ, получившимъ отъ генералъ-губернатора подробныя указанія и инструкціи, были первостепенной важности. Отъ удачнаго разрѣшенія новаго дѣла находился въ зависимости вопросъ органическаго сліянія вновь пріобрѣтеннаго въ Азіи обширнаго края съ имперіею. Русской власти въ Туркестанѣ надлежало придать прочность и силу, безъ которыхъ немыслимо водвореніе прочныхъ порядковъ

въ краѣ. Возвышеніе авторитета русскихъ въ областяхъ, покоренныхъ нами, и постепенное умиротвореніе его населенія неминуемо должно было отозваться благодѣтельно на нашемъ общемъ положеніи въ Средней Азіи и на нашихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ независимымъ владѣніямъ. Прочно водворяясь у себя, мы, въ спокойствіи нашего населенія и въ улучшеніи его экономическаго положенія, получали источники новой силы, значительно возвышавшей насъ въ глазахъ населенія Туркестана.

Когда выяснились всѣ особенности дѣла организаціонныхъ коммиссій, опредѣлились особенности новаго для насъ края и отношенія къ намъ новыхъ подданныхъ, а также и положеніе войскъ въ округѣ, генералъ-губернаторъ предполагалъ, по окончаніи переговоровъ съ эмиромъ Бухары Сеидъ-Музафаромъ и по заключеніи съ нимъ мирнаго трактата, выѣхать въ С.-Петербургъ, для личнаго доклада Его Императорскому Величеству обо всемъ, касающемся положенія дѣлъ въ краѣ, и испрошенія дальнѣйшихъ указаній Государя Императора.

Между тѣмъ, еще до учрежденія новаго генералъ-губернаторства, временное ничальство въ бывшей Туркестанской области распорядилось занятіемъ Яны-кургана. Отрядъ подъ начальствомъ подполковника Абрамова, изъ 7 ротъ пѣхоты, одной батареи и двухъ сотенъ казаковъ, 25 мая 1867 года расположился лагеремъ подъ Яны-курганомъ, для прекращенія безпрерывныхъ грабительствъ и нападеній на населеніе Джизака и его окрестностей. Цѣль водворенія спокойствія въ странѣ, занятой нами въ 1866 г., была достигнута лишь до нѣкоторой степени. На сообщеніяхъ между Яны-курганомъ и Джизакомъ и симъ послѣднимъ и Чиназомъ, а также между Джизакомъ и Ура-тюбе, не рѣдко появлялись мелкія шайки, нападавшія между прочимъ и на наши военныя оказіи. При одномъ такомъ нападеніи былъ захваченъ артиллеріи поручикъ Служенко, а при другомъ израненъ подпоручикъ Машинъ.

Всѣ мѣры, возможныя и допускаемыя достоинствомъ Россіи, были приняты прибывшимъ 7 ноября 1867 г. въ Ташкентѣ генералъ-губернаторомъ Туркесканскаго края, дабы побудить бухарскаго эмира къ заключенію мира. Понятныя и безобидныя для него условія мирнаго торговаго трактата, вновь составленныя, были препровождены на его утвержденіе. Убѣжденія въ письмахъ и на словахъ чрезъ его посланцевъ не повели ни къ чему. Сильный еще, по понятіямъ азіятскимъ, бухарскій деспотъ, не смотря на неудачи 1866 г., не могъ помириться съ мыслью о необходимости подчиниться какимъ бы то ни было обязательствамъ. По природѣ хитрый, онъ не довѣрялъ

русскому генералу, подозрѣвалъ его въ завоевательныхъ замыслахъ, не понималъ прямого честнаго слова и обманывалъ. Увѣряя въ готовности своей заключить миръ, онъ тянулъ дѣло, посылалъ для переговоровъ своихъ уполномоченныхъ одного за другимъ, но не подписывалъ трактата. Шесть мѣсяцевъ уже шли переговоры, и въ началѣ апрѣля 1868 г., казалось, приходили къ концу. Эмиръ прислалъ въ Ташкентъ своего довѣреннаго доложить генералъ-губернатору, что онъ на все согласенъ и что принятыя уже имъ «условія», какъ онъ называлъ трактатъ, съ приложенною имъ печатью, будутъ вслѣдъ затѣмъ высланы. Генералъ-губернаторъ, откладывавшій выѣздъ свой изъ Ташкента въ С.-Петербургъ со дня на день, назначилъ его на 14-е апрѣля.

Наканунѣ этого дня, 13-го апрѣля вечеромъ, получено было было довольно достовѣрное извѣстіе о томъ, что эмиръ приготовился къ войнѣ, что будто стотысячная бухарская армія собралась у Самарканда и что ожидается лишь отъѣздъ изъ края генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана 1-го, для вторженія этой невиданной еще въ Азіи силы въ наши предѣлы.

Очевидно, дѣло переходило на почву рѣшительныхъ дѣйствій. Всѣ старанія склонить эмира къ заключенію мира оказались тщетны. Дальнѣйшее промедленіе переговоровъ могло весьма вредно отразиться на нашемъ положеніи, тогда еще не вполнѣ упроченномъ въ Средней Азіи, а приготовленія эмира къ войнѣ весьмо убѣдительно указывали на то, что, безъ употребленія силы оружія, невозможно заставить его жить спокойнымъ сосѣдомъ.

По полученіи свѣдѣній о рѣшительныхъ приготовленіяхъ Бухары къ борьбѣ съ русскими, сдѣлано было немедленно распоряженіе о сборѣ войскъ нашихъ въ Джизакѣ и Яны-курганѣ.

18-го апрѣля командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа выѣхалъ изъ Ташкента, но уже не въ С.-Петербургъ, а въ Джизакъ.

27-го апрѣля всѣ войска, назначенныя на передовую линію, были собраны и снаряжены для похода. 29-го отрядъ выступилъ изъ Джизака къ Яны-кургану и соединился тамъ съ передовымъ отрядомъ полковника Абрамова, стоявшимъ всю предшествовавшую зиму во временныхъ баракахъ.

У Яны-кургана собрались: 21 рота пѣхоты, 16 орудій и 5 сотенъ казаковъ, всего до 3,500 человѣкъ.

30 апрѣля отрядъ выступилъ къ Самарканду и, сдѣлавъ 35 верстъ въ тотъ же день, остановился на ночлегъ у Каменнаго моста.

Въ 2 часа ночи, 1 мая, войска, готовыя къ бою, снялись съ ночлега.

Когда отрядъ былъ уже готовъ къ выступленію, бухарскій посланецъ, явившійся наканунѣ 1 мая къ командующему войсками съ увѣреніемъ отъ эмира въ дружбѣ, но безъ всякихъ письменныхъ «условій», кои требовались отъ эмира, началъ просить генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го возвратиться въ Яны курганъ или по крайней мѣрѣ дождаться у Каменнаго моста прибытія новаго посла съ мирнымъ трактатомъ. Такъ какъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ эмиръ не выполнилъ справедливыя требованія нашего правительства, то на этотъ разъ просьба посланца, въ виду начавшагося похода, была естественно оставлена безъ послѣдствій.

Войска двинулись въ путь. Вскорѣ отрядъ вышелъ въ цвѣтущую Міанкальскую долину. Авангардъ, втянувшись въ сады селенія Акъ-курганъ, остановился для привала. Какъ только было сдѣлано распоряженіе объ остановкѣ авангарда, получено было отъ передовыхъ джигитовъ извѣстіе о непріятелѣ, который сдѣлалъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Тотчасъ же было приказано начальнику походнаго штаба, полковнику Петрушевскому, выѣхать, подъ прикрытіемъ казачьяго конвоя, впередъ, для осмотра впереди лежавшей мѣстности. Войска начали строиться въ бою. Въ правой цѣпи и авангардѣ завязалась небольшая перестрѣлка.

Между тѣмъ полковникъ Петрушевскій, выѣхавъ впередъ съ 30-ю казаками, очутился въ виду значительной массы бухарскихъ наѣздниковъ. Подоспѣвшія двѣ казачьи сотни остановили натискъ бухарцевъ и завязалась перестрѣлка. Непріятель отступилъ и перестрѣлка прекратилась. Въ это время отъ непріятельской партіи отдѣлился новый посланецъ эмира, Сардаръ-Наджмутдинъ-ханъ. Онъ объявилъ, что привезъ условія мирнаго договора, скрѣпленныя печатью эмира. Какъ оказалось впослѣдствіи, это была лишь уловка для задержанія на сутки движенія нашего отряда. Дѣло въ томъ, что бухарцы имѣли въ виду устройствомъ на Зеравшанѣ плотины поднять воду въ рѣкѣ и, затопивъ мѣстность между краемъ садовъ и самаркандскими высотами, затруднить дебушированіе нашихъ войскъ черезъ рѣку, заставляя двигаться подъ выстрѣлами ихъ артиллеріи, расположенной на высотахъ. Плотина не была готова къ 1 мая; окончанія ея ожидали на слѣдующій день. На этотъ разъ оказалось, что условія дѣйствительно были доставлены; но онѣ были написаны на персидскомъ языкѣ съ обиліемъ арабскихъ словъ, и не могли быть переведены ни однимъ изъ наличныхъ нашихъ переводчиковъ. Изъ того же, что могли разобрать, оказалось, что эмиръ прислалъ условія, не вполнѣ тождественныя съ тѣми, которыя ему были предложены. Они были измѣнены и относительно

формы. Ему было предложено заключить условія съ главнымъ начальникомъ Туркестанскаго края, а въ присланныхъ условіяхъ говорилось, что Сеидъ-Музафаръ, эмиръ Бухары, заключаетъ условіе съ Императоромъ Александромъ II. Это служило доказательствомъ, что эмиръ, мечтая еще о своей силѣ, не намѣренъ былъ соглашаться на уступки и велъ переговоры единственно съ цѣлью затянуть и выиграть время. Ему были посланы условія въ готовомъ видѣ, для приложенія лишь печати. Каждый пунктъ условій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переговоровъ былъ подробно разъясненъ и, по его же увѣреніямъ, имъ былъ понятъ и принятъ.

Командующій войсками приказалъ отряду двигаться до самаго Зеравшана. На просьбы Наджмутдина-ходжи не идти далѣе и остановиться на мѣстѣ привала, генералъ Кауфманъ отвѣтилъ отказомъ, такъ какъ иначе войскамъ приходилось ночевать въ садахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Посланецъ увѣрялъ, что бухарскихъ войскъ нигдѣ нѣтъ, что Бухара лишь мечтаетъ о мирѣ, и что толпы, которыя открыли по насъ перестрѣлку, были лишь любопытные изъ народа.

Только по выходѣ изъ садовъ, когда открылась передъ войсками широкая поляна, пересѣкаемая потоками р. Зеравшана, чупанъ-атинскія высоты и сады города Самарканда, примыкавшіе къ высотамъ, стало ясно, что было приготовлено бухарцами для встрѣчи русскихъ.

Позиція, длиною слишкомъ въ 12 верстъ, была вся усѣяна непріятелемъ. Центръ ея, расположенный на чупанъ-атинскихъ высотахъ, составлялъ ключъ позиціи. Высоты были покрыты сверху до низу бухарскими войсками. На нихъ было расположено 24 артиллерійскихъ орудія.

Словомъ, на позиціи подъ Самаркандомъ была собрана вся военная сила Бухарскаго ханства и само по себѣ непріятельское расположеніе было очень сильное.

Было 11 часовъ дня.

Войска уже сдѣлали тридцативерстный переходъ. День былъ очень жаркій.

Бухарцы открыли огонь изъ орудій. Выстрѣлы были однако безвредны. Только два орудія, стоявшія ближе къ намъ, могли попадать въ ряды войскъ навѣсными выстрѣлами.

Войска наши остановились между рукавами Зеравшана, въ полутора-верстахъ отъ высотъ, занятыхъ бухарцами. Впереди разстилалось широкое каменистое ложе Зеравшана, имѣвшаго здѣсь множество глубокихъ и быстрыхъ рукавовъ. За рѣкой, какъ было ска-

зано, расположены были самаркандскія высоты. Вдоль подошвы высотъ тянулась линія регулярныхъ бухарскихъ войскъ, сарбазовъ; на самой высотѣ видна была другая линія сарбазовъ. Прочіе пункты позиціи были сплошь покрыты массами конницы съ множествомъ бунчуковъ и значковъ. Дороги, ведущія въ Самаркандъ, числомъ три, обстрѣливались непріятельскими орудіями.

Когда нашъ авангардъ занялъ назначенное ему мѣсто, генералъ Кауфманъ объявилъ Наджмутдинъ-ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшіе переговоры о мирѣ и хочетъ избѣгнуть кровопролитія, то пусть пошлетъ сказать бекамъ, начальствующимъ надъ бухарскими войсками, чтобы они, не позже какъ черезъ два часа, отвели свои войска назадъ и очистили высоты.

Наджмутдинъ, какъ бы согласившись съ этимъ, тотчасъ послалъ двухъ изъ своихъ приближенныхъ сообщить въ бухарскій станъ волю командующаго войсками. Но два часа оканчивались, а отвѣта не было. Къ этому времени отрядъ нашъ выстроился въ боевой порядокъ, въ двѣ линіи съ резервомъ, раздѣленнымъ на двѣ части: одна за правымъ, другая за лѣвымъ флангомъ линіи.

Командующій войсками еще разъ заявилъ Наджмутдину-ходжѣ, что онъ тотчасъ же прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно молилъ о пощадѣ, прося подождать еще нѣсколько времени; наконецъ попросилъ позволенія поѣхать самому къ бекамъ, давъ слово черезъ часъ непремѣнно очистить высоты. Командующій войсками отпустилъ посланца, сказавъ, что онъ не начнетъ атаки и черезъ часъ, если увидитъ, что бухарскія войска начнутъ отходить съ высотъ въ направленіи къ городу. Оказалось, что Наджмутдинъ-ходжа хлопоталъ только о томъ, какъ бы вырваться изъ нашихъ рукъ и выиграть еще сколько-нибудь времени. Тотчасъ же по переѣздѣ его на ту сторону рѣки началось передвиженіе бухарскихъ войскъ, и за четверть часа до окончанія даннаго срока по всей линіи загремѣла канонада и ружейная пальба.

Замаскированная деревьями и конницею батарея бухарцевъ вдругъ была раскрыта и въ свиту командующаго войсками полетѣли ядра. Выждавъ срокъ, данный бухарцамъ для начатія отступленія, генералъ Кауфманъ словами «съ Богомъ» двинулъ отрядъ впередъ.

Войска праваго фланга наступали подъ начальствомъ командующаго войсками сыръ-дарьинской области, генералъ-маіора Головачова; войска лѣваго фланга — подъ командою полковника Абрамова. Командующій войсками округа находился при этой послѣдней колоннѣ.

По грудь въ водѣ, преодолѣвая быстрое теченіе горнаго Зеравшана, войска вскорѣ перешли рѣку, прошли болота, расположенныя на лѣвомъ ея берегу, и приблизились къ высотамъ. Подъ непріятельскими выстрѣлами, войска, при дружномъ крикѣ «ура», бросились въ штыки, на первую линію сарбазовъ и опрокинули ее. Все, что было расположено на скатѣ высотъ, обратилось въ бѣгство.

Вскорѣ были заняты высоты, на которыхъ непріятель бросилъ 24 орудія. Бухарская армія обратилась въ бѣгство. Съ высотъ чупанъ-атинскихъ горъ войскамъ открылось великолѣпное зрѣлище знаменитаго во всемірной исторіи, священнаго для мусульманъ города, Самарканда.

Потеря наша состояла изъ 2-хъ убитыхъ, 31 раненыхъ и 7 контуженныхъ.

Къ 9 часамъ отрядъ устроился на ночлегѣ. Всѣ были убѣждены, что бухарскія войска отступили въ Самаркандъ и что столицу Тамерлана, столь грознаго въ XV вѣкѣ для Россіи, придется брать штурмомъ.

Но оказалось иначе. На разсвѣтѣ 2 мая къ командующему войсками явились старшіе представители духовенства и мѣстной власти Самарканда и просили принять городъ подъ покровительство и въ подданство «Бѣлаго Царя». Каты-аминъ, глава аксакаловъ, объявилъ, что жители Самарканда, страдая отъ своеволія и тираніи бековъ и эмира, съ радостью ожидаютъ прихода русскихъ, на которыхъ смотрятъ какъ на избавителей, и что поэтому, когда разбитыя войска эмира направились въ городъ, жители заперли ворота и не пустили ихъ, въ надеждѣ, что русскіе не дадутъ ихъ въ обиду. Тоже говорилъ и казы-калянъ (старшій судья) — глава самаркандскаго духовенства.

Командующій войсками, выразивъ согласіе на принятіе Самарканда подъ покровительство русской власти, отправилъ часть депутаціи въ городъ съ приказаніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные жители города собрались у ближайшихъ городскихъ воротъ, для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Казы-калянъ и каты-аминъ были оставлены въ лагерѣ, для сопровожденія отряда и указанія дороги черезъ сады и городъ.

Часовъ въ 7 утра изъ Самарканда прискакали два аксакала съ просьбою поспѣшить вступленіемъ въ городъ, такъ какъ къ полудню городъ легко можетъ быть занятъ 20 тыс. шахрисябзцевъ, приближавшихся въ то время къ Самарканду съ южной стороны, изъ-за зеравшанскихъ горъ.

Тотчасъ по сбору, и менѣе чѣмъ черезъ полчаса, авангардъ, въ

составѣ 9-ти ротъ пѣхоты, съ 4 орудіями и сотнею казаковъ, вытянулся по дорогѣ къ Самарканду. При авангардѣ слѣдовалъ командующій войсками. Прочія войска отряда остались на чупанъ-атинскихъ высотахъ, подъ командою полковника Абрамова, гдѣ и поджидали прибытія обоза.

Аксакалы и старѣйшины города Самарканда, стоявшіе по сторонамъ воротъ Шахъ-зинда, павъ ницъ, поднесли побѣдителю «хлѣбъ-соль» и повторили просьбу о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.

Путь черезъ базаръ до цитадели кишѣлъ массами жителей, привѣтливо встрѣчавшихъ войска.

Вскорѣ была занята цитадель и во внутреннемъ дворѣ дворца эмира, у самаго трона Тимурленга (Тамерланъ) — *Кокъ-таша* — устроилась на отдыхъ рота 3-го туркестанскаго баталіона.

Въ цитадели было найдено 2 орудія, 3747 ядеръ, 533 гранаты и бомбъ, 218 зарядовъ, 101 пудъ пороху и 30.763 патроновъ.

Такъ палъ Самаркандъ, по выраженію мусульманъ «средоточіе міра», бывшая столица одного изъ самыхъ грозныхъ и могущественныхъ владыкъ міра, Тамерлана; палъ, защищаемый огромной арміей бухарцевъ, передъ горстью русскихъ людей. Ни одна побѣда въ Средней Азіи не производила такого сильнаго впечатлѣнія на весь мусульманскій міръ.

Имущество жителей осталось неприкосновеннымъ и черезъ нѣсколько дней все городское населеніе обратилось къ своимъ обыденнымъ занятіямъ. Городская жизнь оживилась, лавки открылись, базаръ кишѣлъ народомъ; какъ будто не было и помину о войнѣ и ея бѣдствіяхъ.

Весь самаркандскій раіонъ призналъ нашу власть. Исключеніе составили Чилекъ и Ургутъ съ его обширнымъ горнымъ населеніемъ. Черезъ нѣсколько дней, именно 6 мая, Чилекъ былъ занятъ особымъ отрядомъ, цитадель его разрушена и войска возвратились въ Самаркандъ.

Противъ Ургута, гдѣ былъ бекомъ Гуссейнъ, не подчинявшійся Бухарѣ, была послана, 11 мая, отдѣльная колонна войскъ, подъ начальствомъ полковника Абрамова. Ургутъ расположенъ въ 35 верстахъ къ юго-востоку отъ Самарканда. Въ маѣ 1868 г. городъ имѣлъ крѣпкую цитадель, обнесенную тремя прочными стѣнами. Цитадель командовала городомъ. Такъ какъ Гуссейнъ-бекъ, на предложеніе выѣхать къ начальнику отряда, не явился, не смотря на то, что ему данъ былъ на это срокъ, и такъ какъ къ 12-му часу

утра въ городѣ была приготовлена упорная защита, а парламентеры прямо объявили, что Гуссейнъ-бекъ не явится вовсе къ русскимъ, что войска его собраны, а городъ готовъ къ оборонѣ, то полковникъ Абрамовъ повелъ войска на штурмъ и взялъ городъ. Въ три часа по полудни городъ и цитадель были заняты. Непріятель бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ до 300 труповъ. Наша потеря состояла изъ 1 убитаго и 14 раненыхъ. Разрушивъ цитадель и казармы сарбазовъ, полковникъ Абрамовъ 13 числа возвратился съ отрядомъ въ Самаркандъ.

Между тѣмъ эмиру сдѣлано новое предложеніе о мирѣ, посланное съ двумя иранцами, вызвавшимися доставить письмо генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го эмиру въ Бухару. Одинъ изъ этихъ посланныхъ былъ зарѣзанъ въ Катта-курганѣ, а другой посаженъ въ яму.

Чтобы побудить эмира быть сговорчивѣе, рѣшено было занять Катта-курганъ, куда былъ отправленъ отрядъ изъ 14-ти ротъ и 4 сотенъ казаковъ при 8 орудіяхъ, подъ командою генерала Головачова, который и выступилъ изъ Самарканда 16 мая.

18 мая крѣпость Катта-курганъ была занята. Непріятельскій гарнизонъ покинулъ ее до приближенія русскихъ. Жители встрѣтили начальника отряда съ хлѣбомъ-солью. Эмиръ тотчасъ же выслалъ своихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. По прибытіи въ Катта-курганъ, командующій войсками послалъ эмиру слѣдующія условія мира: уплатить въ 8 лѣтъ контрибуцію въ 3.600.000 руб., послѣ чего ему будутъ возвращены всѣ, завоеванные въ маѣ, города зеравшанской долины, или уплатить единовременно 400 тыс. руб. сер. и признать завоеванные пункты за русскими. Въ обоихъ случаяхъ торговый трактатъ долженъ быть принятъ и утвержденъ. Послы просили перемирія на десять дней. Получивъ на это согласіе, одинъ изъ нихъ отправился въ Бухару, другой пожелалъ остаться при нашемъ отрядѣ. Бухарцы не исполнили условіе перемирія; они въ теченіе этихъ 10 дней безпрестанно тревожили стоявшія подъ Катта-курганомъ наши войска.

Какъ оказалось впослѣдствіи, бухарцы вовсе не думали о мирѣ. Они дѣятельно готовились къ борьбѣ, собирали войска, сносились съ Шяхрисябзомъ и подготовляли жителей занятыхъ нами частей Міанкала къ вооруженному противъ насъ возстанію.

Съ 24 мая катта-курганскій отрядъ ежедневно отбивалъ по нѣсколько нападеній мелкихъ партій. 27 числа непріятель особенно энергично атаковалъ лагерь, но былъ отбитъ. 29-го нападеніе было повторено еще въ большихъ размѣрахъ и также было отбито. 31

мая генералъ Кауфманъ, временно выѣхавшій въ Самаркандъ 24 мая, снова пріѣхалъ въ Катта-курганъ. Передовой отрядъ былъ увеличенъ. Въ немъ состояло 20 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ, 14 орудій и 6 ракетныхъ станковъ, всего 1700 штыковъ и 320 шашекъ. Изъ этого числа 2 роты при двухъ орудіяхъ были назначены гарнизономъ въ цитадель; прочія части составили дѣйствующій отрядъ.

Положеніе дѣлъ въ занятой нами части долины Міанкала было въ высшей степени напряженное. Жители селеній, расположенныхъ между Самаркандомъ и Катта-курганомъ, бросили свои дома и скрылись. Аксакалы и казіи міанкальскихъ поселеній не являлись въ Самаркандъ. Казій, назначенный русскими въ Ургутъ, возвратился въ Самаркандъ, объявивъ, что жители не желаютъ его имѣть своимъ казіемъ.

Изъ Китаба получено было извѣстіе, что шахрисябзскіе беки снаряжаютъ большую силу на помощь эмиру и съ двадцатью тысячами идутъ чрезъ Кара-тюбе къ Самарканду. Вслѣдствіе этого извѣстія, изъ Катта-кургана были двинуты 3 роты пѣхоты въ Самаркандъ. До прибытія ихъ, всѣ войска, не исключая и сборной (конвойной) сотни командующаго войсками, поступили въ составъ особаго отряда, назначеннаго, подъ командою полковника Абрамова для дѣйствій противъ шахрисябзцевъ подъ Кара-тюбе. Въ Самаркандѣ остался командующій войсками съ свитой и 15 казаками, прибывшими съ почтою изъ Яны-кургана. Кромѣ этихъ людей никого, кромѣ больныхъ, въ цитадели города не оставалось. Отрядъ полковника Абрамова расположился близь Самарканда, къ сторонѣ Кара-тюбе.

27 мая, когда въ Самаркандъ прибыли роты изъ Катта-кургана, приказано было полковнику Абрамову идти на встрѣчу шяхрисябзцевъ, разбить ихъ и немедленно возвратиться въ Самаркандъ.

Такимъ образомъ началась борьба съ новымъ врагомъ, съ населеніемъ значительнаго бекства, болѣе другихъ воинственнаго и вполнѣ независимаго отъ Бухары.

Достигнувъ въ тотъ же день Кара-тюбе, расположеннаго въ 30 верстахъ къ югу отъ Самарканда, отрядъ полковника Абрамова разбилъ скопище шяхрисябзцевъ и рано утромъ 28 мая выступилъ обратно въ Самаркандъ.

Все указывало на необходимость нанести рѣшительный ударъ арміи эмира, которая весьма скоро возрасла до большихъ размѣровъ и была расположена недалеко отъ Катта-кургана.

Между тѣмъ, санитарное состояніе дѣйствующаго отряда пред-

ставляло опасные симптомы. Больныхъ было такъ много, что въ нѣкоторыхъ ротахъ на лицо считалось до 80 и 90 человѣкъ, а въ сотняхъ отъ 60 до 70 конныхъ. Возвратная горячка свирѣпствовала во всей силѣ. Число всѣхъ больныхъ дѣйствующаго отряда достигло огромной цифры—1200 человѣкъ. Заболѣвшіе были размѣщены въ походныхъ лазаретахъ Катта-кургана, Самарканда и Яны-кургана и въ джизакскомъ госпиталѣ, куда больные перевозились, по мѣрѣ возможности, изъ Яны-кургана. Если присоединить къ этому большое число околодочныхъ при войскахъ, которые отъ своихъ частей не отдѣлялись и всегда готовы были раздѣлить съ вполнѣ здоровыми своими товарищами труды и опасности боевой жизни, тогда очевиднымъ станетъ трудное положеніе нашихъ дѣлъ въ концѣ мая 1868 года. Изъ Ташкента было взято все, что было возможно. Какъ базисъ военныхъ операцій противъ Бухары, городъ этотъ имѣлъ гарнизонъ только самый необходимый.

Настояло положить предѣлъ этому натянутому положенію, нанести рѣшительный ударъ бухарской арміи и, сломивъ кичливость эмира, добиться почетнаго для русскихъ мира.

Оставивъ въ Самаркандѣ гарнизонъ изъ 4-хъ ротъ 6-го баталіона и роты саперъ съ двумя орудіями съ запряжкою, двумя полупудовыми мортирами и бухарскою артиллеріею, поставленною на стѣнахъ и сколь возможно приведенною въ порядокъ, генералъ Кауфманъ съ прочими войсками, 30 мая на разсвѣтѣ, двинулся форсированнымъ маршемъ въ Катта-курганъ. Наканунѣ этого дня командующій войсками получилъ отъ генерала Головачова донесеніе, что съ 28 мая, въ 10 верстахъ отъ Катта-кургана на Зерабулакскихъ высотахъ, стали группироваться скопища бухарцевъ, что тамъ сосредоточиваются всѣ войска эмира и масса вооруженныхъ жителей западной части долины Зеравшана, что съ 24 мая непріятель ежедневно дѣлалъ по два нападенія на нашъ лагерь и что нападенія эти изо-дня въ день становятся болѣе и болѣе упорными.

Съ небольшимъ въ сутки отрядъ изъ Самарканда прошелъ 65 верстъ и прибылъ въ Катта-курганъ. Движеніе отряда было до чрезвычайности затруднено жаркой погодой, песчаной дорогой и значительнымъ обозомъ.

Срокъ перемирія въ Катта-курганѣ, которое бухарцы безпрестанно нарушали, истекалъ 1 іюня. По всѣмъ признакамъ непріятель долженъ былъ находиться въ значительныхъ массахъ на позиціи, расположенной близь Катта-кургана. Такъ говорили и лазутчики.

Въ два часа ночи на 2 іюня войска выступили изъ Катта-кур-

гана. Отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны. Впереди шелъ авангардъ изъ 4-хъ сотень казаковъ, 6-ти ротъ пѣхоты, при 4-хъ орудіяхъ конно-облегченной казачьей батареи и 6-ти ракетныхъ станкахъ. Всего въ авангардѣ было 790 штыковъ и 280 шашекъ. Авангардомъ командовалъ полковникъ Пистолькорсъ. Вторая колонна была составлена изъ 7-ми ротъ пѣхоты, роты афганцевъ [1]), дивизіона батарейной и дивизіона нарѣзной батареи, всего съ афганцами 750 штыковъ и 8 орудій. Третья колонна составляла аріергардъ и прикрывала довольно многочисленный обозъ. Въ ней состояло 4 роты пѣхоты, сотня казаковъ и взводъ батарейной батареи; всего 420 штыковъ и 60 шашекъ. Начальникомъ аріергарда былъ маіоръ Тихменевъ.

Дорога тянулась вдоль лѣваго берега большаго арыка — Наръ-пая.

Когда разсвѣло, войска увидѣли влѣво отъ дороги и параллельно ей непріятельскую конницу, занимавшую по фронту протяженіе отъ 8 до 10 верстъ и въ глубину около полуверсты. Всадники съ крикомъ «уръ-уръ!» гарцовали на дальній отъ насъ выстрѣлъ. Этотъ боевой крикъ раздавался все время движенія отряда, то усиливаясь, то затихая. Войска шли походнымъ порядкомъ. По непріятельской конницѣ не велѣно было стрѣлять. Кавалеріи этой, какъ оказалось впослѣдствіи, было до 20 тыс. Она была подъ начальствомъ извѣстнаго наѣздника Садыка.

По правую сторону дороги шелъ арыкъ Наръ-пай, по лѣвую возвышались Зерабулакскія высоты. Когда авангардъ приблизился къ этимъ высотамъ, онъ увидѣлъ влѣво отъ дороги всю бухарскую армію, устроенную въ боевой порядокъ Начальникъ авангарда прискакалъ къ командующему войсками, который ѣхалъ при колоннѣ полковника Абрамова, и доложилъ о видѣнномъ. Сарбазы, числомъ до 6 тыс. [2]), были расположены у подошвы высотъ, въ 500 шагахъ отъ дороги, почти параллельно ей, представляя изъ себя длинный фронтъ съ тупымъ переломомъ у середины. Надъ ними и позади ихъ, на крутомъ обрывѣ горы, было поставлено 14 орудій, открывшихъ по войскамъ навѣсный, совершенно безвредный огонь. Командующій войсками въѣхалъ на курганъ, лежавшій вправо отъ дороги, и увидѣлъ всю позицію непріятеля. По обозрѣніи непріятельскаго расположенія, онъ рѣшилъ немедленно атаковать бухарцевъ авангардомъ и колонною полковника Абрамова. Авангардъ долженъ

[1]) Передавшихся намъ, съ Искандеръ-ханомъ во-главѣ, предъ самою бухарскою кампаніею.

[2]) Какъ говорилъ впослѣдствіи самъ эмиръ.

былъ атаковать лѣвый флангъ непріятеля, начавъ атаку съ мѣста; полковнику Абрамову приказано было обстрѣлять непріятельскую позицію, батарейными и нарѣзными четырехфунтовыми орудіями, и въ атаку идти тогда, когда будетъ данъ сигналъ отъ главнаго начальника. Сигналъ этотъ генералъ Кауфманъ рѣшилъ дать спустя нѣкоторое время отъ начала атаки авангарда. Цѣль такого рѣшенія заключалась въ томъ, чтобы, втянувъ въ дѣло бухарцевъ, задержавъ ихъ подольше на позиціи, заставить принять серьезный бой не на высотахъ и нанести арміи эмира рѣшительный ударъ. И дѣйствительно, всѣ обстоятельства сложились такъ, что нашимъ войскамъ довелось 2 іюня на-голову разбить непріятеля. Иначе, если бухарцы, не принявъ боя, бросили бы позицію и бѣжали въ предѣлы независимой Бухары, намъ пришлось бы далеко удалиться отъ Самарканда. Отступленіе же, на подобіе того, какое произвели бухарцы 1 мая, когда ихъ позиція была атакована разомъ всею линіею нашихъ войскъ, затянуло бы кампанію на долго и связало бы отряду руки; а между тѣмъ присутствіе войскъ въ Самаркандѣ, какъ будетъ видно ниже, было крайне необходимо.

Предположенія командующаго войсками оправдались. Бухарская армія приняла бой. Никогда еще, съ начала нашихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, армія непріятеля не принимала такъ стойко и рѣшительно боя въ открытомъ полѣ. За то никогда не терпѣла она такого пораженія, какое испытали бухарцы 2 іюня на Зерабулакскихъ высотахъ. Когда послѣдовало приказаніе полковнику Абрамову идти въ штыки, можно было быть увѣреннымъ въ рѣшительной побѣдѣ. Сарбазы, расположенные на лѣвомъ флангѣ, въ особенности передніе ихъ ряды, выдержавшіе 8 очередей картечныхъ выстрѣловъ дивизіона конно-казачьей батареи Топорнина, понесли огромную потерю. Стрѣляя сначала въ наши войска, сарбазы, ошеломленные частымъ картечнымъ огнемъ, начали стрѣлять вверхъ, надъ своими головами. По всему видно было, что въ ихъ рядахъ распространилась паника. Въ этотъ самый моментъ началось движеніе въ атаку по всей нашей линіи. Къ удивленію и счастью, сарбазы при началѣ этой атаки не тотчасъ же обратились въ бѣгство; часть ихъ допустила даже нашъ фронтъ на весьма близкое разстояніе. Въ это же время непріятельская конница съ энергіею нападала во-флангъ, особенно на 5-й туркестанскій линейный баталіонъ, но каждый разъ она съ большимъ урономъ быстро отступала. Сарбазы не выдержали нашего натиска въ штыки и повернули назадъ. Артиллерія непріятеля снялась съ позиціи еще при началѣ общей атаки.

Дѣло было выиграно. Оставалось энергическимъ преслѣдованіемъ

довершить побѣду. Ожесточенное преслѣдованіе разбитой арміи продолжалось на протяженіи восьми верстъ. Большая масса труповъ покрыла поля на значительное разстояніе. Вся степь впереди была усѣяна убитыми сарбазами, одѣтыми въ красныя куртки. Непріятельская конница ускакала далеко въ степь, въ-разсыпную, — кое-гдѣ мелькали ея значки.

Трофеями нашими были множество значковъ, одно орудіе, оставленное бухарцами, и артиллерійскій транспортъ въ 40 вьючныхъ ящиковъ съ зарядами.

Преслѣдованіе было остановлено. Войска собрали къ мосту Казы-кышлакъ, перекинутому черезъ арыкъ Наръ-пай.

Во время дѣла на высотахъ, непріятельская конница дѣлала нѣсколько разъ нападенія на аріергардъ и обозъ. Нападенія эти были отбиты ружейнымъ огнемъ.

Къ 10 часамъ утра непріятель совершенно скрылся изъ виду. Остатки спасавшихся бѣгствомъ бухарцев направились къ колодцу Кара-кудукъ. Пѣшіе люди, истомленные жаждой, не нашли въ колодцахъ воды, вычерпанной опередившими ихъ конными. Возлѣ этихъ колодцевъ многіе окончили свою жизнь. Потеря бухарцевъ была огромная: однихъ сарбазовъ, по словамъ самого эмира, легло до 5 тыс. человѣкъ.

Сила Бухары была сломлена. Ей не съ чѣмъ уже было продолжать борьбу.

3 іюня предпринята была рекогносцировка горъ Зератау. Съ высотъ на далекое разстояніе не было видно уже и слѣдовъ непріятеля.

Вечеромъ того же дня получено было первое извѣстіе о какихъ-то безпорядкахъ въ Самаркандѣ и о прибытіи къ городу скопищъ шяхрисябзцевъ. Свѣдѣніе это сообщилъ лазутчикъ-туземецъ. Такъ какъ отъ коменданта Самарканда не получалось въ то время еще ни одного донесенія, то явилось предположеніе, что слухи, сообщенные лазутчикомъ, ложны.

4 іюня отрядъ пришелъ къ Катта-курганъ. 5-го устроенъ былъ гарнизонъ въ Катта-курганѣ, въ составъ котораго поступилъ 5 баталіонъ, въ числѣ 300 штыковъ, и 2 орудія. Сверхъ того въ гарнизонъ должны были поступить больные (по ихъ выздоровленіи) того же баталіона, находившіеся въ походномъ лазаретѣ Катта-Кургана.

6 войска выступили въ Самаркандъ, и только 7-го на привалѣ, въ 18 верстахъ отъ города, получено было первое донесеніе коменданта о критическомъ положеніи цитадели. Всѣ прежнія

донесенія коменданта были перехвачены и не дошли до командующаго войсками.

Отрядъ остановился на ночлегъ въ 6 верстахъ отъ города, а на разсвѣтѣ 8-го іюня двинулся на выручку храбрыхъ защитниковъ самаркандской цитадели.

Въ промежутокъ времени между выходомъ отряда съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ изъ Самарканда 30-го мая и возвращеніемъ его 8 іюня обратно произошло то, что извѣстно подъ названіемъ «семидневной осады самаркандской цитадели жителями».

Нѣкоторые какъ бы намеки на то, что случилось въ эти 7 дней, были уже раньше, до выступленія отряда къ Катта-кургана. Еще 28 мая, когда полковникъ Абрамовъ возвращался съ отрядомъ послѣ боя подъ Кара-тюбе, онъ былъ встрѣченъ въ самаркандскихъ садахъ выстрѣлами, и потребовалось, изъ предосторожности, двинутъ стрѣлковыя цѣпи въ сады по сторонамъ дороги, чтобы быть увѣреннымъ въ безпрепятственномъ слѣдованіи отряда до цитадели. Кромѣ того, начальникомъ города, подполковникомъ Сѣровымъ, было замѣчено какое-то неопредѣленное движеніе между жителями: многіе изъ нихъ начинали убираться изъ окрестностей, нѣсколько мѣстныхъ маленькихъ базарчиковъ закрылись. Но это были все-таки настолько отдаленные намеки, что только впослѣдствіи можно было оцѣнить ихъ характеръ и дать имъ настоящее толкованіе. Рядомъ съ этимъ, достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи эмира съ огромнымъ войскомъ къ Катта-кургану настоятельно требовали и со стороны русскихъ сосредоточенія противъ него возможно бо́льшаго числа войскъ, такъ какъ побѣда надъ главными бухарскими силами должна была рѣшить сразу вопросъ объ исходѣ кампаніи 1868 г.

Въ то время, какъ русскія войска выступили изъ Самарканда и направились къ Катта-кургану на встрѣчу эмира, изъ-за шахрисябзскихъ горъ потянулись другія войска — конныя, съ длинными характерными пиками и разнообразнымъ вооруженіемъ, по дорогѣ къ Самарканду, въ облаву оставленнаго русскаго гарнизона въ 600 чел. пѣхоты. Основу этихъ вышедшихъ изъ-за горъ войскъ составляли шахрисябзцы, возлѣ которыхъ группировались громадныя массы разнаго сброда; китай-кипчаковъ, каракалпаковъ, ургутцевъ, пянджикентцевъ, наймановцевъ, и др. Однихъ шахрисябзцевъ было до 25 тысячъ.

Планъ движенія былъ очевиденъ: разсчитывая на огромное число войскъ эмира, двинувшаго всю свою регулярную пѣхоту и артиллерію, которыя должны были встрѣтить отрядъ генерала фонъ-Кауф-

мана, шахрисябзцы направлялись въ тылъ этого отряда и блокировали плохо защищенную цидатель, небольшой гарнизонъ которой долженъ былъ быть подавленъ окончательно массами осаждающихъ; поддержанныхъ населеніемъ города.

1-го іюня уже нѣкоторые аксакалы города явились къ коменданту маіору Штемпелю съ заявленіемъ, что около однихъ воротъ разъѣзжаютъ шахрисябзцы шайками, но посланной туда ротѣ окрестные жители объяснили противное, будто шаекъ никакихъ не видно. Вечеромъ на высотахъ Чупакъ-ата появились толпы конныхъ людей. На другой день чѣмъ-свѣтъ двѣ роты были высланы снова къ тѣмъ же городскимъ воротамъ и встрѣтили небольшую шайку, которую и прогнали пушечными выстрѣлами. Оттуда роты перешли къ другимъ воротамъ, отогнали другую партію и возвратились въ цитадель.

Прошло около часу. Вдругъ по всему городу затрещали туземные барабаны, загудѣли огромныя мѣдныя трубы, крики множества народа покатились изъ стороны въ сторону. Во всѣ ворота вступалъ непріятель, привѣтствуемый жителями, и направлялся къ цитадели. Войска гарнизона тотчасъ же были размѣщены на главиыхъ пунктахъ и у каждыхъ изъ двухъ воротъ поставлено по батарейному орудію.

Первые и главные приступы были направлены на бухарскія и самаркандскія ворота, которыя непріятель пытался поджечь; это удалось ему въ первый день только съ бухарскими воротами, которыя вслѣдъ затѣмъ были заложены мѣшками и обращены въ прикрытіе для орудія. Кромѣ воротъ, штурмующіе кидались нѣсколько разъ въ проломы, бывшіе въ стѣнахъ цитадели, и въ одинъ изъ нихъ имъ удалось разъ даже ворваться. Хотя всѣ приступы и были отбиты защитниками, но это стоило имъ слишкомъ большихъ потерь: убитыхъ было 2 офицера и 20 нижнихъ чиновъ, раненыхъ 4 офицера и 54 нижнихъ чиновъ, т. е. 80 человѣкъ выбыло изъ рядовъ, въ которыхъ считалось всего 752 человѣка (въ томъ числѣ всѣ нестроевые, слабые и больные, взявшіеся за ружья, и 94 артиллериста).

Чтобы понять то положеніе, которое сложилось для защитниковъ цитадели, необходимо сказать, что старая бухарская цитадель съ высокими глиняными стѣнами давнымъ-давно уже потеряла значеніе крѣпости: она вся была сплошь застроена домами, не имѣла извнутри ни исходовъ на стѣну, ни барбетовъ, ни фланговой обороны: во многихъ мѣстахъ образовались проломы, служившіе жителямъ калитками для входа въ цитадель. Кругомъ къ самой стѣнѣ примыкали тѣсно

скученныя городскія постройки, такъ-что цитадель скорѣе изображала границу привиллегированнаго квартала города, чѣмъ служила для охраны. Эта же самая цитадель, по протяженію линіи огня (около трехъ верстъ), требовала очень большаго числа войскъ на случай защиты. Всѣмъ этимъ какъ нельзя лучше воспользовались осаждающіе. Они бросились во всѣхъ сторонъ на самыя слабые пункты цитадели, укрывались безнаказанно подъ самыми стѣнами, дѣлая всходы къ проломоаъ; заняли всѣ окружающіе цитадель дома, сады и стѣнки и не позволяли высунуться ни одной русской головѣ, чтобы не обсыпать ее цѣлымъ градомъ пуль съ самаго ближайшаго разстоянія.

Положеніе защитниковъ было совершенно обратное. Раскиданные кучками по всей линіи стѣны, они должны были выжидать, когда непріятель появится передъ самымъ ихъ носомъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать противъ него. Въ ихъ распоряженіи было всего два батарейныхъ орудія и двѣ мортиры, да четыре бухарскія пушки съ едва подобранными снарядами и безъ правильныхъ подъемныхъ механизмовъ. Кромѣ того, въ цидатели находилось около 600 больныхъ и раненыхъ.

Всю ночь продолжалась стрѣльба и было сдѣлано нѣсколько приступовъ. Съ разсвѣтомъ дѣло стало разгораться снова. Непріятель настоятельно штурмуетъ бухарскія ворота и, наконецъ, врывается въ цитадель, какъ черезъ ворота, такъ и въ ближайшій проломъ. Оборотъ дѣлу въ эту рѣшительную минуту даютъ г. Верещагинъ [1]) и подполковникъ Назаровъ, увлекающіе за собой солдатъ: ворвавшійся непріятель былъ выгнанъ изъ цитадели. Онъ былъ отбитъ много разъ и отъ самаркандскихъ воротъ, которыя ему удалось, наконецъ, сжечь, какъ вчера бухарскія,—былъ отбитъ и въ другихъ проломахъ; но эти геройскія усилія гарнизона снова принесли ему почти такую же потерю, какъ и вчера: изъ строя выбыло 70 человѣкъ. Ряды защитниковъ слишкомъ порѣдѣли отъ такихъ потерь, да кромѣ того люди были утомлены до крайности въ эти два дня и двѣ ночи безпрерывной борьбы. Это побудило коменданта перенести всѣхъ больныхъ, паркъ и провіантъ въ эмировскій дворецъ и очистить вокругъ него эспланаду, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ крайности, перенести защиту отъ стѣнъ цитадели во дворецъ.

Къ счастію, до этого не дошло: 3-го числа въ ночь главныя шахрисябскія силы, получивъ извѣстіе объ исходѣ битвы подъ Зерабулакомъ 2-го іюня, оставили городъ. Хотя событіе это и не

---

[1]) Художникъ В. В. Верещагинъ, остававшійся въ Самаркандѣ и принимавшій участіе въ защитѣ цитадели.

имѣло своимъ послѣдствіемъ прекращеніе дѣйствій со стороны осаждающихъ (4-го и 5-го продолжались еще настойчивые приступы непріятеля), но все-таки значительно ослабило ихъ энергію и тѣмъ дало возможность защитникамъ не только удержать за собою цитадель, но вскорѣ перейти и къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Такъ, съ 5-го числа гарнизонъ уже началъ производить вылазки для того, чтобы сжигать окружающія цитадель сакли, а также и для фуражировки. Но до послѣдняго дня положеніе гарнизона все-таки оставалось положеніемъ осажденнаго, что особенно отзывалось неблагопріятно на массѣ больныхъ, нѣсколько дней пользовавшихся водою изъ стоячихъ прудовъ и пустой похлебкой изъ однихъ крупъ, безъ мяса.

Во все это время, съ первыхъ же дней осады, комендантъ не переставалъ дѣлать попытки сообщить въ главный отрядъ о положеніи русскихъ въ Самаркандѣ, но только 5-го числа седьмому (шесть было перехвачено) донесенію удалось достигнуть до генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана. 8-го числа главный отрядъ, утромъ, вступилъ въ сады Самарканда и былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ сакель и садовъ. Двинутыя въ городъ по разнымъ направленіямъ колонны выбили изъ засадъ непріятеля, разогнали и очистили отъ него окончательно городъ и сады. Самаркандскіе жители были наказаны за упорное участіе въ осадѣ цитадели сожженіемъ городскаго базара и разрушеніемъ всѣхъ построекъ, занимавшихъ эспланаду крѣпости.

